

В номере:

Наши партнеры

ЛитАльянс «МГП ПС – Литпортал Планета Рать» 3

Великая Отечественная

Алла Ступина. На страже истории..... 10

Трагические даты

Роза Абрамян. Ленинанкан – любовь моя, боль моя..... 12

Проза

Владимир Уланов. Княжеский крест..... 19

Игорь Хомечко. Ну что же вы, ну дайте побыть Богом 48

Никита Николаенко. Возвращение в прошлое..... 54

Владислав Кожухарь. Мастер и Маргарита 58

Евгений Татарский. Однажды ты проснёшься..... 62

Очерк

Виктор Гришин. Площадь Турбьерна Эгнера 68

Поэзия

Сергей Шилкин 73

Ирина Мельник 75

Юрий Мартишин..... 77

Дебют

Денис Могорян..... 79

Короткой строкой

Эдуард Малацидзе. Федя 80

Литература для детей

Маргарита Сосницкая. Дневник Светы Белкиной 92

Роза Абрамян. Гулька 97

Дневник путешественника

Ирина Коротченкова. Прогулки по Шанхаю 100

Памяти поэта

Тудор Паллади. Непревзойдённая звезда 103

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году.
Выпущено было 10 номеров. Выпуск возобновлен в 2009 году.

**Журнал «Наше поколение» готовится при творческом участии:
Международного сообщества писательских союзов
Союза писателей России
Московской городской организации Союза писателей России**

Учредитель

Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерством юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

Редколлегия:

Главный редактор

Георгий КАЮРОВ

Редактор интернет-журнала

Виктор ХАНТЯ

Главный бухгалтер

Ольга ДОДУЛ

Редакционный совет номера

**Николай Переяслов, Михаил Попов, Владимир Силкин, Ольга Бедная, Анна Кашина,
Юрий Харламов, Сергей Власов, Алексей Дука, Виктор Хантя, Маргарита Сосницкая,
Матвей Левензон, Максим Замшев, Анна Малдофа, Надежда Дёмина, Иван Дуб,
Виталий Ткачев, Сергей Маслоброд, Валерий Реницэ, Игорь Хомечко, Олег Цуркан.**

Литературный редактор

Вера ДИМИТРОВА

Корректор

Светлана БРОНСКИХ

Художник-иллюстратор

Эдуард МАЙДЕНБЕРГ

Фотограф

Валерий КОРЧМАРЬ, Юрий ГЕРАЩЕНКО

Дизайн

**Издательский Центр «Наследие», Александр Сава, Ольга Дерезинская,
Александр Зингалюк**

Вёрстка

Вячеслав ЗАДЗИК

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22, оф. 317

E-mail: nashepokolenie@pisem.net

www.nashepokolenie.com

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена.
Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать
в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

ЛитАльянс «МГП ПС – Литпортал Планета Рать»

МГП ПС

Представительские странички Международной гильдии писателей оформлены и открыты на сайтах Стихи.ру и Проза.ру <http://www.stihi.ru/avtor/gildija> и <http://www.proza.ru/avtor/gildija> в апреле 2013 года.

Основная задача – выставлять там всю актуальную информацию МГП, рассказывать о проводимых мероприятиях, делиться дальнейшими планами.

Своеобразный форпост МГП на двух крупнейших по численности литпорталах Интернета.

Для большей привлекательности страничек для авторов и читателей организована широкая культурно-развлекательная программа: дискуссионные клубы, клубы по интересам, детский уголок с детскими сообществами и, конечно же, – литературные конкурсы!

За прошедшие восемь месяцев работы МГП ПС было проведено двенадцать конкурсов, сейчас ведется прием заявок еще на шесть конкурсов. И это на каждой страничке: МГП ПС Стихи.ру и МГП ПС Проза .ру!

И, как результат, за это время странички посетили более десяти тысяч читателей.

Литпортал Планета Рать. <http://www.stihi.ru/avtor/planetarat> <http://www.proza.ru/avtor/planetarat>

Организован и открыт на обоих сайтах Стихи.ру и Проза.ру в октябре 2011 года.

Основная задача – объединение авторов, выявление и поддержка наиболее одаренных авторов путем проведения литературных конкурсов и продвижения победителей конкурсов.

За это время проведено на обоих порталах более сорока конкурсов, выпущено около тридцати выпусков интернет-газеты «Хроники Планеты».

Для более объемной деятельности МГП ПС и литпортала Планета, расширения литературного сотрудничества в Интернете родилась идея создать ЛитАльянс «Представительские странички МГП ПС – Литпортал Планета Рать», совместная работа в котором началась с сентября 2013 года. Уже провели совместный литературный конкурс, подводятся итоги...

В ноябре достигнута договоренность о партнерском сотрудничестве ЛитАльянса «МГП ПС – Планета Рать» с литературно-художественным журналом «Наше поколение».

Каким мы видим партнерское сотрудничество? В проведении совместных литературных конкурсов, освещении на своих страницах деятельности журнала, публикации произведений победителей литературных интернет-конкурсов на страницах журнала. Есть уверенность, что со временем появятся другие, более совершенные и интересные формы нашего сотрудничества. Время покажет.

Приглашаем к участию в наших конкурсах авторов и пишущих читателей журнала! Пишите, дерзайте, соревнуйтесь, побеждайте!

Виктор Бейко
Руководитель Команды МГП ПС

Александр Петруша
Председатель совета Планета Рать

Предлагаем вашему вниманию подборку поэтических произведений победителей и лауреатов прошедших конкурсов.

И, божьей милостью отмечен,
 Мне стал бы другом или братом,
 В мечтах от робости исправлен,
 Он был таким красивым, новым...
 Мой город – бедный глупый карлик
 В наряде липово-зеленом.

Влада ЧЕРНЫХ

*Лауреат Сказочного конкурса
 «Там чудеса, там леший бродит...»*

Так хочется в сказку попасть...

Так хочется в сказку попасть непременно,
 Где цепь золотая на дубе бессменно,
 Где кот говорящий, на ветке – русалка,
 Где леший по лесу бредёт вперевалку,
 Где витязи есть, королевич, царевна,
 Где волк – серый друг, служит долго и верно.
 На ступе Яги полетать бы по небу,
 В глубины морские нырнуть, словно в негу,
 Вступить с колдуном в напряжённую схватку,
 Бессмертья Кощея распутать загадку...
 Да мало ль чудес на просторах туманных!
 Но как же найти нам тот путь долгожданный?
 Мы знаем! Нам в книжках откроется дверца,
 Где сказки нас ждут... Там живёт наше детство!

Ольга АЛЬТОВСКАЯ

*Лауреат Тематического конкурса
 «Узелки событий наших...»*

Стакан смородинового чая
 Стакан смородинового чая,
 Чуть приглушённый лампы свет,
 И снова мыслями туда я –
 В страну, которой больше нет.

Я помню – дождь по листьям шлёпал,
 И птицы пели невпопад,
 И бой тяжёлых капель о пол,
 И дрожь, и вдруг притихший сад,

Ладошки с запахом полыни,
 Сирень за мокрой кисеей
 И мой халатик желто-синий
 В тени беседки кружевной.

Вьюнки плелись в живом узоре,
 И деревянный «цвел» настил.
 И что-то ты мне пел о море,
 Про страны что-то говорил.

Так живо всё – на удивленье!
 Дождя слепого кисея,
 Беседка, первое томленьё
 И недосказанность твоя.

Лидия ШЕНШИНА

*Победитель Мечтательного конкурса
 «Лето, ах лето...»*

Лето – лучшая пора!

Утро. Сладкая истома.
 Ясно. Будет днем жара.
 Зацвели цветы у дома.
 Лето – лучшая пора!

Море радужного света
 В каждой капельке росы.
 От заката до рассвета
 Слышен плеск с речной косы.

Волны лижут берег, точат.
 Рыбаки сидят в тиши.
 На восходе запах ночи
 Оседают в камыши.

Васильковый вальс кружится.
 Слышен зуммер комаров.
 Лето – чудо-мастерица,
 Понаделало ковров

Из ромашкового ситца,
 Из душистых мягких трав,
 На листве роса искрится
 Жемчугами без оправ.

Запах спелой земляники!
 Хоть руками собирай.
 Птиц лесных земные крики.
 Несомненно – это РАЙ!

Ольга ОРЛОВА

*Победитель Созерцательного конкурса
 «Как упоительны в России вечера...»*

Расплескала под вечер луна...

Расплескала под вечер луна
 Тихий свет по полям и долинам.
 Дорогая моя сторона,
 Край берёзовый, русский, былинный!

Рядом с храмом на старом пруду
 Камыши смотрят в зыбкую воду.
 Я, бывало, к ним в гости приду
 Просто так постоять в непогоду.

Под дождём травы пахнут сильнее,
 Капли долбят сухую дорогу,
 Под навес из тяжёлых ветвей
 Прячет тополь озябшую ногу.

Я продрогну до самых костей
 Оттого, что промокну до нитки
 И, как тополь в шалаш из ветвей,
 Завернусь в плащевую накидку.

Оглянусь, а вокруг – ни души.
 Горизонт за сиреновой дымкой,

Клонит ветер к земле камыши
И уносится прочь невидимкой.

Как стемнеет, домой побреду,
А потом продолжением сказки
Мне приснятся рядком на пруду
Стебли в шапках медвежьей окраски.

Марьяна БАЖАНОВА

*Обладатель приза
«За оригинальность в жанре»
в Молодежном конкурсе
«Не повторяется такое никогда...»*

Для кого поют соловьи

Для кого поют соловьи?
Для кого рассыпаются трели?
Знаем, холода отошли,
Не доносится звук капли.

Для чего эта звонкая трель?
Мы с тобою как малые дети.
Нам надежду дарил апрель,
Озарял и теплом, и светом.

Не для нас поют соловьи,
Не для нас май цветёт и бушует,
Ангел нам не споёт о любви,
Слёзы льёт и всё чаще тоскует.

Нам бы вспомнить былые дни,
Поцелуй и жаркие встречи...
Как насвистывали нам соловьи,
(И вино, и зажжённые свечи...)

Всё растаяло в дымке дождя,
Безвозвратно исчезло куда-то,
Всё ушло... ни тебя, ни меня,
Дождь смирился с этой утратой.

Лилия ОТРАДНАЯ

*Победитель Литературного конкурса
«Как молоды мы были, как искренне любили...»*

Déjà vu

Всё повторится:
Небо удивит
Своей плаксивостью задумчивые скверы,
Уснут в удушливом приюте шифоньера
Туники шёлк и прочий летний хит...

Вновь до поры осенняя тоска
Ко мне напросится беспечною соседкой,
Листая бледные соцветия виньеток,
Бродить по тайной тропке дневника.

И, окунаясь в эту канитель,
Предамся власти упоительных фантазий –
Помолодеть, вернуться в прошлое... И сразу
Куплю билет – «весна, Париж, отель».

Всё повторится:
Ливень вдоль шоссе,
Дыханье готики,
Пастельность будуара,
Где неназойливыми нотами сигара
Уводит в плен мелодию «J`Ose»...

Владимир БЕЗЛАДНОВ

*Победитель Литературного конкурса
«Ты опять со мной, подруга Осень»*

Приметы осени

*«...Унылая пора!.. очей очарованье!..»
А. С. Пушкин.*

Октябрь. И вдруг – тепло! Да что там!..
– жарко даже!

И, в жажде творчества являя нам пример,
Художники толпой рванули на пленэр,
Этюдники набив «кармином», «охрой», «сажей»...
Чтоб было чем писать унылые этюды –
Такие же (увы, сомнений в этом нет),
Как те, что в мастерских пылятся с прошлых лет,
Валяясь, снятыми с подрамников, повсюду.

За вдохновением примчавшись в Летний сад,
Где статуи уже в своих «гробах» зимуют,
Поэты впопыхах банальности рифмуют,
Как год... и два... и три... и десять лет назад...
Про поздний листопад, про дождь, про бабье лето...
И ведь, на первый взгляд, – хорошие стихи:
И образы в них есть, и рифмы неплохи...
Жаль – полноты души в них почему-то нету.

И композиторы, чтоб лавры заслужить,
Пюпитры загрузив «Куинджи» с «Левитаном»,
По черным клавишам долдонят неустанно,
Пытаясь в три простых аккорда уложить
Унылые стихи, создав унылый шлягер.
На сцену принесут продукцию свою,
И сами же ее, как смогут, пропойт...
И будут слушать их поклонники-бедняги.

А я?.. – чем хуже их?!.. Я – в Болдино сейчас!..
Я тоже напишу подобие пейзажа!
Пусть – только для себя! Пусть – не для вернисажа!
Пусть даже я за кисть хватаюсь в первый раз!
И раз уж я свой путь в поэзию нашел –
Я напишу стихи о том, чем осень дышит!..
И сам себе спою!.. И сам себя услышу!..
И сам себе скажу: «Как это хорошо!».

Да!.. нашу страсть писать – угомонишь едва ли:
Ведь если я смолчу – перо возьмет другой!..
Зачем же, Александр Сергеевич, дорогой,
Вы в Болдино своем про Осень написали?!
Ведь это с Вашей легкой гения руки
Приходит – каждый год – в Россию, как ни грустно,
«Унылая пора!..» унылого искусства,
Как жалкий отзвук той – божественной строки.

Елена МАМИНА

*Победитель Литературного конкурса
«Новогодняя открытка»*

Новогоднее

Слова как птицы с наших губ
Слететь стремятся так поспешно.
А зимний вечер неизбежен,
И звезды прячутся в снегу.
В молчанье плавятся сердца.
Камин потрескивает. Жарко.
Под елку положив подарки,
Следим за стрелкой на часах...

Лариса НЕВОДНИЧИК

*Дипломант Литературного конкурса
«Новогодняя открытка»*

Новый год в лесу

Собрались лесные звери
Вместе встретить Новый год.
К ним синички прилетели,
Закружили хоровод.

Наряжали дружно елку
Помогали кто чем мог.
Зайцы принесли морковку,
Мишуру принес енот.

Конфетти бросали мышки,
Бусы в клювах – снегири.
Белки подносили шишки,
А медведи – фонари.

С неба падали снежинки,
Украшая зимний лес.
Дятлы прикололи льдинки,
Месяц, серебро и блеск.

Собрались все звери! Даже
Под землей проснулся крот.
Ведь приход его так важен,
Он встречает Новый год!

Эмили ШАНТЭ

*Победитель Литературного конкурса
«Время любви»*

Я люблю тебя

Моему любимому мужу

Я люблю тебя. Слышишь? С летающим змеем
в небеса посылаю свои поцелуи.
Без тебя на земле я тобою болею,
только там (в вышине) не ищи ты другую.

Я люблю тебя. Было бы здорово, мило
получить от тебя в феврале Валентинку.
Врозь давно мы, но вместе... и я не забыла
страстных, нежных ночей со своей половинкой.

Я люблю тебя. Это не просто осколок,
что возможно приклеить каким-то там клеем.
Эта боль с беспощадностью тысяч иголок –
столько лет под ребром... все смещаясь левее.

Я люблю тебя. Чувствую то, что границы
охраняешь мои ты невидимым оком.
Ведь сегодня со мной ничего не случится,
только... ставлю я в вазу цветы... одиноко...

Фрида ПОЛАК

*Победитель Литературного конкурса
«Завидую безгрешным графоманам...»*

Муки творчества

Ни минуты нет покоя –
Красота не терпит фальши.
Ищем что-нибудь такое,
Нам неведомое раньше,

Что до нас не удавалось
Никому сказать словами.
А причину – даже малость –
Распознать не можем сами.

Чувства в горне испытаний
Мукам творчества подвластны.
В бурном море-океане
Жемчуг слов искать согласны...

И не знаем доли лучше,
Той, полученной с рожденья:
Как судьбы счастливый случай
К нам нисходит вдохновенье.

В бесконечности Вселенной
Учит Муза рифмы слушать,
И хранится дар бесценный
В ненасытных наших душах...

Татьяна МЕХНИНА-ВАН ИНГ

*Победитель Литературного конкурса
«Лучшее из избранного»*

Мамочка, здравствуй...

Мамочка, здравствуй, пишу тебе из Брюсселя. Как ты, родная? Я знаю, скучаешь очень... Тут у нас жарко и сухо уже неделю. Дома, наверно, прохладно, дождливо? Осень... Я обжилась, попривыкла, нашла подружек – что тут таить, совершенно другого круга. Каждая гордо живёт с нелюбимым мужем, жалуясь мне тет-а-тет на тоску и ругань... Всё замечательно, только, бывает, снится русское небо и с детства знакомый город... Я просыпаюсь от тяжести на ресницах, чувствуя сладкое жжение где-то в горле...
Мам, он хороший... не просто хороший – лучший. Я научилась теперь разбираться в людях. Глупости прошлого многому в жизни учат. Боли глотнувший

о счастье иначе судит...
Впрочем, не важно. Хотела сказать другое – самое главное... знаю, ты будешь рада. Ждём тебя в гости, ведь скоро нас будет трое... Мне очень хочется быть в это время рядом... Не беспокойся, мы купим тебе билеты. Мам, обещай мне, скажи, что приедешь точно!.. Я с нетерпением жду твоего ответа. Очень скучаю. Люблю и целую.

Дочка.

Александр САВОСТЬЯНОВ

Победитель Литературного конкурса

«Планета фантазии...»

Сумрачный снится сон...

Тавтограмма – криптограмма

*ТЕХНИКА СОВМЕЩЕНИЯ –
ТАВТОГРАММА + КРИПТОГРАММА*

Сумрачный снится сон. / Нет ни на ком вины.
Слышится сердца стук, / черти танцуют твист.
Странный скользкий стон / – к радости сатаны.
Сонный смущает слух / пьяной мегеры свист.
Стелется смутный страх / в недрах эпохи Мин.
Снова сигналият «SOS» / проклятые скопцы.
Сухо самум сыграл / жуткую песнь пустынь.
Струями скорбных слёз / топят в вине глупцы.
Силой судьбу сломал / отрок Исиды Гор.
Скованный смертью сук / Сета сумел добить.
Скальпы скорбящих скал. / Привкус вина «Кагор».
Стойких скелетов стук. / Хочется пить и пить...
Скорбный струится свет / в мёртвой стране теней.
Страшный свершился суд / долгой борьбы за власть.
Сказочный скрыл секрет / звёздный герой Персей.
Скучно смотрящий спрут / запросто мог пропасть...
Смысл сокровенных слов / мелет багдадский вор.
Стая смела сорок / кучу былых забот.
Сложены стансы снов / лавой кипящей с гор.
Струнами страстных строк / грешных бросает в пот.
...Силою ста свечей / – Солнца крылатый диск!
Снова сияет свет / – пытка для палачей!
Сколько спящих смертей / в иле придонном Стикс...
Сонный скрывает след... / Дракула – род орхидей.

ТАВТОГРАММА

Сумрачный снится сон.
Слышится сердца стук.
Странный скользкий стон
Сонный смущает слух.

Стелется смутный страх.
Снова сигналият «SOS».
Сухо самум сыграл
Струями скорбных слёз.

Силой судьбу сломал
Скованный смертью сук.
Скальпы скорбящих скал.
Стойких скелетов стук.

Скорбный струится свет.
Страшный свершился суд.
Сказочный скрыл секрет
Скучно смотрящий спрут.

Смысл сокровенных слов
Стая смела сорок.
Сложены стансы снов
Струнами страстных строк.

...Силою ста свечей
Снова сияет свет.
Сколько спящих смертей
Сонный скрывает след...

ПРАВАЯ ЧАСТЬ КРИПТЫ

Нет ни на ком вины.
Черти танцуют твист.
К радости сатаны –
Пьяной мегеры свист.

В недрах эпохи Мин –
Проклятые скопцы.
Жуткую песнь пустынь
Топят в вине глупцы.

Отрок Исиды Гор
Сета сумел добить.
Привкус вина «Кагор».
Хочется пить и пить...

В мёртвой стране теней
Долгой борьбы за власть
Звёздный герой Персей
Запросто мог пропасть...

Мелет багдадский вор
Кучу былых забот.
Лавой кипящей с гор
Грешных бросает в пот.

Солнца крылатый диск –
Пытка для палачей!
В иле придонном Стикс –
Дракула – род орхидей...

Алёна СМОЛЬНАЯ

*Обладательница приза
«За оригинальность в жанре»
в Сказочном конкурсе
«В некотором царстве...»*

Избушка

Мой старый дом совсем озяб.
Дрова в печи. Свеча в стакане.
Как я давно здесь не была...
Вон, паутина кружевами.

И самотканый половик
 Прилип к тяжелым половицам.
 В углу тускнеет мудрый лик.
 На сундуке четыре спицы.

А над диваном календарь.
 Листки остановили время.
 И дата – пятое, ноябрь...
 И год из прошлого столетия.

Тяжелый чайник на огонь.
 Запасы, точно, где-то были.
 Есть спички, сухари и соль.
 Варенье в сахаре и... пыли.

Сухие травы, семена,
 Настойки, сборы... что-то с чем-то.
 Прабабка это берегла
 В буфете расписном, за дверкой.

Заварен чай. Накрыла стол.
 Нашлись салфетки, ложки, блюдца,
 И чашки с красным ободком,
 Словно с улыбкою – смеются.

И вдруг откуда ни возьмись,
 Из печки или из-под лавки..
 Зверек красивый, словно рысь,
 В дырявой старенькой панамке.

Не то котенок, не томышь...
 На двух ногах, а сзади хвостик.
 Мне говорит:
 – Привет. Как жизнь?
 Ты насовсем ко мне? Иль в гости?

Я догадалась – домовой!
 Стоит и смотрит. Ждет ответа.
 – Я на день-ночь. На выходной.
 Не понимаю... как же это.

– Не паникуй и не робей.
 Хотя меня спросить могла бы,
 Где самовар. Чай мне налей.
 И там есть мед... там, где ухваты.

Я растерялась. Может, сон?
 А может, капли перебрала...
 А он сидит. Лапы под стол,
 И хвост как веер-опахало.

Панаму снял. Чайку налил.
 Причмокивая, съел печенье,
 Как человек. Чудесен мир,
 Особенно в лесу осеннем.

Екатерина ВЕСЕННЯЯ

*Лауреат Молодёжного конкурса
 «Не повторяется такое никогда...»*

Город простёрся меж нами
 Твой образ остался, как призрак
 Рассветного ветра ночами,
 Когда, весь укутанный снами,
 Наш город простёрся над нами,
 От окон до крыш и карнизов.

Твой образ остался, как память
 От звёздных и капельку грустных
 Мелодий, и странное чувство
 От лунного света – так пусто
 В душе, околдованной снами,
 А город простёрся меж нами...

Алла СТУПИНА

На страже истории

*В пальцы свои дышу –
Не обморозить бы.
Снова к тебе спешу
Ладожским озером.*

А. Розенбаум

Эти строки посвящаются всем, кто с трагической стойкостью перенес дни блокады Ленинграда. Она длилась с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года (блокадное кольцо прорвали 18 января 1943 года) – 872 дня. Единственным путём сообщения с Ленинградом оставалось Ладожское озеро. После снятия блокады осада Ленинграда вражескими войсками и флотом продолжалась до сентября 1944 года. Что кроется за этими днями? Пусть расскажут участники событий.

У газетного стола на улице Докучаева в Кишиневе я часто вижу красивую пожилую женщину – Нину Ивановну. Недавно она сказала, что была очень взволнована моим стихотворением «Поклон ветеранам» и даже плакала. Такое искреннее внимание к творчеству всегда вдохновляет. Тем более когда исходит от участника упомянутых событий. Нина Ивановна Шабетник – блокадница, из поколения, которое называют «дети войны». Пятилетним ребёнком она поняла, что такое заботы о еде, тепле, близких. И, может быть, это даёт ей возможность и сегодня активно трудиться, преодолевать невзгоды, помогать детям. Нина Ивановна помнит, как умерла от голода младшая сестрёнка и бабушка похоронила её в подвале дома. Воспоминания блокадницы, встречи с этим скромным человеком побудили меня ещё раз обратить внимание на архивы моей свекрови – Веры Михайловны Ступиной-Есиковой, которая ушла из жизни в 1998 году. Война застала её в Ленинграде студенткой мединститута. Больница, уход за ранеными. Дальше – Ладога, легендарная «Дорога жизни», и снова – медсанбат. После войны – Молдавия, Окница, затем Кишинёв, где работала зам. главврача детской республиканской больницы.

Время унесло ещё одного свидетеля. Но есть живущие блокадники. Они перенесли страдания, сохранив человеческое достоинство. Имеем ли мы право не стараться узнать обо всём, что они пережили? Перед нами списки

людей с именами и адресами, рассказы о близких, товарищах. Владимир Васильевич Филатов, председатель комитета ветеранов войны, Вооружённых сил и правоохранительных органов города Кишинева рассказывает о работе секции защитников и блокадников города-героя Ленинграда. Председатель секции – Нина Дмитриевна Максим. Хорошо, что у блокадников есть возможность встретиться, созвониться по телефону. Невозможно перечислить всех, о ком нам

рассказывали, использовать весь собранный материал. Но люди всегда присутствуют на этих страницах. Теперь и в нашей памяти. И снова архивы. Не только воспоминания, дневники, письма. Бесконечно трогают стихи. В документах нахожу тетрадную страничку – небольшое стихотворение, подаренное Вере Ступиной 25 марта 1987 года на день рождения. Всего несколько четверостиший. Мы не знаем, кто их автор. Но не хотим, чтобы остались забытыми эти строки. Работая над рукописью неизвестного друга, я не искажала содержания и смысла стихотворения, взяв его в основу своего произведения. Годы укрыли имя автора, но оно оживёт на этих страницах. Публикуем, чтобы помнить. Голод, холод и... стихи. Люди прочтут, мастер пера простит за несовершенство.

* * *

Прости за грусти виденья,
 Приснился город дождей.
 В день твоего рожденья
 Я огорчила гостей.

Раненый и голодный
 Вспомнился Ленинград.
 Сил уже нет сегодня,
 Но оглянись назад.

Люди от голода падают,
 Осиротели станки,
 Улицы Ленинграда
 Серые от тоски.

Ангел в халате белом
 Столько суток без сна.
 К койке на миг присела –
 Здесь ты всегда нужна.

Лампы мерцают у входа,
 Ветер в окно стучит,
 Плачет с тобой природа,
 Раненый рядом кричит.

Чёрная пропасть Ладоги,
 Проглотит или спасёт,
 Вырвись из этого ада,
 Пусть не расколется лёд.

Белый халат – не платье,
 Очаг ещё так далеко.
 Жить будешь в медсанбате,
 Рядом – облезлый кот.

Снова грусть одолела,
 Снится город дождей.
 Шагаю я ночью белой
 Под тусклый разлив фонарей.

Роза АБРАМЯН

Ленинакан – любовь моя, боль моя*К 25-летию трагических событий в Армении*

Теперь, по прошествии четверти века, когда немного притупилась боль утрат, я вспоминаю тот чёрный декабрьский день и роковое число семь 1988 года. День, когда в 10 часов 41 минуту утра произошло непоправимое – страшное землетрясение в Армении, унесшее человеческие жизни, превратившее города Спитак и Ленинакан в зловещие руины. Волна землетрясения прошла и по другим городам Армении, но жертв и разрушений там не было. Горе пришло и в нашу семью, проживавшую в Кишинёве, так как в Ленинакане жили родные и хорошо знакомые нам близкие люди.

В первые три дня связи с Ленинаканом и Ереваном не было. Были лишь передачи по телевидению с картинками страшной действительности, на фоне которых звучали печальные армянские песни и мелодии. Наши слёзы не просыхали. А там... погибла под развалинами девятиэтажного дома жена младшего брата моего мужа, с трудом откопали из-под развалин школы его сына.

Младшая сестра моего мужа – Гаянэ, отведя дочку в детсад, зашла навестить подругу, у которой давно не была. На балконе семи этажного нового дома, недавно отпраздновавшего новоселье, молодые женщины беседовали, пили кофе. Вдруг ощутили мощные толчки, ещё не понимали, что произошло, и вместе с балконом оказались внизу. Гаянэ почувствовала нестерпимую боль в руке. Подруга крикнула: «Гаянэ, глаз!». И тогда женщина ладонью поддержала на щеке выпавший глаз и втокнула его обратно в глазницу. Что было дальше, трудно описать.

Младший брат моего мужа Карен Абрамян, режиссёр, находился на утренней репетиции в театре, почувствовав подземные толчки, сразу же побежал к школе, где учился его сын. Но школы уже не было, был огромный завал, к которому сбегались родители учеников. Тогда Карен побежал снова, уже к своему дому, чтобы взять что-нибудь, чем можно копать и разгрести этот страшный холм. Но вместо дома увидел огромную грудку из строительных обломков, которые когда-то были семиэтажным зданием. Карен не знал, ушла ли его жена на работу в музыкальную школу, об этом страшно было подумать. Он снова вернулся к бывшей школе, нашёл какое-то подобие инструмента и начал работать вместе с остальными. Родители громко звали по именам своих детей, пытались определить, живы ли они. Карен так долго звал своего сына Левона, что охрип. И вдруг услышал: «Дядя, я Левон Абрамян, скажите папе, что я жив». Мальчик не узнал голос отца. Левоник во время землетрясения находился в спортивном зале школы на первом этаже. Когда его откопали, то увидели, что на нем лежит девочка, мёртвая, и держится рукой за его лицо. Сверху их прижало большой балкой. Первое, что сказал Левоник: «Уберите её руку с моего лица», и потом несколько лет не мог быть спокойным, когда кто-то стоял за его спиной. Жену Карена тоже откопали, но уже мёртвую, со следами теста на руках. Она ждала в гости младшую сестру, хотела её побаловать выпечкой. Та накануне позвонила, что едет из Пятигорска, но переночует в Ереване у подруги. И землетрясение застало её там.

В Ленинакане было два вуза и ...научно-исследовательский институт геофизики и инженерной сейсмологии Академии наук Армянской ССР, 68 дошкольных учреждений, 53 средних школы, 14 ПТУ. А старый дом, в котором жила Гаянэ, уцелел, была лишь одна трещина вдоль стены.

Эта боль, эта трагедия вылилась у меня в стихотворении «На 40 дней землетрясения в Армении».

Сорок тяжких, сорок черных дней
Над несчастною Арменией моей...
Сорок горьких, полных стонов дней
Над печальною Арменией моей...

Потерять бы зренье, слух и разум,
Чтобы ад не видеть наяву.
Тяжек груз, обрушившийся разом,
На народа древнего главу.

Повернитесь вспять часы и дни,
Провиденье, кару отмени!
Не клонитесь до земли хачкары,
Мертвые, смотрите свои сны...

Страшные зловещие завалы...
Детская рука с волчком торчит,
А шаров блестящая гирлянда
Рядом не разбитая лежит.

Мир ушедший, время обмани,
Не гуди Земля, как в дни войны,
Дом, не превращайся в грудку камня
И звонок с урока прозвени!

На руках кровавые мозоли –
Нет сил завалы разобрать,
Голосами хриплыми от боли
Умоляют близких подождать!

Голоса... А те, кто не находит,
Сутками зовут, зовут, зовут...
И в надежде вновь кругами ходят,
Каждый стук и возглас стерегут.

Штабеля гробов, костры ночные,
Мать с ребенком мертвым на руках,
И живые, словно неживые –
Горе в обезумевших глазах...

Вновь сочатся раны Наири,
И Масис окаменел от горя,
«Оровел» плывет, как стон Земли,
Что была от моря и до моря.

Комитас бы вновь сошел с ума –
Так горька его народа доля.

Бьет в набат Вселенная сама,
И не умолкает колокольня.

Сорок дней... Как в роковом бою,
Встал весь мир, спасая жизнь твою,
Отдавая силы, кровь свою –
Признавая Родину мою.

Жизнь идет... Мужайся, Наири,
И проникнись мудростью Змеи,
Словно птица Феникс, встань из пепла,
Красотою Землю одари!

Сорок дней... Да, стон ещё не стих,
Не забыть свинцовых дней былых...
Знаю я одно – тяжел мой стих,
Как и ноша сильных плеч твоих!

Жутко описывать эти холодные зимние дни, когда люди остались без крова и одежды, без еды и питья. Ленинакан расположен на высоте 1600 метров над уровнем моря, и потому этот декабрь был очень суровым. На улицах жгли костры. Завалы разбирали день и ночь местные жители, надеясь спасти своих родных, и не только своих. Работали кто чем мог, даже просто руками, уже уставшими и кровоточащими. Подключились воинская часть, приезжие из других городов Армении, волонтеры со всех концов страны. В первые же часы приехали добровольцы из Грузии, в основном на своих машинах, привезли хлеб и воду. На улицах мастерили гробы, которых уже не хватало. Но мертвых надо было хоронить. Похоронная вереница тянулась до самого кладбища. Хоронили быстро и без ритуалов.

Николай Рыжков, Председатель Совета Министров СССР, почти всё время находился в зоне бедствия, оказывал помощь, за что благодарные армяне позже родившимся детям давали имя Николай, а иногда просто Рыжков. В городе Гюмри Армении есть улица в честь Н. Рыжкова.

Начала поступать гуманитарная помощь со всего Союза и из зарубежных стран. Большую лепту внес в это движение французский певец Шарль Азнавур, тётя которого жила в Ленинакане, а племянницы – в Ереване.

Мы срочно отправили посылки с одеждой для племянников, соседи приносили деньги, чтобы перевести лично нашим родным, на работе ко мне подходили сотрудники и говорили о желании усыновить одного и даже двух детей-сирот. Но ни одного ребёнка армяне никому не отдали, их усыновили родственники, а девушки стали выходить замуж за вдовцов с детьми.

Тогда армянская диаспора совместно с организациями других стран в качестве психологической разгрузки организовала путешествие и отдых для детей во многие страны мира. Дети посетили Болгарию, Грецию, Францию. Мы бережно храним фотографию племянника у стен Нотр-Дам де Пари.

Так случилось, что судьба связала меня нерасторжимыми узами с Арменией – этой древней страной, в прошлом страной трёх морей, состоящей из Великой Армении, малой и Киликии, с её каменной землёй, за что Армению иногда называют Кирастан (страна камней), с величественным и горестным прошлым, тяжким настоящим, но полным надежд на будущее днём, с её нравами и обычаями, с её самой большой ценностью – людьми. Этой страной – музеем под открытым небом.

Ленинакан... Нет старого города, а хотелось бы сохранить в памяти и сердцах его прежний облик.

Небольшой экскурс в далёкое прошлое. Ленинакан в древности – Кумайри, ещё в период Урартского царства. Археологическими раскопками установлено, что ещё в третьем тысячелетии до нашей эры здесь было крупное поселение. Обнаружены древние стоянки человека каменного века, могильные захоронения, позже кафедральный собор VII века. Эти сведения принадлежат перу летописца VIII века – Гевонду.

В 773 году вспыхнувшее движение во главе с Артаваздом Мамиконяном завершилось восстановлением Армянской государственности. Кумайри стал благоустраиваться, но вновь во времена турецко-персидского владычества переходит из рук в руки, разрушаясь и разоряясь, и лишь после присоединения Восточной Армении к России началось новое возрождение городища. Для укрепления южных границ на холме между рекой Ахурян и городищем Гумры была построена крепость, впоследствии обросшая граж-

данскими постройками армян-беженцев из Западной Армении.

Приехавшему в Гумры императору Николаю I город настолько понравился, что он переименовал его в честь своей супруги Александры Фёдоровны в Александрополь.

В 1897 году население города достигает 32 000 человек. Он бурно растёт, развивается и становится третьим по величине и значимости городом Закавказья после Тифлиса и Баку.

В городе переплелись европейская и восточная культуры. Были построены культовые сооружения: четыре григорианских церкви, две русские православные церкви, русская часовня. Ряд гражданских сооружений: городские бани, пивной завод, коммерческое училище, женская гимназия, особняки и доходные дома местных богатеев. Александрополь в своё время посетили А. Пушкин, М. Горький, А. Луначарский и Ф. Нансен.

В наши дни охранная зона Кумайри – Государственный историко-архитектурный музей площадью 1000 гектаров, с более чем 1600 памятниками истории и культуры.

29 ноября 1920 года в Армении была установлена Советская власть. В день смерти В. И. Ленина ЦИК Армянской ССР по воле народа и партии, что было подтверждено Президиумом Верховного Совета СССР, город Александрополь был переименован в город Ленинакан, это был первый город, названный именем вождя революции.

В годы Великой Отечественной войны 8000 ленинканцев воевали в рядах Советской армии. Три человека стали Героями Советского Союза. 4500 человек – погибли.

Впервые я приехала в Ленинакан в 1958 году. Это был тихий, уютный, зелёный и очень своеобразный город. Холодное утро, жаркий полдень, послеобеденный дождь и затем – вымытый прохладный вечерний город. На улице нет толпы, суеты, никогда не увидишь пьяного. Кстати, в Армении нет и никогда не было вытрезвителей.

Мы идём по широкой тенистой улице Саят-Новы и обращаем внимание на то необычное, что присуще Ленинану. Слева – сквер с оригинальным детским кафе, сделанным в виде чайника и расположенным вокруг него чашками с блюдцами. А вот и детская аптека. На витрине стоит манекен в рост человека – доктор Айболит! В городе есть детская картинная галерея. Вообще, дети в Армении – это своеобразный культ. К ним относятся очень заботливо, с большим вниманием, любовью, балуют их, но в то же время растят патриотов своей страны, знающих историю Армении и её народа.

Как-то летом к нам в Кишинев приезжал погостить 13-летний племянник из Ленинанка. Мы взяли его на наш дачный участок, и он изъявил желание помочь подёргать сорняки. Надо было видеть, как тщательно он это делал! С выдернутого пучка он аккуратно стряхивал землю, всю до песчинки и лишь потом выбрасывал бурьян на обочину. «Жалко, – говорил он, – земля же!» Да, в Армении знают цену земле – сначала надо убрать усеявшие её камни, а затем лишь обработать. А мальчик городской, из интеллигентной семьи: отец – режиссёр драматического театра, мать – учительница музыки (увы, была до 7 декабря 1988 года, погибла), сам играет на скрипке, а с землёй на ты.

Итак, мы идём дальше по Ленинану, выходим на ул. Кирова – городской «Бродвей». Магазин «Воды». Передняя часть из стекла, по которому вьются причудливые растения. По всей длине магазина – прилавков. Задняя стена за спиной продавца – из песчаника, ракушек, струится вода. Слышно её негромкое журчание. Рядом с нами, справа в полу неправильной формы бассейн с плавающими рыбками. Здесь всегда тихо и прохладно.

Вечером идем в парк на горке. Это самая высокая часть города, и на такую прогулку надо одеваться потеплее. Парк большой, тенистый, с подъёмами и спусками, скамеечками, беседками, детскими площадками, тиром, эстрадой. Есть аттракционы для детей и взрослых. Как дороги воспоминания прошлых лет.

Это было в 1986 году. Одну из поездок в Армению мы решили осуществить по турпутёвке, с тем, чтобы посмотреть места, где мы ещё не были, и, завершив путешествие, остаться у родных в Ленинанке. Надо сказать, что город входил в число многих туристических маршрутов. В нашей группе 5 человек из Кишинёва. О достопримечательностях Армении – музее под открытым небом – надо рассказывать отдельно.

В Ленинанке, как и во всех других городах, женщин в свободное от экскурсии время конечно интересуют магазины. В них тихо и почти безлюдно. Последнее очень удивляет продавщицу одного из кишинёвских гастрономов. «Почему, – спрашивает она, – здесь есть что купить, а нет очереди, а у нас даже ничего нет, а народу всегда полно?» Возмущается она и по поводу сыра с зеленоватыми прожилками, создающими впечатление плесени, считая его непригодным к продаже и употреблению в пищу. Приходится ей потихонечку объяснять, что это особый сорт замечательного деликатесного сыра Рокфор.

В ювелирном магазине всем сразу дали в руки кто что просил. Одни мерят серьги у зеркала, другие

рассматривают у окна цвет камня на браслете, третьи, передавая из рук в руки, меряют кольца. Продавщица терпеливо ждёт, когда вернут или купят ту или иную вещь.

В универмаге, в одном из отделов готовой одежды сразу же устремляемся с сумками вглубь, где сидит продавщица, чтобы показать, с чем мы вошли. «Очень хорошо, что купили в другом месте, – говорит она, – может, и здесь что-нибудь найдёте, выбирайте!». С выбранным товаром подходим к кассе, подходит и продавщица, она же и кассир. Рассчитываемся и выходим без всякого контроля.

В обувном отделе от обилия обуви разбегаются глаза. Мерим всё подряд – летнюю, зимнюю, выходную обувь, смешиваем пары. «Куйрик-джан, – говорит одна продавщица другой, – помоги им». (Куйрик – сестричка, джан – душа, душечка).

В маленьком обувном магазине у рынка я пытаюсь купить босоножки. То, что мне не нравится вторая и третья пара, не вызывает раздражения продавщицы. По её просьбе напарник приносит из подсобки 5 коробок с обувью, ставит около меня и предлагает примерить и выбрать. Сажу в удобное кресло, но с непривычки от такого внимания чувствую себя неловко и стараюсь выбрать побыстрее что-нибудь подходящее. Наконец это мне удаётся. Мне аккуратно завязывают 2 коробки с обувью, и я расплачиваюсь. За это время в магазине побывали ещё два покупателя.

Рынок! Кто был на южном рынке, знает, что это такое. О нем надо писать отдельно. Изобилие, разнообразие, своеобразный порядок, доброжелательное отношение к покупателю – поражают и подкупают. У входа под аркой покупаем острую ароматную бастурму. Справа – мясной отдел. На крюках висят свежие говяжьи туши, свиное и баранье мясо лежит на прилавке. Продавец спрашивает, какое мясо нужно, сколько и для чего, откуда отрезать. Полная свобода выбора.

На территории рынка разбегаются глаза. Овощи и фрукты вымытые, красиво уложенные, огромные свежие пучки зелени – тархун, реган, кресс-салат, кинза, и др. Лучшие на Кавказе – чурчелы, кишмиш, лепёшки из сушёной алычи, соленья, ткемали, аджика – всего не перечислишь. А поздней осенью и зимой интересна упаковка тыквы: её нарезают фигурными кусочками и складывают в чистые целлофановые мешочки, которые стоят на прилавках. Издали кажется, что это ёлочные игрушки, только все одного цвета. На выходе из рынка продают свежий лаваш. Это тонкий армянский хлеб. По мнению многих – это и хлеб, и тарелка, и салфетка. Спрятанный на теле под одеждой, он спасал многих разбежавшихся после очередной резни по миру армян от голодной смерти.

В цветочном киоске продаются великолепные огромные розовые гвоздики на очень длинных стеблях.

На рынке можно поторговаться с продавцом, если покупаешь побольше, продают дешевле, а если узнают, что гость, то дают ещё и лишку. На рынок ходят в основном мужчины. У входа на рынок – стоянка такси, оформленная очень своеобразно: вдоль края тротуара и на ширину машины тянутся длинные металлические параллельные барьеры. Машины, одна за другой, въезжают с одного конца и подъезжают к другому, где ждут пассажиры. Вереница машин почти непрерывная. Очередь из пассажиров не скапливается, и конфликтов не возникает. А ещё ходит с рынка фаэтон, который никогда не испытывает недостатка в пассажирах, настроенных романтично и в стиле ретро.

Архитектура города – смешение стилей и эпох. Площади, фонтаны, памятники, церкви – всё это есть во многих городах, правда, всегда с отпечатком индивидуальности. Хочется отметить уникальную достопримечательность города – церковь за площадью им. Героев Майского восстания. Высеченные на ней каменные узоры изящны и разнообразны. Ни один узор не повторяется ни в оформлении, ни в арках над окнами и входом. Это копия одной из церквей города Ани, находящегося сейчас на территории Турции. Ани – древняя столица Армении, перенёсшая подобное же землетрясение, и развалины её хорошо видны из окон поездов Ереван – Москва.

Город без людей – мёртвый город, и потому немного о жителях Ленинакана. Связующее звено – это мой свёкор – актёр драматического театра им. А. Мравяна, Народный артист Армянской ССР Левон Абрамян.

История почти каждой армянской семьи – история её народа. Отец свёкра плохо помнит своих родителей, так как после очередной резни, оставшись один, с семилетнего возраста скитался по свету. Поэтому и дети мои далее прадеда со стороны отца ни о ком не знают.

В Ленинакане всегда старались приехать в мае, чтобы поздравить с днем рождения Абрамяна II, как в шутку называем отца. Дед – Абрамян I, не знает дня своего рождения. Теплым майским днём мужчины на веранде играют в нарды, а женщины готовят кофе. В Ленинакане, как и во всей Армении, ритуал – в промежутки от 12 до 14 часов дня все пьют кофе из только что пожаренных и перемолотых кофейных зёрен, ароматом которого наполняется весь город.

В доме постоянно бывало очень много народа, в основном это актёры разного возраста. Среди них

и старейшая актриса Ленинаканского театра – Арус Азнавурян. Это родная тётя знаменитого Шарля Азнавура, ещё в те годы сумевшая побывать в Париже. В очередной раз, провожая её вечером и заслушавшись, доходим до её дома с мемориальной доской о её недавно скончавшемся супруге А. Пашаяне, народном артисте Армянской ССР. Нас приглашают, мы входим. Комната-кабинет сохранена в неприкосновенности: письменный стол, книги, на стенах – афиши, фотографии в жизни и в ролях. Мы попали в домашний музей. Другая комната не менее интересна. Я застываю перед небольшой поразившей меня картиной. «Нравится?» – спрашивают меня. «Да, очень!» – говорю я. Картина тут же снимается со стены, делается дарственная надпись и преподносится мне. Отказываться бесполезно – таков обычай. «Больше ни к чему близко не подходи» – предупреждает меня муж. Сегодня эта картина у меня на стене.

В каждый свой приезд обязательно ходим в театр с более чем 120-летней творческой биографией. В 70-х годах построено новое здание театра.

В начале 1989 года Ленинаканский театр им. А. Мравяна был гостем Кишинёва, их спектакль транслировался по телевидению. Приглашён был и в Сочи, где также с успехом прошли его гастролы.

В 1980 году мы ездили поздравлять Л. Абрамяна с 70-летием. Празднование было очень интересным. Особенно украшала его театральная молодёжь, любившая и чтившая своего старшего коллегу. Юбилар стоил этого. Слишком много талантов было отпущено этому человеку. Наверное, нескромно писать о ближнем, но им было сыграно 145 ролей, в качестве режиссёра поставлено 38 спектаклей, переведено на армянский язык с русского и азербайджанского 30 классических и советских пьес, что обогатило репертуар армянского театра. Это такие произведения, как «Без вины виноватые» А. Островского, «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Айдын» Ч. Чабарлы, «Дуриа» С. Рустама, «Барабанщица» Салинского и многие другие. Во всех этих спектаклях он играл заглавные роли.

Перевёл на армянский язык многие стихотворения М. Ю. Лермонтова. Написал две драмы о прошлом своего народа – «Саят Нова» и «Аршак II», в стихах. Должна выйти книга о первом армянском Ташкентском театре.

На 68-м году, вдруг и очень успешно, увлекается портретной живописью. Он играл на фортепиано и нескольких струнных инструментах. Обладал огромной библиотекой на русском и армянском языках. Любил и физический труд – сам делал ремонт квартиры, встраивал стенные шкафы, проводил внутреннюю проводку.

Беззаветно преданный театру, не помышлял сниматься в кино и отверг несколько предложений. В последние годы жизни дети уговорили его и он снялся в фильме «Чужие игры», в роли отца главного героя. В каждый наш приезд мы узнавали от него об Армении столько, сколько прочесть были бы не в состоянии.

Юбилейные тосты, песни, танцы, шутки не смолкали, и вдруг лица стали серьёзными – полилась печальная воинственная песня, все встали и положили руки на плечи друг другу, образовав нерасторжимую цепь. Пели и плакали... Это была старая песня, с которой, оставшееся в живых, уже небоеспособное население – раненые, старики, женщины, дети высокогорного армянского села, окружённого врагами, вот так же крепко взявшись друг за друга, бросились со скалы в пропасть, предпочтя смерть плену и бесчестию. Ни одно армянское застолье не обходится без того, чтобы не помянуть чёрные дни народа.

Свято чтут в Армении день памяти жертв геноцида, и теперь прибавился ещё один трагический день – 7 декабря 1988 года.

Ещё о многих других жителях Ленинакана хотелось бы рассказать, но в одном очерке это просто невозможно.

Л. Абрамян скончался четырьмя месяцами раньше последней трагедии, не сумев пережить Сумгаитские и последовавшие за ними события. Теперь мы кошунственно говорим хорошо, что не дожил, так как всё равно не пережил бы.

В день годовщины смерти Л. Абрамяна мы, все родные, едем помянуть его, и не только к нему, но и к тебе, Ленинакан, как ещё недавно смертельно больному, но теперь очень-очень медленно выздоравливающему другу.

Август 1989 года. Выйдя из машины, я осторожно ступаю на твою израненную, политую кровью и слезами, принявшую в себя почти половину своих детей, землю. Я вдыхаю твой некогда хрустальный, но теперь до неузнаваемости изменившийся воздух. Я не узнаю тебя. Ещё не разобраны завалы, ещё стоят остатки разрушенных зданий, от которых остались лишь таблички со списками жильцов.

Нет автостанции, инфекционной больницы, чулочной фабрики, универсама, нет ни одного высотного здания, а их было 18, нет 16-й средней школы, где погибло 400 детей, 10-й школы, где погибли 827

учеников и остались в живых только 10. Нет школы искусств, Тбилисского шоссе, нет куполов собора «Семь ран», разрушена половина Анийского собора. Полностью разрушены типография, Дом печати, где погибли 28 журналистов. От четырёхэтажного здания горкома партии уцелел лишь первый этаж, где теперь размещаются горком и редакция.

Нет весёлого детского кафе, но стоит старое здание детской аптеки с манекеном Айболита на витрине.

При раскопках здания Детского мира в отделе игрушек, в искусственно создавшейся при обвале нише был найден ребёнок без единой царапины. Он играл с игрушками, не казался испуганным, но был бледен и истощён, так как провёл там не одни сутки.

На месте здания ровная площадь, на ней огороженный обычной проволокой четырёхугольный участок с воткнутыми в землю 17 красными флажками, на которых написано «Миру – мир». Их принесли сюда дети, чтобы отметить место гибели 17 продавцов их любимого магазина.

Непоколебимо стоят царские казармы, построенные в начале века, и современное здание милиции.

Проспект Саят Новы пострадал меньше других. Уцелело здание драматического театра, а перед ним – скорбно-задумчивый, будто теперь окаменевший от горя, Аветик Исаакян. Все школы города – палаточные, но сохранили свои номера, лишь до минимума уменьшилось в них количество учащихся. За год строители не подарили детям ни одного здания! И не только детям – тогда ещё не сдано ни одного объекта, ни одного жилого дома! Были всего два готовых дома, но ещё не решены ни дата сдачи, ни кто будет там жить.

Ленинакан уже не будет как прежде самым армянским городом. Воскресенье, но улицы пустынные, и только ветер метёт пыль и мусор, да редкие прохожие идут с продуктовыми сумками или ведрами с водой, которые берут из кранов уцелевших домов. Тогда же мой родственник Левон Мутафян – журналист, писатель, предложил пойти с ним в одну организацию. Я лишняя раз убедилась, что люди не сидят сложа руки. Существовало всеармянское национальное движение. Это большая, очень серьёзная организация, одним из филиалов которой было Ленинаканское отделение «Айреник» – «Отечество». Руководил им преподаватель политехнического института, кандидат философских наук Левон Хачатурян, лишившийся и семьи, и крова. В общество входили сейсмологи, архитекторы, врачи, психологи, преподаватели, строители. Огромная палатка с небольшими окошечками, и в глубине на столбе голая электрическая лампочка. Вдоль стен – самодельные деревянные столы и скамейки. Люди входили и выходили, сидели группами. Одни едят, другие что-то горячо обсуждают, третьи – отдыхают, едят. День и ночь находится здесь Л. Хачатурян. Он торопливо рассказывает мне о целях и задачах организации: о морально-психологическом аспекте, связях с благотворительными организациями, о необходимости сохранения языка, создании фонда материнства, об учёте беременных, с целью создания им элементарных бытовых условий. Одна из важнейших задач – забота о детях. Детей-сирот, если у них нет родственников, закрепили за организациями, заботились об их жилищно-бытовых условиях. Оказали материальную помощь, дали путёвки в лагеря и зарубежные поездки, добились для одиноких детей приёма у французского психолога, который принимал по четвергам и пятницам.

Город разделили на секторы, члены организации ходили и выявляли нужды людей, составляли списки с адресами. Каждую субботу и воскресенье в этом своеобразном штабе собирались добровольцы из числа местных жителей и приехавших из Еревана. Получали задания, формировали бригады и отправлялись работать. Работы самые разные: починка водопровода, ремонт уцелевшей квартиры, строительство небольших домов, сборка стандартных домиков, помощь инвалидам, детям, старикам, женщинам. При мне пришла отчитаться бригада из четырёх человек – построили однокомнатный дом. Спрашиваю их: «Вы строители?», оказывается, человек средних лет – работник ювелирного завода, а трое молодых людей – аспиранты государственного университета. Каждую неделю приезжает из Еревана Тамара Манукян, работающая на авиакомплексе. Она с девушками ходит по домам, оказывая благотворительную и всякую посильную помощь.

Один из пунктов программы общества – помощь Нагорному Карабаху. В зону бедствия отправлены машины с продовольствием, медикаментами, перевязочным материалом. Узнав, что я из Кишинёва, меня обступают со всех сторон. Сразу меняются ролями. Всех интересует, что происходит в Молдавии, как живут люди, их обычаи и традиции, сколько лет я там живу. Затем спросили, кто я по национальности и как я понимаю интернационализм. Было ещё множество вопросов, и я отвечала, как могла. Встреча не была запланирована и подготовлена, но мои ответы всех удовлетворили.

Ленинакан жил в своём особенном ритме. Город постепенно оживал. Возвращались люди, которым было где жить, и те, кто остался без крова. Они поселялись в аварийных домах, у родственников, друзей,

в палатках, временках, изредка в сборных домиках, в большинстве случаев купленных у строителей, хотя должны были получить это жильё бесплатно. А некоторые, получившие бесплатно, заплатили строителям за их сборку.

Лица людей становились менее суровыми – жизнь продолжалась, рождались дети. В молодой семье Мкртыча Сарояна из Лениакана и Татьяны Виеру из Котовска появился новый житель города, которого счастливые родители назвали Зартонк, что означает «возрождение». Будь здоров, малыш, расти и крепни со своим родным городом. Выздоровлявай поскорее, многострадальный Лениакан. Да святится имя твоё.

Прошли годы. С августа 1989 года я не была в Армении, но связь с родственниками позволяет знать всё, что произошло с тех пор. И теперь уже в Гюмри восстановлены все церкви в первоизданном виде, центральная площадь, построена мэрия в старом национальном стиле, в здании бывшего горкома партии располагается Академия искусств. На месте детского универмага выстроено здание университета, по возможности сохранена и реставрирована часть старого города. Наряду со всем перечисленным, выросли новые кварталы в типовом стиле, появились большие маркеты, есть магазин с названием «СССР», где всё продаётся по старым союзным ценам. Город отстроен на 90 процентов.

В 2011 году вышла книга о Гюмри «Город и его люди». В том же году, на доме по адресу Саят Нова дом 2, установлена мемориальная доска в честь Народного артиста Армении Левона Абрамяна.

В 2013 году Гюмри провозглашён культурной столицей СНГ, наряду с другими городами республик. Недавно в городе прошла Международная научная конференция «Ширак и культурное наследие».

Очень хотелось бы встретиться с тобой, Лениакан – Гюмри, увидеть твоё становление и пожелать только светлых дней и дальнейшего мирного процветания.

Владимир УЛАНОВ

Продолжение. Начало в №10, 11.

Княжеский крест

Исторический роман

Часть II

Выбор

Тяжел ты, крест княжеский!

И не всякому ты по плечу!

П. Косс

1

Наступил октябрь. Стояли ненастные дни. Холодный дождь лил, почти не переставая. Пожелтевшие деревья сбрасывали с себя листву, посыпая дороги и тропинки червонным золотом. Птицы, сбиваясь в стаи, готовились к зиме. Вороны собирались на высоких деревьях, громко каркая, видимо, решая свои птичьи дела, затем неожиданно срывались в полет и тучей кружили над лесом.

Печальный караван с телом Ярослава Всеволодовича медленно двигался по раскисшей от дождей дороге. Кое-где путь превращался в целое испытание. Телеги завязали в грязи почти по самые ступицы, и кони не могли их тащить, и тогда дружинники были вынуждены толкать повозки, помогая лошадям двигаться вперед. Уже многие месяцы посольство великого князя находилось в пути. За это время погибло много людей от болезней, поэтому часть телег были пусты или везли в них больных или умирающих дружинников и слуг князя. Нелегко и печален был путь посольства Ярослава. Оставалось уже совсем немного до города Владимира, и люди, проделавшие длинный путь с Каракорума, хоть и были уставшие, но посветлели лицом; даже лошади и те, почуяв, что скоро наступит конец их трудного путешествия, пошли резвее. Вот и знакомые места. Дорога стала шире и тверже. Моросящий дождь прекратился, на небе появились голубые разрывы, выглянуло из-за туч солнце, вдохновляя печальный караван на последний путь к родному городу. Наконец впереди замаячили стены крепости с башенками.

Путники подстегивали лошадей, стремясь быстрее добраться до Владимира. Городские ворота были открыты. Все уже знали, что везут тело великого князя. Вдоль улицы, ведущей к княжескому дворцу, стояли люди. Многие, с прискорбием опустив головы, плакали. Некоторые горожане становились на колени, крестились, провожая в родной город тело великого князя со словами:

– Прими господь нашего князя Ярослава! Пусть его путь на господний суд будет легким и душа его за великие деяния уйдет в рай!

* * *

Александр Ярославич о смерти своего отца узнал, будучи уже в Новгороде. Он только что пришел из похода на литовцев. После взятия города Торопца князь не ограничился этой победой и решил проучить давних врагов, дабы обезопасить границы. Несмотря на нежелание новгородцев идти с ним в дальнейший поход, он с небольшой дружиной смело стал преследовать непрошенных гостей. Возле озера Живца он настиг литовцев и уничтожил. Затем после небольшой передышки в Витебске, где княжил Брячислав, снова двинулся на литовцев уже в их владения и снова уничтожил их новые отряды. А близ городка Усвята он навел на дерзкого врага такой страх, чтобы у них на долгое время отбило желание делать набеги на Русь. Он дал понять западникам, что и разоренная татарами Русь в состоянии защитить свою землю и веру.

После полудня, когда на княжеское подворье прискакал гонец, Александр сразу же сердцем почувствовал, что посланник привез плохую весть. Он прислушался к торопливым шагам гонца и сопровождающего его слуги, а на душе было беспокойно. Дверь в гридницу отворилась, вошел человек, поклонился в пояс и остановился у порога.

Князь сидел за столом и выжидающе смотрел на него. Но гонец молчал, потупив взгляд, стараясь не глядеть в глаза Александру.

Наконец князь с нетерпением спросил:

– Говори, что случилось? Почему молчишь?

Посланник поднял голову, с волнением ответил:

– Боюсь, Александр Ярославич, эта весть для тебя будет печальна.

Невский в тревоге даже привстал и требовательно произнес:

– Да говори же, не тяни! Неужели опять враги пришли на наши земли?

– Нет, пресветлый князь, врагов пока нет, но они нанесли тебе, может, самый большой урон в жизни.

– Так что же произошло?! Говори скорее!

– Я тебе, князь, принес очень плохую весть! Мужайся! Твоего отца, великого князя Ярослава Всеволодовича, в проклятом татарском городе Каракоруме ханша Туракина отравила! И сейчас печальная процессия с прахом князя движется во Владимир.

– Что?! – крикнул князь и медленно сел на лавку. Лицо его побледнело, Александр обхватил руками голову, и непрошенная слеза покатила по щеке. Так он сидел некоторое время, не поднимая головы.

Наконец пристально взглянул на гонца, спросил:

– Как это произошло?

– Ханша пригласила великого князя к себе в шатер для переговоров и из своих рук ему подала вино, якобы за успешное окончание дел. А оно было отравлено.

– Я предчувствовал, что так и случится. Сколько раз я говорил отцу, чтобы в этот раз он не ездил к татарам! Он меня так и не послушал. Спешил уладить все дела с ханами, а тогда уже и братья за восстановление Руси.

Когда князь выговорился, посланник продолжил:

– Следом за мной спешит гонец – татарин из Каракорума, чтобы передать тебе, князь, приказ ханши явиться к ней в татарскую столицу. Он везет тебе ярлык и пропуск в Каракорум – золотую пластинку пайцузу, чтобы ты беспрепятственно приехал в Татарию.

– Да я этого татарского гонца повешу на воротах! – хриплым от горя голосом крикнул Александр и стукнул кулаком по столу так, что стол затрещал. Она еще имеет наглость посылать ко мне гонца. Да я соберу по всей Руси войско и покажу этим поганым, где их место. Сволочи, так предательски отравить великого князя, отца моего!

Невский вцепился руками в край стола, да так, что его пальцы побелели. Он понимал свое бессилие, что ничего не сможет предпринять против татар, и от досады заскрежетал зубами, а желваки на его скулах ходили ходуном.

Гонец подошел прямо к столу, за которым сидел князь, и попытался его успокоить и упредить от необдуманных действий:

– Нельзя, Александр Ярославич, даже пальцем трогать гонца ханши. По их законам, кто поднял руку на посла, тому никакой пощады не будет. За это татары пошлют на новгородскую землю свои несметные полчища и разорят ее. Поэтому собери все свое мужество и терпение в единый кулак и встреть посла ханши, как подобает, а то навлечешь на Русь беды, а их у нас и так хватает.

– Да я эту поганую собаку на кол посажу!

– Это, конечно, немудрено. Только подумай о том, при чем тут гонец. Возможно, ханша специально направила к тебе посланника, чтобы спровоцировать на эти действия, а потом послать на Русь свои войска поганых завоевателей.

– Подниму свою дружину, соберу ополчение в Новгороде, обращусь ко всем князьям земли русской, и пойдем бить эту нечисть! – стоял на своем Александр.

Гонец достал из-под кольчуги свернутый пергамент и передал его Невскому со словами:

– Это письмо велел передать тебе твой отец, на случай если с ним что-нибудь случится.

Князь торопливо развернул пергамент и стал просматривать. Закончив читать, он с удивлением еще несколько раз пробежал по написанному, затем с раздражением сказал:

– Да как это так? Даже после смерти он завещает мне завести дружбу с ханом Батыем.

Видя возбужденное состояние князя, гонец молчал, переминаясь с ноги на ногу, не зная, что и посоветовать ему, как утешить.

В это время князь был далеко от всего происходящего. Он вспоминал своего отца накануне отъезда к татарам. До сих пор в голове Александра звучали его слова, когда они сидели вдвоем и проговорили почти всю ночь:

– Если я не вернусь от татар, погибну в дороге или поганцы меня изведут, тебе, Александр, придется продолжить мое дело. Только ты сможешь объединить и подчинить все княжества под одну сильную руку. Запомни, Александр, татары наши земли не будут захватывать. Они им не сподручны для их жизни. Они не любят леса, реки, озера, топи. Для них мать родная равнина без лесов. Они нас будут обирать. Заставят платить дань. Им надо содержать огромную армию, а для этого нужно ее кормить, вооружить, одеть. Если мы откажемся платить дань и не будем с ними водить дружбу, они станут приходить каждый

раз на наши земли и опустошат их. Это обойдется нам гораздо дороже, чем платить дань. В то же время с нами хотят заключить мир и западники, якобы объединиться против татар. Но они хитрят. Стараются одной рукой натравить нас против татар, а другой самим захватывать наши земли и сделать нас всех католиками. Поэтому-то я выбрал татар, хотя они дикие и нам с ними придется нелегко, но я надеюсь, земли наши останутся за нами и наша вера будет при нас.

В это время в гридницу зашел Михаил. Он внимательно посмотрел на князя и сразу же понял, что Невский получил какое-то плохое известие. Он приблизился к князю, спросил:

– Что случилось, Александр Ярославич?

Тот поднял на своего сотника полные слез глаза, хрипло ответил:

– Отца моего татары в Каракоруме отравили! Будь они прокляты! Придет час, я с ними сочтусь!

Наконец обратив внимание на уставшего с дороги гонца, распорядился:

– Отведи, Михаил, его к слуге Илье, пусть проводят в баню и накормят. Ему необходимо отдохнуть с дороги. А сам придешь сюда, ты мне понадобишься, и приведи с собой всех сотников и тысяцкого дружины.

Когда все вышли из гридницы, Александр, облокотившись на стол, задумался. Сейчас его мысли были направлены на месть за смерть отца. Он готов был тут же поднять дружину и мчаться к татарам. И мстить. Но князь прекрасно понимал, что это не так просто. Конечно, свою дружину подымет хоть сейчас, и они все как один пойдут за ним в огонь и в воду. Но он и его маленькое войско всего лишь песчинка против огромной армии татар. А созвать других князей с их дружинами и поднять ополчение по Руси не так просто. На это нужно время. И немалое время, чтобы утрясти все разногласия между князьями, а как это сделать – вопрос. Горький опыт таких сборов против татар уже был, но из-за разногласий между князьями русские проиграли битву с татарами на реке Калке. Видимо, придется пока ограничиться поездкой во Владимир на похороны отца.

В гридницу вошел архиепископ Спиридон. Сухощавый, высокого роста, седой, с карими глазами. Взгляд его был жестким и приковывал собеседника к себе. Старец медленно прошел к столу, где сидел князь, встал напротив и низким голосом молвил:

– Мужайся, Александр! Так, видимо, Господу было угодно, чтобы Ярослав Всеволодович отдал свою жизнь за Русь, добиваясь этого проклятого ярлыка. Придумали татары ярлык какой-то, брать у них грамоту на правление своими же землями. Будто мы без них не разберемся, кто у нас и где будет править. Вон и тебе пайцзу Туракина прислала, чтобы ты немедленно явился к ней. Как будто это ближний свет. Ехать-то туда надобно больше года. Да еще опасного пути. Вон из посольства твоего отца возвращается меньше половины людей, а остальные погибли в пути от болезней. Сегодня уже прискакал посол из Каракорума и привез тебе пайцзу, пропуск в Татарию. Будь они неладны.

Услышав, что посол от ханши уже в Новгороде, князь соскочил с места и крикнул:

– Так что же вы молчите? Я сейчас прикажу своим дружинникам повесить его на воротах!

Спиридон крепко ухватил князя за руку. Усадил его на место со словами:

– Уймись, князь! Этим поступком ты еще большую беду накличешь не только на себя, но и на всех людей твоего княжества. А они-то при чем? Ведь татары пришлют сюда несметные полчища своих диких воинов, и опять начнутся пожары и резня ни в чем неповинных людей. Ты этого хочешь?

– Нет, – ответил князь, опустив голову.

– Тогда успокойся. Тебе, прежде всего, надобно достойно, по-христиански, похоронить отца своего. Определиться с братьями и дядьями на владения княжеств, а тогда уж решать, как поступить дальше. А завтра по достоинству, как подобает князю, прими татарского посла и обещаю ханше, что обязательно приедешь в Каракорум. Пока гонец едет туда, пока она тебя будет дожидаться, много воды утечет. Неизвестно, что за год произойдет. Тебе сейчас, Александр, надо успокоиться и принять потерю отца своего как предначертание господне.

– Трудно мне свыкнуться с мыслью, что отца нет. Что теперь не с кем будет даже посоветоваться в трудных делах, и знать, что его поддержки больше не будет. Была бы моя воля, я бы сегодня же повел полки русских на татар! И сколько же мы будем терпеть этих поганых над нами?! Присосались к земле русской, словно пивки, и пьют кровь! Что же делать? Ума не приложу!

– Тебе сейчас, Александр Ярославич, не надо на рожон лезть, затаись. Что ты можешь сделать против такой огромной силы? Как бы твои отважные воины не были искусны в бою, тебе сейчас поганых все равно не одолеть. Как ты только свяжешься с татарами, западники сразу же попрут на Русь и начнут захватывать русские земли. Ты думаешь, твой отец – великий князь – от большой любви поехал в такую

даль к татарам искать их защиты и дружбы? Конечно, нет. Он хорошо понимал, что из двух зол надо выбирать меньшее. Татары хоть земли наши не хотят захватывать, им и так бескрайних степей хватает. К религии всех народов относятся терпимо. Они единственное, что хотят от русских – это дань. Мы ведь с твоим отцом неоднократно об этом говорили, и он это прекрасно понимал. Поэтому прошу тебя, князь, настрой себя так, чтобы зло и месть не затмили твой разум.

Александр Невский встал, обнял старца со словами:

– Спасибо, Спиридон, тебе за поддержку! Я уже спокоен и, как ты советуешь, с великим терпением приму и этот удар судьбы. Встречусь с проклятым татариним. Узнаю, чего хочет от меня каракорумская ханша. Но думаю, она задумала меня, как и отца, извести. Но я пока не собираюсь мчаться по ее первому зову в такую даль. Я ведь еще у Батыя не бывал. А он мой ближний враг. Поэтому я попытаюсь, прежде всего, с ним встретиться, для того чтобы узнать, что хан Батый хочет от меня и как он думает строить отношения с другими русскими княжествами.

2

Путешествие на Русь Алану далось нелегко. Уже к концу пути он чувствовал себя окончательно разбитым и больным. Только благодаря своим снадобьям, травам и всяким восточным премудростям он смог избежать болезней, которые постигли многих из посольства великого князя.

Алан неоднократно проклинал ханшу Туракину и хана Батыя, которые потребовали от него ехать вместе с посольством во Владимир. Отказаться от путешествия он не мог, иначе его ждала смерть. Он должен был выполнять волю ханов. Это, прежде всего, используя свой богатый опыт в знахарстве, стать незаменимым человеком и потом остаться на Руси и войти в доверие к князю Александру. Сопровождать его всюду, в мирной жизни и военных походах, неукоснительно сообщая обо всем, что происходит при дворе Александра, не только о его действиях, но и мыслях. В путешествии назад на Русь ему удалось осуществить уже часть своего плана. Он стал незаменимым советчиком и целителем, и лекарем для путешественников. Ученый писарь мог почти любому человеку влезть в душу своим участием и заботой. Люди же по своей душевной простоте ему доверяли самое сокровенное, делились с ним всем. Вскоре Алан стал уважаемым и необходимым человеком. Только один Борислав всегда настороженно относился к ученому писарю, который несколько лет находился у татар с князем Константином и знал, что лесть и доброта восточных людей может быть не что иное, как хорошо скрываемое коварство. Хотя пока ничего плохого со стороны ученого лекаря он не замечал, кроме как самоотверженности в помощи всем больным и уставшим от длительного путешествия людям.

Тонкий знаток человеческой души, ученый писарь сразу же понял, что Борислава он не смог убедить в верности служению посольству. Даже порой чувствовал тяжелый проницательный взгляд переводчика, но всегда отвечал ему ласковой и заискивающей улыбкой.

Прежде чем послать Алана с посольством русских, с ним один на один побеседовала Туракина. Когда их аудиенция закончилась, на прощание она ему с улыбкой посоветовала:

– Ты, Алан, должен вползти им в душу как змея. Все должен нам сообщать, что они будут делать или предпринимать с западниками. И что они надумают против нас. Если потребуется кого-то убрать, дашь яду. А если откажешься выполнять то, что мы тебе велим, мы тебя найдем и достанем хоть на дне морском.

Алан упал на колени перед ханшей, поцеловал ей край платья со словами:

– Слушаю и повинуюсь, моя повелительница! – кланяясь раз за разом, задом удалился из юрты. Он уже хотел отправиться назад в русские шатры, как его вернул слуга ханши. Чем очень сильно напугал писаря, тот уже подумал, что Туракина отдаст его палачам.

Войдя в юрту, Алан сразу же упал на колени, поклонился и замер в этом положении, ожидая, что скажет Туракина.

– Поднимись и слушай, что тебе еще сказать забыла. Будут к тебе приходить католики с ярлыками от меня, помогай им во всем и исполняй мою волю. А сейчас иди.

От перенапряжения Алан даже вспотел и, от пережитого страха пошатываясь, вышел из шатра.

Ученый писарь прекрасно понимал всю сложность своего положения, но это была не его воля, и поэтому надеялся, что Аллах его простит за все его деяния.

Давно находясь при дворе у татар, он знал их жестокие законы, где неповиновение каралось смертной казнью. Ему часто приходилось видеть, как ломали хребты непокорным, поэтому добросовестно служил им. У него давно уже не было ни родины, ни имени, он был раб на услужении огромной татарской

империи. Хорошо организованной военной машины, которая прокатывалась по целым государствам, городам, разрушая все на своем пути, кто оказывал ей сопротивление. А тут одна его безымянная жизнь, по которой если пройдет это чудовище, даже никто и не заметит.

Сейчас, находясь с русскими, ученый писарь чувствовал себя гораздо уютней, чем тогда, когда он пребывал у татар, где ему за неповиновение или из-за какого-нибудь каприза ханского двора могла в любую минуту грозить смерть. Здесь же, у русских, к нему относились с уважением, ценили его как знахаря и как ученого человека, знающего науки. В душе Алана шла борьба. Он должен был выбрать, с кем он, и нужно ли ему выполнять задание ханов. И не выполнять было нельзя, потому что он прекрасно понимал, что и русские сами находились в зависимости от татар, как и он, был зависим от них и жил в постоянном страхе за свою жизнь. Потому что ханы всегда его могли разыскать, даже если бы он находился от них на большом расстоянии. Алан над этим очень много размышлял и пришел к выводу, что испытывать судьбу не стоит и нужно подчиниться обстоятельствам.

Еще в пути уже по русской земле печальный караван догнал посол ханши Туракины Нарат в сопровождении сотни нукеров. Это случилось, когда русские остановились на берегу небольшой прозрачной речушки, которая тихо несла свои воды.

Пока путешественники отдыхали, поили лошадей, готовились к дальнейшему пути, Алан удалился и присел на сваленное дерево. Он задумчиво вглядывался в хрустально чистую воду речки. Тишина и тихое журчание воды успокаивали, навевали на размышления. А думалось ему о разном, но неожиданно он поймал себя на мысли о том, что это медленно текущая вода как жизнь течет, но уже возврата ей назад не будет никогда, что нельзя войти в одну и ту же реку, что она всегда будет разной, хотя на первый взгляд такой же, как и прежде.

В это время кто-то осторожно тронул Алана за плечо. Он вздрогнул и, увидев татарского посланника Нарата, несказанно удивился, воскликнув:

– О Аллах! Это ж откуда ты тут появился?

– Я, уважаемый учитель, не появился, а меня вслед за вами послала ханша Туракина к князю Александру, сыну ныне усопшего Ярослава, с повелением как можно скорее отправиться в Каракорум.

Алан покачал головой и произнес:

– И сына Ярослава хочет убрать! Чем же они так ей не угодили!

Нарат на слова ученого писаря ничего не ответил, а молча подал ему ярлык. Тот развернул пергамент, прочитал, что там написано. Взялся за голову и воскликнул:

– О Аллах! Вах-вах-вах! Как же это возможно исполнить приказ Туракины!

Гонец вытащил из кожаного мешочка небольшой сосуд и протянул Алану со словами:

– Это тебе тоже велено передать, и еще сказано, что если не исполнишь, то твоя голова будет посажена на кол.

Алан сидел молча, ничего не говоря, ничего не видя и не слыша. От известий от ханши он как будто онемел.

Посланник вскочил на свою пегую низкорослую лошадку и крикнул ученому писарю:

– Что мне передать великой ханше – Туракине?

Алан вздрогнул, как бы очнувшись, крикнул в ответ:

– Слушаю и повинуюсь!

Татарин стегнул плеткой коня и пошел крупной рысью по пыльной дороге, увлекая за собой свою сотню нукеров, оставив в смятении растерянного и подавленного Алана.

* * *

После возвращения посольства из Каракорума во Владимир тело князя Ярослава поместили в Успенский собор. Жители города и окрестных поселков и деревень приходили попрощаться с великим князем, который для них был и защитником, и строгим отцом. Женщины оплакивали безвременную кончину Ярослава. Причитали и от горя рвали на себе волосы.

Во Владимир стали съезжаться близкие родственники усопшего и люди из других городов. Всем была безразлична смерть великого князя. Ожидали Александра Невского, который уже был в пути и со дня на день должен был приехать в город на похороны отца.

Алан, как ученый лекарь, зная всякие восточные премудрости, каждую ночь умащивал тело князя разными пахучими травами. Анастасия была ему незаменимой помощницей в этом нелегком и печальном деле.

К вечеру дозорные со стен города заметили новгородскую дружину во главе с Александром Ярославичем. Всадники спешили. Ворота по распоряжению Святослава, брата Ярослава, который по русскому обычаю принял титул великого князя, заранее были открыты. Всадники крупной рысью промчались в город и направились к Успенскому собору. У входа в храм стоял Святослав Всеволодович, поджидая Невского.

Молодой князь был одет в траурную одежду: в черный плащ и шапку. Он соскочил с коня и направился к своему дяде. Они обнялись и троекратно расцеловались. Святослав Всеволодович смахнул скупую слезу и хриплым голосом произнес:

– Вот ведь как случилось, Александр! Горе-то какое!

Невский молчал. Душа его уже вся изболелась, оплакивая потерю отца. Уже не хватало места в сердце для его горя.

Князья молча вошли в храм, подошли к телу Ярослава. Александр долго всматривался в лицо отца, затем встал на колени перед усопшим, беззвучно что-то шепча пересохшими губами. Возможно, он просил у отца прощения, а может быть, давал клятву продолжить начатое дело великого князя.

Похороны Ярослава Всеволодовича состоялись в октябре 1246 года в Успенском соборе. Все родственники и простые люди пришли проститься с великим князем. Плакали люди, потеряв защитника земли русской.

После похорон Святослав Всеволодович собрал всех наследников и объявил завещание покойного князя и утвердил сыновей Ярослава в тех же княжествах, которыми они владели при отце.

За князем Александром остались города Новгород, Зубцов, Торжок, Волоколамск, но он утратил Тверь, Кашин, Костятин, а также Переяславль.

3

Став сотником с благословения великого князя Ярослава в дружине Александра Невского, Михаил Романович прошел с князем по литовским землям, уча уму-разуму беспокойных соседей. Придя в Смоленскую землю, они встретили литовские отряды под Жижицем и разбили их, а когда возвращались в свое княжество, уничтожили и другую рать под Усвятом.

На обратном пути в Новгород Невский сказал, обращаясь к своей дружине:

– Мы побили литовцев на их земле, и это им будет наука впредь, чтобы они знали русский обычай. Когда идешь в гости, то идешь за гостями. А они к нам пришли с грабежом и насилием. Поэтому разгром отрядов на их земле надолго прекратит литовские набеги, и они научатся уважать своих соседей. Это была оборонительная война с упреждением, что и мы можем так же, как они, пожаловать к ним в гости. Я теперь думаю, что после этой науки они вряд ли еще захотят делать набеги на наши княжества.

Михаил сразу же завоевал уважение среди дружинников князя как смелый и опытный воин, готовый прийти на помощь к любому ратнику, попавшему в сложное положение во время битвы с врагом.

Неприятное известие о гибели князя Ярослава от коварной ханши Туракины он тоже очень переживал и сочувствовал Александру, стараясь при случае поддержать его морально.

Еще во время похорон Михаил обратил внимание на женщину, одетую в черную траурную одежду. Под повязанным черным платком было плохо видно ее лицо. Женщина неутешно плакала. В согнувшейся фигуре было столько страдания и горя, что сотник подумал – это какая-то родственница князя. Но чем больше он вглядывался в женщину, тем больше в ней угадывалось что-то давно забытое, знакомое. Ему почему-то казалось, что он уже где-то ее видел. Но где, не мог вспомнить. Чем больше он думал о ней, тем больше стал присматриваться к незнакомке. Михаил старался подойти поближе, чтобы разглядеть плакальщицу, хотя пробраться среди большого скопления народа было не так легко. Когда он все-таки оказался почти рядом с женщиной и вгляделся в ее облик, то на него повеяло чем-то до боли родным. И это почти прикрытое черным платком лицо, и одетая в траур фигура, даже движения были знакомы. Сотник все еще не мог понять, где же он видел эту женщину. Вглядываясь в незнакомку, он все больше и больше понимал, что они где-то уже с ней встречались. Наконец устав гадать, Михаил спросил у рядом стоящего дружинника:

– Скажи, мил человек, что это за женщина, которая так убивается об умершем князе?

– Это Анастасия. Она была служанкой у нашего князя. Ее князю Ярославу хан Бату подарил. В Орде она была невольницей. Князь вначале гневался на то, что ему хан навязал эту женщину, а потом ее оценил как хорошую служанку и целительницу. Во время нашего похода в Каракорум и назад во Владимир многих заболевших в пути она подняла на ноги. Очень хорошая женщина, – похвалил дружинник.

Последние слова сотник уже почти не слышал. В это время в душе его были и радость и смутение. Это была она. Это была Анастасия. Он не знал, что ему делать. Самое первое его желание было ринуться к ней и заключить ее в объятия. Душа его ликовала оттого, что наконец-то его жена нашлась, что вот она рядом, ведь он так долго ее искал. Но было еще сомнение, что вдруг это не она, а другой человек, что он ошибся. Но он не мог к ней подойти во время похоронной процессии.

И все-таки сотнику не терпелось убедиться в том, что эта так горько плачущая по князю женщина его жена. Он стал пробираться сквозь толпу людей поближе, насколько это возможно. Наконец он подобрался совсем близко к женщине и стал вглядываться в ее лицо.

Несомненно, это была его Анастасия. Когда он совсем убедился, что это она, первое его желание было крикнуть ее имя, но он с большим усилием воли не сделал этого, а решил ждать, когда закончатся похороны. Михаил уже не мог находиться в монастыре, его распирала радость, что он наконец-то нашел свою жену.

Это никак не сочеталось с всеобщим настроением горя от утраты великого князя. Он вышел из монастыря и присел на лавку.

Стояла осенняя пора. Холод и дождь отступили на время, и последние несколько дней были сравнительно теплые. Желтый лист с деревьев почти весь опал, и они теперь стояли голые и печальные.

Сотник, прищурившись, взглянул на солнышко, затем перевел взгляд на белые облака. Стал наблюдать, как они плывут по небу. Тут его чуткое ухо уловило журавлиные крики. Он взглядом искал стаю журавлей и стал наблюдать за пролетающими птицами, которые улетали в далекие края. Впереди летел вожак, и, наверно, это была самая сильная птица, раз вела за собой остальных журавлей. Михаил непроизвольно подумал: «Все как у людей. Вот Ярослав Всеволодович великий князь, можно сказать вожак, вел Русь к объединению, шел впереди, но убрали его враги с пути и уничтожили. И теперь нужен новый вожак. Кто это будет? Святослав Всеволодович? Наверно, нет. Скорее всего, Русь поведет Александр Ярославич».

Михаил провожал взглядом стаю журавлей, которая улетала все дальше и дальше, и вскоре птицы превратились в маленькие точки, а через некоторое время совсем скрылись из виду.

Похороны закончились, и люди стали расходиться из монастыря, но Анастасия еще долго не выходила. Михаил сгорал от нетерпения, желая встретиться со своей женой. Время тянулось медленно, но он продолжал терпеливо ждать.

Уже стало садиться солнце, когда Анастасия вышла из монастыря вместе с монахами, о чем-то разговаривая. Вскоре церковные служители вернулись в священную обитель, а женщина, повернувшись в сторону монастыря, троекратно перекрестилась с поклонами и пошла на княжеский двор. Она шла медленно, низко наклонив голову, ничего не замечая вокруг себя. И уже когда она стала проходить мимо лавки, на которой сидел сотник, он ее негромко окликнул:

– Анастасия!

Женщина вздрогнула, остановилась, повернулась в сторону Михаила и недоумевающе взглянула на незнакомого воина.

Сотник встал, пошел навстречу растерявшейся Анастасии, ласково обратился к ней:

– Анастасиюшка! Это же я, Михаил, твой муж!

В лице женщины было столько удивления и страха, что она воскликнула:

– Михаил! Муж мой! – и стала падать в обморок. Сотник едва-едва успел подхватить ее в объятия. Держа на руках свою жену, он присел на лавку, стараясь привести ее в чувство. Наконец она открыла глаза и, увидев наклонившееся над ней такое знакомое, родное лицо, прошептала:

– Михаил. Ты меня нашел. Я знала, что ты меня найдешь. – И закрыла глаза, затем открыла их снова, молвила: – Неужели это сон?

– Нет, Анастасиюшка, это не сон. Мы снова с тобой вместе, – и, наклонившись, нежно поцеловал.

Женщина медленно встала, села рядом с мужем, сказала:

– Где же ты так долго был?

– Там, где и ты, в татарском плену. Там, где тысячи наших людей томятся в неволе у этих проклятых нечестивцев.

Анастасия неутешно заплакала. С ее рыданиями и слезами уходили в прошлое горечь непосильных испытаний в плену, тоска по родине, по семье, по мужу и потери, которые принесло нашествие завоевателей.

Михаил, как мог, утешал женщину, гладил по голове, целовал в мокрые от слез глаза, щеки, успокаивал:

– Не плачь, Анастасиюшка, мы теперь с тобой снова вместе, и нам не страшны никакие испытания, теперь нас уже никто никогда не разлучит. Мы с тобой опять заживем как прежде, в любви и согласии, коли из такого пекла, как татарский плен, вырвались.

Анастасия подняла голову, вытерла платком слезы и стала пристально вглядываться в лицо своего мужа, погладила его по щеке, как бы стараясь убедиться, что это он и ей все это не снится, ласково сказала:

– Постарел и волосы седые. Видно,хватило лиха тебе в Орде.

– Да уж хватило, милая, но я всегда не терял надежду найти тебя, там, в плену, я постоянно вглядывался в русских женщин. Всегда думал, а вдруг встречу тебя.

– Ну а если бы и встретил, что тогда?

– Наверно, нашел бы способ тебя выкрасть и вместе убежать.

Анастасия покачала головой и грустно произнесла:

– Это, наверно, было бы невозможно. Там в Орде от этих вездесущих, вечно рыскающих по степи татар невозможно скрыться. Я уж и не чаяла, думала, что на веки вечные останусь среди этих дикарей. Но мне несказанно повезло. Батый, когда великий князь Ярослав одарил его подарками, был этим очень доволен и решил тоже одарить князя. Подходящей татарки в это время не нашлось, и ханы решили в качестве дара отдать меня в жены князю. Пленных рабынь у ханов хватало, и сделать ответный дар женщиной для них ничего не стоило. Татары никогда не одаривали посольствам и гостям оружием или золотом, а почти всегда отдавали в качестве подарка женщин или лошадей, этого добра у них сколько угодно.

– А у князя ты действительно была женой? – спросил Михаил, испытывающе и в то же время с любопытством глядя на Анастасию.

Женщина отвела глаза от прямого взгляда мужа, тихо ответила:

– Я же не княжна, чтобы он взял меня в жены, а вот служанкой и целительницей ему была. Я в плену у восточных людей научилась пользоваться травами и лечить ими от недугов. Поэтому всему посольству Ярослава вместе с Аланом, ученым писарем, во время путешествия в Каракорум и обратно помогали слугам и воинам князя излечивать болезни.

– Ты и в Каракоруме была? – с удивлением спросил Михаил.

– Была. Нелегка туда дорога. Немало людей наших полегло во время пути от болезней. Путь наш лежал через степи, горы и реки. А когда возвращались назад, и вовсе много людей и лошадей погибло, так как шли непрерывные дожди. Было сыро и холодно, люди простывали и заболели.

– Я уж слышал об этом, Анастасия. Знаю, многие воины не вернулись с этого нелегкого похода в татарщину.

– Мне даже вспоминать о нашем путешествии страшно, – вытирая слезы, промолвила женщина.

Сотник встал и, показав на восток, заметил:

– Однако, Анастасия, скоро уже солнце закатится. Пойдем на княжеское подворье, я тебя еще хочу показать Александру Ярославичу.

Женщина застеснялась и стала отнекиваться:

– Может, в другой раз. Сегодня ему не до знакомств. У него большое горе. Ведь он потерял отца.

– И правда, – согласился Михаил.

Взяв жену за руку, повел ее на княжеский двор. Перед входом у красного крыльца стояли Александр Невский с братом Андреем и дядей, ставшим великим князем Святославом Всеволодовичем. Они негромко разговаривали между собой.

Михаил с женой хотели незаметно пройти мимо княжеской семьи, но князь Александр, увидев своего сотника, окликнул его:

– Михаил, подойди сюда.

Муж и жена подошли к князю, а тот сообщил ему:

– Скажи дружинникам, пусть готовятся в обратный путь. На днях выступаем в Новгород.

Сотник и его жена поклонились в пояс Невскому. Михаил сказал:

– Пресветлый князь, разреши мне сообщить хорошую весть и просить тебя взять с собой эту женщину.

Князь внимательно посмотрел на Анастасию и спросил:

– Кем она тебе приходится? И зачем ты ее хочешь забрать с собой?

– Это моя жена.

Невский от удивления поднял бровь, и у него непроизвольно вырвалось:

– Как твоя жена?! Когда это ты успел на ней жениться?

Все с любопытством стали разглядывать женщину.

Анастасия от такого внимания засмушалась и опустила голову.

– Помнишь, пресветлый князь, я тебе рассказывал, что после битвы с татарами в Киеве попал в плен, и моя жена тоже оказалась у них в неволе. А вот так вышло, что в Орде Батый в знак благодарности за подарки, преподнесенные ему Ярославом Всеволодовичем, одарил его моей женой, которая была у них в плену. Так она стала служанкой при великом князе и с его посольством путешествовала в Каракорум и вернулась назад.

– Это надо же так, как судьба у вас сложилась! Просто удивительно. И вот теперь вы опять вместе, – улыбаясь, сказал князь и добавил: – Раз уж вы муж и жена перед Богом, я вам, конечно, запретить жить вместе не вправе. Поэтому готовьтесь вместе с женой к поездке в Великий Новгород.

4

Хан Батый проснулся ночью, долго ворочался с боку на бок, но не мог уснуть. В голову лезли всякие мысли, и от них нельзя было ни избавиться, ни забыть. А поразмышлять хану было о чем. В огромной империи Чингизидов все складывалось не в его пользу. После разлада с братьями во время похода к последнему морю он фактически остался один с небольшой армией. Тут уже речь шла не столько о завоеваниях, а о том, как удержать власть с небольшим оставшимся войском и не стать жертвой борьбы своих же родственников за имперское величие. Поэтому Батый решил привлечь русских князей на свою сторону, чтобы заключить с ними союз и тем самым укрепить свое положение во вновь образованной им Золотой Орде. Но хитрая и коварная Туракина разгадала его планы, и как он ни скрывал свои замыслы, она все-таки ему навредила. Уничтожила главного союзника великого князя Ярослава Всеволодовича. Кроме того, старалась, используя католиков, столкнуть лбами русских князей и Орду.

Но хоть и хитра была Туракина, он тоже не дремал и решил для себя начать действовать. Прежде всего необходимо было привлечь на свою сторону князя Александра, достойного преемника Ярослава, и нужно было убирать эту змею, подобную кобре, Туракину. Бату-хан уже давно обдумал, как будет действовать. Поэтому к Огул-Гамиш был отправлен сарацин по имени Икрам, хитрый и изворотливый ученый, знающий травы и восточную мудрость. Его главной задачей было любыми способами убрать Туракину. И вот уже прошло много времени, а вестей из Монголии так и не было, как будто его посыльный где-то пропал навсегда без вести. Время мучительно долго тянулось, и хан не ведал, что же происходит в Каракоруме. Осуществилось ли его желание об уничтожении ханши? Он понимал, коварная и изворотливая Туракина не остановится на том, что убрала русского князя, что скоро она займется им и другими братьями, чтобы убрать их с дороги и властвовать одной в огромной империи.

Батый встал. Его мучила головная боль, во рту была сухость, он медленно подошел к бурдюку, где всегда был свежий кумыс, налил пенящегося напитка в серебряную пиалу и, не отрываясь, с жадностью выпил. Бодрящий напиток теплом разлился по всему телу. На душе стало легко, и все неприятные мысли ушли и растворились. Наступил душевный покой. Хан накинул на плечи легкую соболью шубу, вышел из юрты. У входа как изваяния стояли могучие воины, охраняя покой и безопасность повелителя Золотой Орды. Юрта Батыя стояла на холме, и с него было хорошо виден огромный юрточный город как на ладони. Невдалеке маячил золотой ханский дворец. Но хан Батый предпочитал юрту. Это было жилье кочевника, и в нем он чувствовал себя прекрасно: уютно и комфортно, во дворце же ему казалось тесно, давили стены и не хватало воздуха. Он был человек степей, и воля, и огромное пространство были его стихией, а юрта удобным домом.

Стояла осень, и степь приносила не только прохладу, но и ветра. На этот раз было тихо и тепло. Хотя на небе горели еще яркие звезды, но восток медленно светлел. Огромный город, состоящий из различных по размеру юрт, которые в основном были на колесах, спал.

Хан присел на деревянную скамейку, укутался в шубу, неотрывно глядя на восток. Там где-то далеко находилась его родина, родная Монголия, где он вырос и воспитался сильным и смелым багатуром, а когда возмужал, повел за собой армию на завоевание и покорение народов выполнять заветы Чингисхана. Но по воле судьбы он должен был находиться далеко от родины, создать свой улус и бороться за свое выживание. Быть постоянно начеку, наблюдать за своими соперниками чингизидами, чтобы они его не отправили в мир иной.

Рассвет наступал. Вот уже побелел восток, на небе стали блекнуть звезды. Из некоторых юрт потянулся дымок. И в воздухе появился горьковатый вкус горевшего в очагах кизяка. Но еще пока над юртами стояла дремотная тишина.

Хан сидел без движения, и казалось, он задремал. Но это было только внешне. На самом же деле в его сознании шла бесконечная работа мысли. Нужно было думать о многом. Думать о сегодняшнем дне, о будущем и заглянуть далеко вперед. Да так, чтобы не ошибиться, и Батый как никто это знал. Уж сколько раз судьба ему устраивала сюрпризы, но он из них благополучно выходил или победителем, или, по крайней мере, без ощутимых потерь. На то он и был хан. Он должен был думать. На то он и повелитель огромного своего улуса Золотая Орда.

* * *

Туракина с трудом открыла глаза, голова кружилась, ее тошнило. В груди жгло, сердце учащенно билось, во рту все пересохло. Она облизала сухие губы, позвала служанку китаянку:

– Ляйсан! Ляйсан, ты где?

Вскоре появилась женщина, она наклонилась над ханшей, внимательно взгляделась в ее лицо и покачала горестно головой, воскликнула:

– Эй – вах, вах! Ой, беда!

– Что со мной, Ляйсан?

– Беда с тобой, повелительница! Ой, беда!

– Пить, – простонала Туракина. – Налей мне холодного кумыса.

Служанка поднесла своей госпоже напиток и прошептала:

– Потерпи немного, моя повелительница, я сейчас заварю травы и попою, тебе станет легче.

Ханша, испив кумыса, почувствовала себя немного легче, закрыла глаза, казалось, она задремала, но в ее голове шло осмысление того, что же все-таки с ней произошло. Еще вчера она себя чувствовала совершенно здоровой, побывала в юрте, куда ее пригласила родственница Огул-Гамиш повеселиться, посудачить о женских делах, о жизни. Хозяйка щедро угощала свою гостью сладким заморским вином, восточными сладостями. В гостях были и другие женщины – родственницы и приближенные ханские жены, к которым благоговела Туракина. Было весело, женщины много разговаривали и смеялись, пили вино, ели сладости.

Туракина была благосклонна к женщинам и позволила себе из рук Огул-Гамиш принять вино. Беря в руки золотой кубок, наполненный до краев, она на миг взглянула в лицо женщины и уловила, как будто тень пробежала по ее лицу и в глазах зажглись злые огоньки, но та весело улыбалась, говорила ханше льстивые слова, восхищаясь ее красотой и умом. В тот момент она не обратила на все это внимания. А сейчас, анализируя происходящее, она поняла, что сегодняшнее ее состояние дело рук Огул-Гамиш. Хотя она никогда не проявляла себя ее противницей, но ханша знала, что она когда-то была влюблена в Батю и он отвечал ей взаимностью. Но это было давно, и никто об их отношениях уже не вспоминал. Выходит, она тайно помогает хану Бату. Женщина, вспоминая это, кляла себя:

– Как же я могла забыть? Надо было заставить ее это вино выпить самой, как она уже делала неоднократно, и враги ее от своего же яда погибали. А тут?! – ей стало так досадно и жалко себя, что слезы покатались из глаз. Она их не вытирала, у нее уже просто не было сил, в голове свербела одна и та же мысль: «Неужели я умру? Сколько же мне еще осталось? Как не хочется умирать! Ведь все так хорошо складывалось! Нет, я выздоровею, я не умру!» – успокаивала себя императрица.

Голова у ханши закружилась, и она устало закрыла глаза. В груди все жгло и болело, но потом боль стала уходить, и она почувствовала себя легко-легко, казалось, ее тело парит над землей и она как пушинка летит над степью. Тут она почувствовала чей-то тяжелый взгляд, стала оглядываться, искать, кто же так на нее смотрит. И вот встретилась с суровым взглядом русского князя Ярослава. Он стоял как изваяние на ее пути, опершись на длинный окровавленный меч.

Ханша попыталась его обойти, но натолкнулась на прозрачную стену.

– Не спеши, Туракина, пока тебе путь сюда заказан. Еще рано в наш мир, – послышался низкий голос великого князя.

– Почему мне туда путь заказан? – с раздражением спросила ханша и крикнула: – Никто не может мне запретить идти, куда я хочу!

– Вот когда ты сполна выпьешь чашу, которую ты мне дала испить, и испытаешь боль и горе расставания с земной жизнью, как я это испытал, вот тогда сюда все пути тебе будут открыты.

– Я сейчас хочу! Мне нужно сейчас! – кричала Туракина, но невидимая стена, которая стояла между ними, ее не пускала.

* * *

В другой половине юрты ханши служанка Ляйсан и сарацин Икрам, знахарь и целитель, готовили зелье для повелительницы. Помешивая в серебряном ковшике настой трав, восточный человек сказал:

– Я думал, сильнейший яд сразу же подействует и Туракина отойдет в мир иной, а вышло совсем по-другому. Наверно, отравы была давно заготовлена и потеряла силу. Поэтому яд плохо подействовал.

Служанка молчала, прислушиваясь к стонам ханши и вздрагивая при каждом новом звуке. Так как понимала, что если кто-нибудь из приближенных или слуг явится в юрту, и они не успеют до конца довести свое страшное дело и Туракина выкарабкается, то их ждет жестокая смерть.

Икрам думал о том же. Но еще он должен, завершив до конца приказ Батыя, успеть выбраться отсюда, в условленное место, подготовленное Огул-Гамиш, где его уже ожидал отряд монгольских воинов, чтобы сразу же пуститься в путь в сторону Золотой Орды и доложить хану Батыю о свершенном деле.

– У тебя все готово? – тревожно прошептала служанка.

– Все, – ответил лекарь.

– Тогда давай зелье. Я напою ханшу.

Икрам подал поднос, на котором стояла серебряная пиала, наполненная зельем, и сказал:

– Надеюсь, этот настой трав с ядом убьет ее.

Ляйсан взяла отраву и понесла Туракине. Когда она подошла к постели императрицы, та уже лежала с открытыми глазами, уставившись в одну точку. Заслышав шаги служанки, она чуть привстала, чтобы выпить настой трав.

Служанка взяла пиалу и стала поить женщину. Выпив весь настой, она медленно легла, затем прошептала:

– Позовите моего сына Гуюка. Я хочу поговорить с ним.

Служанка молча поклонилась госпоже и удалилась в другую половину юрты. Икрама там уже не было. Ляйсан в волнении прошептала:

– Вот шакал! Обещал мне уплатить за все золотом и взять с собой, а сам уже сбежал. Ляйсан в отчаянии села, и слезы потекли из ее глаз от страха, что ей за все придется отвечать, а в голове крутилась одна и та же мысль: «Что делать? Бежать, а куда одна убежишь? Ее тут же схватят. Может, все обойдется. Она всем расскажет, что ханша заболела и скончалась. А если не скончалась, то пока она ходит за ее сыном, к этому времени ханша, наверно, помрет».

Служанка встала. Руки ее от волнения тряслись. Она медленно подошла к постели, прислушалась к дыханию своей госпожи. Казалось, она не дышала. Тогда служанка, растрепав свои волосы, с криком выскочила из юрты:

– Умерла наша повелительница! Зовите хана Гуюка!..

Один из стражников побежал в сторону юрты молодого хана.

Вскоре появились Гуюк и родственники ханши. Женщины плакали, а мужчины сели на ковер с суровыми лицами.

Сын подошел к постели умирающей, встал на колени, вглядываясь в ее лицо. Крупные слезы текли по его щекам.

Но вот веки у матери дрогнули, она открыла глаза и прошептала:

– Пришел. Я ждала тебя.

– Что с тобой случилось? Ты же еще вчера была здорова и весела.

– Отравили меня, сын мой.

– Кто же это смог такое злодеяние свершить?! Кто? – рыдая, закричал хан Гуюк.

– Это мой заклятый враг Бату, – тихо ответила женщина и закрыла глаза.

– Как он смог это сделать, если он находится далеко от нас и живет в Сарая на реке Итиль.

– Вот видишь, смог. Подослал людей, и они все это сделали.

Гуюк вскочил на ноги и закричал:

– Где служанка Ляйсан?

Служанка, бледная от страха, появилась перед сыном Туракины.

– Кто еще, кроме тебя, был в юрте сегодня?

Трясущаяся от страха служанка выдавила из себя:

– Икрам – ученый лекарь. Он лечил травами твою мать.

– Где он сейчас?

– Его нет. Он сбежал, – и несчастная упала на колени, стала целовать сапоги молодому хану, прося

о пощаде:

– Не казните меня! Пощадите, о, великий хан!

Гюк подозвал к себе одного из своих слуг и распорядился:

– Эту старую лису казнить сейчас же! Накиньте ей на шею аркан и прокатите ее по степи, да так, чтобы сдохла! А подлого шакала Икрама догнать, допросить и сломать ему хребет.

Приближенные бросились исполнять волю своего господина.

Служанку тут же схватили и накинули ей на шею волосяной аркан. Ляйсан кричала, цепляясь руками за веревку, пытаясь освободиться. Но неумолимые слуги вытащили ее из юрты и поволокли по степи свою жертву.

Десять воинов вскочили на лошадей и помчались вдогонку за злоумышленником, который посягнул на жизнь их госпожи.

Туракина опять открыла глаза, знаком показала своему сыну подойти к ней поближе, а когда Гюк вновь склонился над матерью, она тихо сказала:

– Поклянись, сын мой, что ты отомстишь за меня Бату-хану.

– Клянусь! Пока я жив, буду мстить за тебя этому злому шакалу, – пообещал наследник.

– Теперь ты великий хан, – еле прошептала ханша, дернулась и навсегда затихла. По щеке императрицы покатила слеза и застыла на подбородке.

5

Наступило лето, сухое, теплое, солнечное. Обильно цвела черемуха не только в лесу, но и в самом городе. Ее дурманящий аромат пьянил и возбуждал, вселяя надежды у людей на хорошую жизнь. После затяжной и холодной весны долгожданное солнце как бы отработывало за упущенные дни, которые проходили в серости и дождях. Сегодня на улицах Новгорода царил оживление. Бойко шла торговля, трудились ремесленники, престарелые люди выходили на улицу, чтобы посидеть на лавочках или завалянках, греясь на солнышке.

Торговый город жил своей мирной жизнью, строился и процветал, наслаждался покоем. Пока новгородское княжество не беспокоили враги ни с запада, ни с востока.

Князь Александр правил городом, вершил суд, строил укрепления, радовался, глядя на своих сыновей, как они растут, мужают и становятся хорошими воинами. Это были будущие наследники его дел.

Невский вышел на красное крыльцо своего дворца. Вдохнул полной грудью аромат черемухи, которая обильно цвела на его подворье, и закрыл глаза, наслаждаясь дурманящим запахом. Кусты черемухи, растущие на подворье и вокруг княжеского дворца, были белые от обильного цветения. От легкого дуновения ветерка отцветшие лепесточки как снежинки летели по всему подворью. Князь залюбовался этим зрелищем. Запах черемухи всегда напоминал дни его юности, когда он был влюблен в дочь посадского Ольгу. Время, когда они тайно от всех встречались в зарослях цветущей черемухи. Когда он впервые в жизни поцеловал девушку, обнял ее. С тех самых пор, как зацвела черемуха, он вспоминал об Ольге, о своей первой любви. Но жизнь сложилась так, что они не могли соединить свои судьбы. У Ярослава Всеволодовича по поводу его женитьбы были другие планы. Политика требовала жертв от великого князя, и Александр подчинился. Все это для него прошло безболезненно: до сих пор, хотя минуло много лет, память о его первой любимой девушке с ним осталась навсегда.

Новгородский князь оторвался от своих мыслей и решил пойти в гридницу, чтобы встретиться со своими дружинниками. Он любил посидеть, поговорить с воинами, вспомнить о былых походах, победах и проблемах, которые возникают на сегодняшний день. Многие ратники из его дружины были с ним еще с детства и юности, которых ему набрал отец для игр и приобретения начального военного опыта. Вместе с ними он учился владеть мечом, приобретал военное искусство. С этими воинами он одержал немало ратных побед. Они для него были как члены его семьи. О них он знал все: чем они живут, даже что думают, их взаимоотношения в семье. Эти дружеские отношения со своей дружиной давали ему возможность рассчитывать на них в любое время и при любых обстоятельствах. А когда начинался боевой поход или сражение, воины беспрекословно выполняли его приказы.

Князь уже спустился с крыльца и сделал несколько шагов, чтобы направиться в гридницу, как увидел спешащего к нему сотника Илью.

– Александр Ярославич! Погоди, есть новости.

Князь остановился и вопросительно посмотрел на дружинника.

– Татарский посол пожаловал к нам в гости в сопровождении монгольских воинов.

Невский давно уже думал над тем, что татары его в покое не оставят, будут звать к себе на поклон. Это уже третий посол. Еще когда он был во Владимире, сразу же после похорон отца в Новгород прибыл посланник от Туракины с грамотой, где ханша требовала ему немедленно явиться в Каракорум. Но Александр отверг приглашение властной императрицы, понимая, что эта поездка для него может кончиться тем же, что произошло с его отцом. Но пошел посоветоваться к архиепископу Спиридону. Тогда они долго разговаривали о его княжении в Новгороде, о западных соседях и взаимоотношениях с татарами.

Когда митрополит узнал, что Невский не собирается пока ехать в Каракорум, он покачал головой и произнес:

– Смотри, Александр Ярославич, не накличь беду на Русь и свое княжество.

А когда после беседы они расставались, сказал:

– Да укрепит господь тебя, как и других князей!

Невский вернулся во дворец и, взойдя на крыльцо, обернулся, наказал сотнику:

– Устрой послов так, чтобы они ни в чем не нуждались. Скажи им, что завтра после обеда я их приму в палатах, и мы с ними обсудим все дела, с которыми они приехали.

Князь на крыльце остановился, облокотился на резные перила и стал ждать, когда же появятся татарские послы.

Вскоре ворота в княжеский двор открылись, и Александр увидел татаро-монгольское посольство. Их было около двадцати всадников, на низкорослых лошадях с длинными гривами. Всю эту процессию сопровождала большая толпа новгородцев. Уж больно был для них интересен и непривычен вид прибывших гостей.

Впереди ехал, по-видимому, их главный посол, сопровождаемый верховыми всадниками. Одеты они были довольно необычно, чем привлекли внимание горожан. Ехавший впереди всадник был в ярком полосатом халате, в островерхой меховой шапке, в зеленых загнутых вверх остроносых сапогах. Сопровождали его татарские воины, вооруженные копьями с крючком и кривыми мечами. У каждого сбоку был пристегнут колчан с луком, наполненный стрелами, а на спине прикреплен большой круглый щит.

* * *

На следующий день в приемной палате Александр Ярославич, пригласив бояр, новгородского посадника, тысяцкого и служителей церкви, принимал татарское посольство.

Когда все чинно расселись по местам, Александр, в княжеской короне усевшись на трон, пригласил прибывших монгольских послов.

Посол в сопровождении двух человек, переводчика и писаря, важно вошел в тронный зал новгородского князя. Они чинно проследовали к Невскому, поклонились в пояс, приложив руку к сердцу.

Самый важный и богато разодетый татарин заговорил по-татарски.

Князь с удивлением поднял бровь, ничего не понимая.

Говорящий замолчал, и заговорил рядом с ним стоящий на русском языке:

– Я посол великого хана Батыя, властителя Золотой Орды, Иштуган, прибыл сказать тебе, князь, что уже третий раз наше посольство приглашает тебя посетить Орду и великого хана Батыя, но ты осмеливаешься до сих пор не явиться и пасть к ногам великого хана.

Затем Иштуган развернул грамоту и начал читать по-татарски.

Это было послание Александру Невскому, в котором говорилось: «Я покорил многие народы, заставил поклоняться и платить дань мне, великому хану Батыю. Только ты один не хочешь покориться моей власти и великой монголо-татарской империи. Если хочешь сохранить свое княжество и свой престол, то явись ко мне и преклони колени перед моим тронном».

Иштуган прекратил читать грамоту и стал ждать ответа.

В палате наступила тишина.

Князь задумался, не зная, что сразу ответить на такое дерзкое и унижающее его письмо от Батыя.

Все присутствующие на приеме молчали. Многие думали, что князь не потерпит такого унижения и достойно ответит, а дерзких послов велит казнить.

Напряжение возрастало, но Невский молчал. Его лицо было непроницаемо, только напряженно, даже лихорадочно, он думал: «Что же ему ответить татарскому послу? Да ответить так, чтобы не показать, что он испугался грозного письма от Батыя и в то же время не обидеть татар».

Наконец новгородский князь приветливо улыбнулся послам и, сдерживая гнев, не повышая голоса, ответил:

– Я рад, что посольство великого хана Батыя нас посетило. Все, что мы услышали, примем к сведению, и как только уладим все свои дела, так сразу же пустимся в путь, чтобы посетить Золотую Орду.

Напрасно ждал Иштуган, когда Александр скажет, как он преклонит колени перед ханом и поцелует край его халата.

Опять наступила длительная пауза. Наконец татары сообразили, что больше ничего не будет сказано, с достоинством поклонились и вышли из палаты.

Александр подозвал сотника Михаила и распорядился:

– Ты хорошо знаешь татарский язык, поэтому я тебе велю: щедро одари послов и проводи их с честью да проследи за тем, чтобы их никто не обидел.

Затем князь встал, давая понять всем, что прием закончен. Приглашенные новгородцы стали расходиться.

Александр опять сел на место и задумался, ведя диалог сам с собой: «Новгородцы и вся Русь верят в меня и ждут, что я соберу войско и побью татаро-монголов, как разгромил своих западных врагов. Наверно, и татары так же думают. Поэтому и нетерпение их, чтобы я явился к ним, мне понятно. Но воевать с таким сильным врагом – это воевать почти со всем миром. Несметные полчища кочевников неотвратимо ринутся на Русь и сравняют города и селения с землей, а уж тогда придут хитрые и расчетливые западники и захватят русские земли. Этого они и добиваются, стараясь столкнуть лбами нас с нехристями».

Князь встал, открыл окно, на улице стояла солнечная погода. Он сразу же почувствовал тонкий аромат черемухи и от этого даже зажмурился, глубоко вдыхая приятный запах, подумал: «Эх, оседлать что ли любимого белого жеребца, взять несколько близких дружинников да проехаться по ближнему лесу и полюбоваться на природу».

Князь уж и вправду хотел идти на конюшню, чтобы оседлать своего коня, как в палату вошел сотник Михаил и воскликнул:

– Ну, Александр Ярославич, сегодня у тебя богатый день. Просто гости на гости, а князю радости.

Услышав это, Невский недовольно спросил:

– Кто еще к нам пожаловал?

– Не поверишь, светлейший князь, – загадочно произнес сотник.

– Да говори же, Михаил! – с нетерпением попросил Невский.

От самого папы римского Иннокентия прибыли легаты с грамотами. Требуют, чтобы ты их немедленно принял.

– Что же это у них такая за спешка. Подождали бы до завтра.

– Я уже им говорил, что завтра вас князь примет, а они и слушать не хотят, что-то лопочут по-своему, видно, ругаются.

– Что ж, может, это и к лучшему: сразу уж покончить с этими делами раз и навсегда, а там надо готовиться к поездке в Орду. Дальше уже ждать некуда. Иначе они сами к нам с войском придут, – озабоченно ответил князь.

– Все-таки, Александр Ярославич, решил ехать в татарское логово?

– Я не привык бегать от опасностей, но и на верную смерть просто так бессмысленно не пойду, а сейчас самое время встретиться с ханом. До меня дошли верные слухи, что Туракина умерла, будто ее отравили.

– Видно, Господь услышал наши молитвы и уготовил этой злодейке ту же смерть за Ярослава Всеволодовича. Собаке собачья смерть.

– Кто же теперь у власти в Каракоруме? – с интересом спросил Михаил.

– Хан Гуюк, и говорят, что уже пошел со своим войском на Самарканд и вроде бы собирается воевать с ханом Бату. Вот жду известий из Орды, чем все это у них кончится. Тогда уж буду принимать окончательное решение, ехать мне или не ехать в Орду.

– Так что ж, Александр Ярославич, мне передать послам от папы?

Князь на какое-то время задумался, потом сказал:

– Извести их, Михаил Романович, что после обеда я их приму и выслушаю все сообщения и грамоты.

– И, усмехнувшись, добавил: – Знаю я их все заботы: как бы с татарами нас сравить, а потом, когда мы будем уничтожены, прибрать побольше земли русской.

– Это ты верно, светлый князь, говоришь, так и будет. Я уже заранее знаю, что будут увещать всякими обещаниями, – вставил Михаил.

– Так что после обеда в этой же палате я их приму. Да пригласи бояр, тысяцкого и посадника, пусть послушают, о чем радеют западники.

* * *

Для встречи с легатами Гельдом и Гемонтом, посланными римским папой Иннокентием, собрались все приглашенные. На лавках чинно расположились бояре. Князь Александр торжественно восседал под образами икон на княжеском троне, одетый в серебряные латы, на плечах соболья накидка, на голове шапка, изукрашенная драгоценными камнями и опушенная собольим мехом. Лик его был светел и даже суров. По левую сторону, держа в руках серебряные топоры, находились приближенные дружинники, по правую сторону стоял митрополит. С белой накидкой на голове, в черной рясе, на груди поблескивал золотой крест.

В палату вошел дворецкий и объявил:

– Кардиналы католической церкви Гельд и Гемонт, прибывшие по поручению папы римского Иннокентия четвертого с грамотами к новгородскому князю Александру Невскому.

В палату, легко ступая, вошли приглашенные в неизменных своих черных плащах, в широкополых плоских шляпах. Они, не доходя несколько метров до трона князя, остановились. Их бритые лица были строги и бесстрастны. Они поклонились князю, и один из них подал ему в руки свиток грамоты.

Александр читать послание не стал, а, обратившись к легатам, попросил на словах передать, с чем их послал папа римский.

Легаты переглянулись, как бы решая, кто же из них будет говорить.

Складную и витиеватую речь начал вести кардинал Гельд:

– Мы, как и вы, поклоняемся и веруем одному Господу Иисусу Христу. За эту веру твой отец Ярослав отдал жизнь и теперь наслаждается райскими милостями господина за его светлую и бескорыстную веру. Но накануне, прежде чем отправиться в вечность, он имел разговор с нашим возлюбленным братом Иоанном де Плано Карпини. Он изъявил желание принять веру латинскую, чтобы совместно бороться с нашим общим врагом, и без сомнения бы исполнил свою волю, если бы не скончался внезапно. И мы надеемся, что Александр как верный сын своего отца должен исполнить его желание, если он хочет для себя мирной жизни и счастья для своего народа.

Александр, доселе слушавший внимательно с серьезным непроницаемым лицом послов, услышав последние слова, усмехнулся и подумал: «Кто-кто, а я-то уж знаю вашу заботу о моем народе, уж он-то на своей шкуре почувствовал эту милость во время нашествия немцев и шведов».

Папский легат продолжал:

– Мы знаем о твоих великих победах и знаем, как велико твое государство и что такой знатный воин и мудрый князь не встанет в подчинение Орды и присоединится к римской церкви, для того чтобы приумножить свои силы и вместе добиваться освобождения от татар.

Хотя легат еще долго говорил о выгодах союза с западниками, восхваляя Александра на все лады, и даже обещал короновать его королем Руси, князь его почти не слушал, а думал о своем, с нетерпением ожидая конца речи посланника.

А когда кардинал наконец закончил свою речь, князь ответил:

– Наша вера пришла к нам от наших предков, и мы считаем только ее истинной, а вашу веру не приемлем и знать не хотим.

Князь встал, показывая, что прием послов закончен.

Растерянные и изумленные таким неожиданным ответом легаты повернулись и медленно вышли из приемной палаты.

6

Хан Гуюк не мог простить Батыю того, что он способствовал гибели его матери Туракины. После ее смерти он поклялся на ее смертном одре, что отомстит хану Золотой Орды.

Став полновластным хозяином империи, он собрал большое войско и решил двинуться на реку Итиль, где находился его заклятый враг. Поход он начал летом. С огромной армией Гуюк пошел на Самарканд, где еще хотел присоединить к себе немалое войско с Чагатайского Улуса, будучи не совсем уверенным в своих силах. Тогда он считал, что наверняка разобьет в бою Бату-хана.

К походу было уже все готово, и великий хан Гуюк торопился двинуться на Золотую Орду. Но все ханы и его ближние родственники не хотели войны с ханом Батыем.

По этому поводу великий хан собрал всех своих тысяцких и темников, чтобы обсудить еще раз свой необыкновенный поход большой войны между ханствами.

Все собрались в большой юрте Гуюка. Хотя кругом стояла угнетающая жара, солнце нещадно палило,

но тут было прохладно.

Всем присутствующим слуги подавали пиалы с резким пьянящим кумысом, который взбадривал, давая силы.

Гююк сидел на троне, который стоял на возвышенности, его непроницаемое лицо было бесстрастно, только из узких щелок глаз поблескивали черные зрачки. Безусое юное лицо хана было бледно-желтым, и он, как мальчишка, постоянно шмыгал носом.

Наконец Гююк петушиным голоском произнес:

– Дня через три мы выступаем походом на реку Итиль, где основал свое ханство наш враг Бату-хан. Поэтому прошу всех темников и тысяцких подготовить своих воинов к великой битве.

Гююк замолчал, напряженно вглядываясь в лица своих военачальников, стараясь определить их настроение и полностью ли они его поддерживают.

В юрте наступила полная тишина. Но вот один из темников, ближайший друг и сродный брат Гююка Нарат, смело высказал свое мнение:

– Великий хан, ты только не подумай, что я и мои нукеры боимся сразиться с воинами хана Золотой Орды. Мы все готовы идти в бой, но нужно ли нам это делать, начинать междоусобицу ханств нашей великой империи. Мы так встанем на путь русских князей, которые, сражаясь меж собой, потеряли свое государство. Может, нам надо попробовать решить все наши недоразумения переговорами или каким-нибудь иным путем.

Лицо Гююка покрылось красными пятнами, ноздри расширились. Он привстал на своем троне и почти выкрикнул:

– Я своей матери перед смертью клятвенно обещал отомстить Бату-хану за его злодеяние! И выполню свою клятву! А от тебя, мой брат Нарат, я таких слов не ожидал! Я всегда думал, что ты со мной пойдешь в бой на любого врага!

Хан Гююк, тяжело дыша от волнения, сел на свой трон и нервно стал теревить богато расшитый золотом халат.

Все собравшиеся перешептывались меж собой, стараясь не глядеть в сторону молодого хана, чтобы не попасть под его гнев.

В это время раздался низкий голос Тимер-хана, всеми уважаемого уже пожилого полководца:

– Великий хан, прислушайся к голосу разума. Начать войну просто, но остановить будет сложно. Тогда пойдут распри во всех ханствах. Ведь Золотую Орду поддержат другие ханы. И наше огромное государство расколется на два лагеря, и тогда все покоренные нами народы выйдут из повиновения. Подумай, хан Гююк, крепко подумай, чтобы не сделать неверного шага.

Гююк с надменным лицом выслушал полководца, скривил рот в злой усмешке, твердо заявил:

– Я сказал все, и решения своего не изменю. Будет так, как я сказал. А за неповиновение моему приказу все знаете, что вам грозит смерть. Это касается не только простых воинов, но и вас. Эти законы установлены еще моим дедом великим Чингисханом. И я это исполню сейчас же, если вы не повинуетесь моему приказу.

Все присутствующие в юрте почти враз произнесли:

– Слушаюсь и повинуюсь!

Молодой хан торжествующе улыбнулся, сказав:

– Выступаем в поход через три дня. Завтра охота на антилоп и пир. А сейчас идите, – и хан махнул рукой, давая понять, чтобы все удалились. Военачальники по очереди подходили к трону, падали на колени, целовали полу халата великого хана и, пятась задом, выходили из юрты.

* * *

Вечером несколько военачальников собрались в юрте у Тимер-хана. Пили терпкий кумыс и обсуждали последние события, которые произошли в ставке Гююка.

Это были все уважаемые ханы, которых связывала не только длительная военная служба в татаро-монгольском войске, но и единомыслие по духу.

Гости пили любимый прохладный пьянящий напиток, наслаждаясь его вкусом и резкостью. Ханы отдыхали от жары и дневных забот по подготовке к походу.

Тимер-хан, оглядев всех присутствующих и указав на рядом сидящего знатного монгольского воина, произнес:

– Этот человек прибыл к нам из Золотой Орды по велению Батя. Он знатный багатур. И готов выпол-

нить то, о чем мы с вами неоднократно разговаривали. Он хороший воин и меткий стрелок, и если мы ему поможем, то освободимся от нашего недоумка хана, который своими руками хочет разрушить великую империю, созданную нашим великим Чингисханом.

– Как мы осуществим наш замысел? Ведь Гююка охраняют лучшие нукеры и они постоянно находятся вокруг него, прикрывая его своими телами, – обратился ко всем темник хан Тулпар.

– Осуществить, конечно, его будет непросто, но мы постараемся с посланником Батыя это сделать, – уверенно заявил Тимер-хан.

– Может быть, не надо лишать жизни моего друга и брата Гююка! – обратился ко всем Нарат.

– Если не остановить этого желторотого юнца, он наделает много бед, которые свалятся на нашу голову и на радость нашим врагам. Ты вспомни, Нарат, что творила его мать Туракина, как по ее приказу тебя взашей выгоняли от твоего друга. Вспомни, скольких она знатных ханов загубила и стала добираться до Батыя. Если бы он ее не опередил, быть бы ему давно убитому. Чтобы убрать Туракину, не один Батый хотел, но и другие ханы. Эта женщина была безмерно властолюбива и завистлива. Она постоянно затевала в нашей империи склоки, натравляя нас друг на друга. И ее сынок такой же, как она. Он не понимает, что многого можно добиться, не применяя оружия и военной битвы. Нужно убедить своего врага так, чтобы он тебя боялся и кормил твою армию. А зачем она погубила русского князя Ярослава, какой смысл был в этом? Она поверила в рассказы католиков, которые сами стремятся захватить Русь, и совершила зло. А ведь русский князь не хотел с нами воевать, а желал решать все дела миром, был согласен платить большую дань. Ладно бы на этом остановилась, а то давай вызывать его сына Искандера, чтобы его загубить. У нас уже сейчас огромное государство, мы покорили многие народы не для того, чтобы вести с ними войны, а для того, чтобы они нам платили дань.

– И все-таки я не согласен с тем, что вы задумали! Я не буду участвовать в умерщвлении моего друга и брата! – Нарат соскочил со своего места и выкрикнул:

– Я сейчас же пойду к великому хану Гююку и сообщу о вашем злом умысле!

Все присутствующие переглянулись. Заерзали на месте, понимая, что если этот юнец сообщит хану об их задуманном деле, то им всем грозит смерть.

Хан Тулпар наклонился к уху Тимер-хана и прошептал:

– Что будем делать? Он ведь нас всех подведет под казнь!

– Придется и его убирать, – жестко ответил Тимер-хан. – Я уже об этом подумал, и мои багатуры ждут только сигнала. Они знают, что делать, – и хлопнул в ладоши.

Тут же в юрту вошли крупного телосложения монгольские воины, схватили Нарата, тот, опомнившись, что он сделал большую глупость, пообещав выдать всех, закричал:

– Не убивайте меня, я никому ничего не скажу! Пожалейте меня!

– Не ори, как резаная собака! Умри как настоящий воин! – ответил Тимер-хан.

Воины перевернули молодого хана на спину и резко через колено сломали хребет несчастному. Затем завернули тело убитого в ковер и вынесли из юрты.

Тимер-хан обвел всех присутствующих взглядом и строго предупредил, что всех предателей ждет такая же кара, как этого слабовольного юнца.

Затем дал знак слуге, и тот налил большую чашу кумыса, и она пошла по кругу. Каждый отпивший из пиалы, выражая восторг угощению хозяина, восклицал:

– Кху, кху!

Выпив круговую чашу кумыса, заговорщики, договорившись о совместных действиях о свержении великого хана, разошлись по своим юртам.

* * *

Утро всех приглашенных охотников встретило прохладой. Небо было голубое-голубое, словно хрустальное. У собравшихся имелось только несколько часов до наступления сильной жары, чтобы поохотиться, так как в полуденный зной уже не хотелось заниматься чем-либо, в это время тянуло всех куда-нибудь в тень, к прохладному месту.

Ханы и все знатные люди в сопровождении своих нукеров с нетерпением ожидали на условленном месте молодого императора. Они вели степенные разговоры о предстоящей охоте и будущем походе на Золотую Орду. По разговорам чувствовалось, многие не одобряют начало военных действий между ханствами.

Вскоре показался отряд монгольских воинов во главе с великим ханом Гююком. Он был одет в бле-

стящие доспехи. На голове сферический шлем с полумаской. На плечи накинут расшитый золотом яркий халат.

Вскоре большой отряд конников помчался в пустыню на место обитания антилоп. Вот показался оазис с зелеными растениями.

Охотники остановились. По указанию Гуюка воины разделились и, с двух сторон охватывая полукругом место пастбища животных, помчались на антилоп.

Стадо, услышав топот копыт всадников, перестало пастись. Животные подняли головы, прислушиваясь к звукам, определяя, откуда же им грозит опасность.

Каждый охотник, наметив свою жертву, пытался ее добыть либо меткой стрелой, либо наброшенным арканом на шею своей добычи.

Страстный охотник хан Гуюк устремился за одной из антилоп. Он на всем скаку пытался сразить ее из лука, выпустил несколько стрел, но не достиг своей цели.

Тимер-хан и посланник Батыя Аяз мчались следом за молодым ханом.

Тимер-хан крикнул Аязу:

– Сейчас удобный момент. Как только Гуюк помчится по зарослям саксаулов, стреляй не мешкая. Стреляй наверняка и потом скачи в условленное место, там ждет тебя десять нукеров. Скачи в Орду к Батыю с сообщением, что хан Гуюк убит и войны не будет.

– Слушаю и повинуюсь! – прозвучал короткий ответ воина.

Аяз вытащил и колчана отравленную ядом стрелу, огляделся вокруг и выстрелил из тугого лука. Взвилась стрела и метко вошла в шею великого хана Гуюка. Все произошло так быстро, что в пылу охоты этого даже никто не заметил. Убитый медленно стал сползать с лошади, а затем упал в заросли саксаулов.

Аяз сразу же повернул свою лошадь в сторону и вскоре скрылся за холмами пустыни.

* * *

Когда хан Батый узнал, что хан Гуюк собрал огромное войско в Самарканде и собирается пойти на него войной, чтобы отомстить за его мать Туракину, то не на шутку забеспокоился. Он прекрасно понимал, что распри между ханствами их великой империи ни к чему хорошему не приведут, кроме того, его войско в это время не было многочисленно, как бы хотелось. Если Гуюк натравит на него многие ханства, то ему не устоять. Поэтому хан Батый срочно послал очень искусного и хитрого багатура сотника Аяза к своему давнему другу и единомышленнику Тимер-хану с ярлыком, где просил помочь его посланнику в осуществлении задуманного дела.

Время шло, а Аяз не возвращался, хотя до Батыя доходили сведения, что Гуюк уже собрал огромную армию и готовится двинуться походом на Орду. Он терялся в догадках, строил различные предположения и заметно нервничал.

Вечером хан Батый собрал в своей юрте самых близких людей, ханов Орду, Шайбани и Мункэ, чтобы посоветоваться, что же предпринять в связи с создавшимся положением.

В юрте стоял полумрак, горели, потрескивая, свечи, приглашенные молча пили кумыс, чтобы не вести на себя гнев хана, никто не высказывался. Батый сидел, полузакрыв глаза.

Старший брат Батыя, Орду, не выдержав напряженного ожидания, заерзав на месте, произнес:

– Надо, мой брат, готовиться к большой битве. Сосредоточить все силы на пути войска Гуюка и дать ему достойный отпор.

Батый, как бы очнувшись из задумчивости, открыл глаза, обвел всех пристальным взглядом, сказал:

– Уже разосланы гонцы во все ближние ханства, чтобы направили к нам своих воинов, но я еще имею надежду на то, что задуманное мною дело свершится. И у меня есть предчувствие, что будет так. Сегодня даже во сне своего отца Джучи видел. Он подозвал меня к себе и спокойно, с улыбкой сказал мне, чтобы я не беспокоился ни о чем, что нашего врага уже нет.

Все присутствующие облегченно вздохнули и тихонько заговорили меж собой.

В это время в юрту стремительно вошел сотник Аяз. Он упал на колени, ожидая, что скажет Батый.

При виде своего посланника хан Батый сменился в лице и с напряжением в голосе строго спросил:

– Выполнил ли ты, багатур, мое дело, с которым я тебя посылал в Самарканд?!

Посланник поднял голову и выдохнул:

– Да, великий хан! Гуюка больше нет!

– Подойди сюда, Аяз.

Сотник встал, подошел к Батыю, вновь упал на колени и поцеловал полу халата хана.

Батый поднял воина на ноги и громко заявил:

– Отныне ты будешь называться великим багатуром Аязом, – затем ваташил из-за пояса нож дамаской стали с отделанной золотом ручкой и преподнес посланнику.

Аяз поцеловал клинок со словами:

– Слушаю и повинуюсь! – и вновь упал на колени перед Батыем, поцеловал полу халата.

7

Чуть-чуть забрезжил рассвет, князь Александр открыл глаза, но попытался снова заснуть, сон не шел. Одолевали различные мысли или всплывали картины прошлой жизни. Вспоминался отец, всегда жизнерадостный и деятельный. Он видел себя, как его, еще небольшого мальчугана, отец учил правильно держать меч и владеть им. Силенок еще не хватало, но он старался показать себя сильным воином, хотя иногда от бессилия выступали слезы. Но он был упрям и горел огромным желанием носить меч и доспехи, как отец и его дружинники. Ярослав Всеволодович, видя отчаянное упрямство сына, улыбался и подбадривал его, говоря:

– Ты, Александр, молодец! Ты настоящий витязь. Еще маленько, и я возьму тебя в свою дружину, тогда ты будешь ходить со мной в дальние походы!

Это мальчика вдохновляло, и он с новым упорством учился искусству владеть оружием.

Но вот картины прошлого ушли, князь вернулся мыслями к реальной жизни. Сегодня он со своим братом Андреем выезжает в Орду за ярлыками, вернее, за разрешением управлять в своих же княжествах. И это было необходимо. Уже татарские послы привезли князьям охранные грамоты для проезда в Сарай. Дальше испытывать терпение Батыя было опасно. Необходимо ехать к татарам самим, пока хан приглашал по-доброму. Хотя и это добро могло обернуться для них по-разному. Немало русских князей так и не вернулось от Батыя. Поэтому пускаться в такой опасный путь у князя Александра не было большого желания. Все родственники и друзья смотрели на Александра и Андрея как на обреченных. А ехать необходимо. Нужно решать очень непростой вопрос с правлением княжеств. Это был сложный узел власти между родственниками, который они сами не могли распутать. Они надеялись, что татарский хан своей властью его разрубит и определит, кто, где из братьев будет править. Основными претендентами на власть во всей Руси были Александр и Андрей, хотя и остальные князья, как тверской князь Ярослав и галицко-волинский Данила Романович, – у каждого были свои амбиции стать великим князем.

Александр потянулся, встал и начал одеваться, думая о том, что ему предстоит не близкий путь в Орду. Все уже было готово к дальней и нелегкой дороге. Были сделаны необходимые запасы еды, одежды и загружены в сани. Закуплены и подготовлены к дальнему пути низкорослые выносливые небольшие татарские лошадки. Им не надо готовить фураж, они сами добывали корм, разгребая снег копытами. Приготовлено необходимое количество драгоценностей, денег и дорогих подарков татарским ханам, их женам и всяким ханским служителям, которые требовали дары в пути, а если их не давали, то с такими путниками не считались и чинили всякие препятствия в дороге.

Невский распорядился, чтобы в путь взяли переводчиков: с татарского, арабского, латинского и греческого языков, так как в Орде собирались люди со всего мира. Всех переводчиков и летописцев, лекарей возглавлял ученый писарь Алан. Были взяты священнослужители во главе с Азарием, чтобы в пути было кому грехи отпустить, поговорить о спасении души, в трудную минуту молитву прочитать.

Дружина Александра была хорошо подготовлена. Отобраны самые сильные и смелые, побывавшие в боях воины, ее вел Михаил Романович. Все были вооружены лучшим оружием, одеждой, крепкими латами и кольчугами.

С большим трудом удалось сотнику Михаилу уговорить Александра, чтобы он согласился взять с собой женщин-рукодельниц, умеющих лечить болезни и ухаживать за больными, починить одежду, так как в дороге могло произойти все что угодно. Ведь путь был нелегкий и опасен. Всем этим ведала Анастасия, жена Михаила.

Вошел слуга Илья, внес воду для умывания и сообщил:

– Александр Ярославич, народ уже собирается в дорогу. Запрягают сани и складывают припасы в возки.

Князь подставил руки над медным тазом, потребовал:

– Давай, Илья, поливай.

Слуга медленно стал лить из кувшина воду на руки своему господину, продолжая рассуждать:

– К полудню, наверно, соберетесь и выедете в дорогу. Больно большой обоз получается.

Князь, фыркая, умывался. Только после того, как Илья ему подал расшитое полотенце, уже вытираясь, ответил:

– А как же, Илья, в такой длинный путь непустишься налегке. Надо все предусмотреть, чтобы взять достаточно еды и одежды, и много чего нужно будет в дороге. Сам знаешь, нам ведь не впервой хаживать в походы.

Приведя себя в порядок, Невский прошел в гридницу, где за столами уже сидела дружина. Князь сел в свое кресло во главе длинного дубового стола, оглядев воинов, улыбнувшись, спросил:

– Готовы ли мои воины пуститься в долгий путь?

– Готовы, – ответил за всех сотник Михаил.

Невский подал слугам знак, и они проворно стали ставить на стол блюда с едой. Вначале разнесли жирную похлебку с телятиной. Тут же стали подавать каши и рыбу.

– Пейте квас и чай с медом, настоянные на душистых травах. Вина за путь-дорогу предлагать не буду, – сказал князь и перекрестился на образа, первым приступил к трапезе, дружинники последовали его примеру, разговаривая вполголоса друг с другом.

– Ешьте хорошо, так как снова откусать придется только к вечеру. Сегодня мы должны преодолеть трудный путь, потому что начало всякого дела всегда дается нелегко, а потом, когда втянемся в дорожную жизнь, будет не так трудно проходить расстояния. Кроме того, старики говорят, что, наверно, установится морозная погода, – обращаясь к дружинникам, предупредил Невский. Затем спросил у рядом сидящего брата Андрея: – Как, брат мой, готов ли ты к нелегкому пути?

Тот улыбнулся и произнес:

– Я уж давно готов к этому пути. Сегодня всю ночь почти проговорили с Константином. Он мне рассказывал об обычаях, законах и жизни этого дикого татарского народа.

– Ну и что, напугал ли он тебя всеми этими страшными рассказами о жизни монгольских ханов и их воинах?

– Больно-то я испугался этих косоглазых, просто хотелось побольше узнать о них, чтобы быть готовыми ко всему.

– Это ты правильно делаешь, что стараешься узнать о наших врагах, а может быть, и будущих союзниках. Еще бы знать, что нас ждет в пути к нашим благодетелям, – с иронией ответил Александр.

Услышав эти слова, Андрей даже поперхнулся в расстройстве, бросил серебряную ложку на стол и запальчиво заговорил:

– Да ты что, Александр, неужели на самом деле решил с татарами заключить союз?! Это после того, что они натворили на Руси!

– Я действительно думаю заключить мирный договор с татарами, особенно с ханом Батыем, – спокойно парировал Невский.

– Ну уж ты, братец, и хватил! Да какой мир с этими нелюдями?!

Нам надо готовить все силы и гнать поганых с нашей земли русской!

Неужто мы не сможем собрать всех русских витязей и побить эту чуму, которая нашла на нас с востока? Шведов же ты побил и немцам дал такого пинка, что они до сих пор чешутся.

– Вот именно, Андрей, что до сих пор чешутся и не бросили своих желаний захватить наши земли. Как только мы начнем войну с татарами, сразу же западники пойдут на нас, и тогда нам придется отбиваться от двух врагов. А кто биться будет за Русь: ты да я и еще кто?..

Князь Андрей молчал, не зная, что и ответить.

– Что молчишь? Вот то-то и оно, все горазды ершиться, а как за дело, так у нас, у русских, каждый торопится извлечь свою выгоду, и окажемся мы, дорогой мой Андрей, вдвоем. И не только не погоним татар с Руси, а потеряем все и вовлечем русский народ в большую беду. Так что мы с тобой, брат мой, несем ответственность не только за трон в своем княжестве, но и за жизнь наших людей, и поэтому нам надобно хорошо обдумывать каждый свой шаг. Чем терять все, нам необходимо из двух зол выбрать одно, тогда легче будет.

– А почему ты решил, что нам именно с татарами по пути, а не с западниками? – с вызовом спросил Андрей.

– Да потому что татарам от нас нужна только дань. Хотя мы ее пока еще им не платим, а западникам нужны наши земли.

– А по мне лучше с западниками, чем с поганцами, те хоть нормальные люди, у них города, у них

культура. А эти вонючие кочевники даже воды боятся, для них мыться большой грех. И ты с ними хочешь вершить мир.

– Да, Андрей, с ними буду вершить мир. Ты, что, решил один противостоять несметной силе, которая смела и покорила страны и народы?

– Нет, мне с этими поганцами не по пути! – упрямо стоял на своем собеседник.

– Но тем не менее ты за ярлыком едешь не к западникам, а к татарам. Так где же сила? – спросил Невский, хитровато улыбаясь.

Андрей и вовсе вспылил и резко ответил брату:

– Я считаю союз с татарами предательством! Я никогда не смирюсь с этими поганцами за все то, что они натворили на нашей земле!

– И еще больше натворят, если мы с ними возьмемся воевать. И тогда Русь растащат по клочкам, а может, и вообще уничтожат! – уже резко ответил Невский.

– Чем же плохи западники? Они предлагают нам мир! Даже папа римский хочет короновать нас королями и военной силой помогут. Что же тебе надо!

– Ах, тебе королевская корона понадобилась! Тогда что ты со мной собрался в путь, езжай к папе римскому! – с возмущением почти выкрикнул Александр.

Лицо Андрея побледнело, он резко встал, вышел из-за стола и удалился.

В гриднице наступила тишина. Дружинники перестали есть и с недоумением смотрели на князя, пытаясь понять, что же произошло между братьями.

Александр через силу улыбнулся, сказал:

– Ешьте, набирайтесь сил. Скоро в путь-дорогу. Это мы с братом немного поспорили. – И, отстранив блюдо, тоже вышел из-за стола.

Настроение у Александра было вконец испорчено. На душе у него и так было тревожно. Его грызли сомнения. Нет, не страх перед дальней дорогой и неизвестностью, а перед его выбором. Он напряженно думал: «Правильно ли он поступает? Может, он переоценивает татар и сила их мнимая? Может, действительно собраться всей Русью да еще привлечь западников и всем миром дать этим варварам достойный отпор. Походы и дальняя дорога для него не новь. Он был непривередлив, мог спать на земле, подстелив солому, и есть вместе с воинами грубую пищу, и делать длинные переходы без отдыха и воды. Это его не пугало. Перед ним был выбор, и как он поступит, от этого зависело будущее русских княжеств. Многие князья его не поддерживали и склонялись к западу, считая их ближе по культуре и духу. Но он думал по-другому, какой-то внутренний голос ему подсказывал, что он поступает правильно, хотя мысли иногда приходили другие, и он мог подолгу анализировать ситуацию и все равно приходил к одному и тому же выводу. Надо держать мир с татарскими ханами, и прежде всего с Батыем. Они часто разговаривали на эту тему с братьями, особенно с Андреем, который не разделял его позицию, а вот сегодня они впервые почти поссорились. Невский не переживал за ссору, знал, что Андрей никуда не денется и поедет с ним за ярлыком. Он понимал, его брат как никто стремится к власти и причем независимой, хотел делать все, как он желал бы, не считаясь с мнением других, а это уж очень не нравилось Александру Ярославичу. Но в то же время в душе оставалось чувство тревоги оттого, что с братом его идут разногласия, что близкий человек его не понимает.

Князь надел шубу и вышел на подворье. Там уже полным ходом шла подготовка к отъезду. Слуги и вся княжеская дворня суетились у телег, загружая все необходимое, что может пригодиться в дальней дороге.

Александр подошел к Анастасии, которая хлопотала у обоза, с большим вниманием проверяя, как все сложено и все ли захватили с собой. Он некоторое время с улыбкой наблюдал за ней, затем спросил:

– Все ли готово в путь-дорогу?

– Все готово, – ответила женщина и добавила: – Для меня самое главное проследить, чтобы были съестные припасы свежие, чеснок, лук, травы, мед. Я знаю, как все это пригодится в дороге. Я уж проходила однажды этот путь и понимаю, как он труден. Тут еще наш ученый писарь и лекарь велел мне захватить с собой побольше мазей от болезней и простуды.

После трапезы из гридницы на княжеский двор стали выходить дружинники. Они сразу же шли к своим лошадям, седлали их, готовясь в путь.

Сотник Михаил подошел к Невскому и спросил:

– Скоро ли, Александр Ярославич, двинемся в путь?

– Скоро уж, Михаил, сейчас пройдуся, посмотрю, все ли готово, и будем выезжать со двора, – и, указав на собравшихся провожающих женщин, детей и родственников, произнес:

– Тут еще время на прощание надобно будет, а дни сейчас короткие, поэтому надо поторапливаться.

Вскоре все было готово для долгого путешествия, и князя Александр и Андрей, одетые в волчьи шубы, вышли на красное крыльцо. На обширном княжеском дворе собралось множество народу. Ворота были открыты настежь, и за ними была видна толпа горожан. Князь весело взглянул на собравшихся и громко крикнул, подавляя все разговоры и голоса провожающих:

– Вот и пришло время нам двинуться в путь-дорогу!

Услышав это, женщины, вцепившись в своих мужей, сыновей, возлюбленных, заголосили:

– Да на кого же вы нас оставляете, едучи к проклятым иродам! Когда же вы теперь вернетесь в родные края! – Прощаясь, женщины осеяли своих мужчин крестом со словами: – Спаси и сохрани вас Господь! Дай вам Бог удачи и вернётся домой целыми и невредимыми!

Невский, опять покрывая все голоса, крикнул:

– Не хороните, женки, нас заранее. Все мы вернемся целыми и невредимыми! – И, улыбнувшись, ввернул: – Не так страшен черт, как его малюют.

Князь на некоторое время замолчал, вглядываясь в людей, и уже решительно крикнул:

– А теперь в путь-дорогу!

Дружинники вскочили на своих коней, а остальные стали усаживаться в сани и возки.

К князьям подошли их жены, дети и родственники, стали прощаться.

Жена Невского Александра с заплаканными глазами приникла к груди мужа и зашептала:

– Опять, мой милый, идешь в поход! Воин ты мой!

Мало ты со мной бываешь, и дети тебя почти не видят. Боюсь я за тебя на этот раз, очень боюсь! Жестоки и злы эти татары. Много уже там наших князей сложили головы.

Князь поцеловал жену в губы, мокрые от слез глаза, погладил ее по щеке, нежно молвил:

– Не горюй, Александра! Все будет хорошо. Я князь, и это мой крест. Я должен его нести, каким бы он ни был тяжелым. Все это делается ради Руси, ради нас всех.

8

Русскому посольству пришлось преодолеть большое и далеко не безопасное расстояние, чтобы добраться до Сарая. Их путь проходил по берегу реки Волги. Путников везде подстерегали опасности, особенно при переправах через реки. Хотя морозы стояли крепкие, но на больших реках лед устанавливался долго, а иногда совсем тонкий. Поэтому приходилось принимать множество предосторожностей, чтобы не оказаться в полынье. В этих случаях стали на такие места накидывать легкие мосточки, которые везли в отдельных возках.

На равнинах, где почти не было снега, часто вокруг путников кружили татарские разъезды. Но, видя, что обоз охраняется не малым числом хорошо вооруженных дружинников, в досаде, что не могут пограбить караван, могли пустить меткую татарскую стрелу. Что неоднократно и происходило. Поэтому почти все путники в дорогу надевали латы или кольчуги.

На всем пути до первой татарской заставы посольство не встретило ни одного городка или поселения, где бы жили, как прежде, русские люди. Кругом земля была опустошена, лишь стояли обгоревшие дома, разрушенные крепости. Только бродили стаи волков и одичавших голодных собак.

Эта неприглядная картина русской земли вгоняла Александра в уныние и побуждала к различным размышлениям о дальнейшем существовании русского государства. А для раздумий было время, когда он ехал в возке по однообразной бескрайней равнине, где без проводника можно было легко заблудиться, особенно после снегопадов, когда снег покрывал всю землю и не было видно следов дороги. А когда начались татарские заставы, стало еще сложнее из-за постоянного вымогательства с посольства подарков, денег, золота. А если татарские старейшины или военачальники монгольских разъездов не получали желаемого, начинались препятствия. А когда они еще узнавали, что с посольством едет знатный русский князь, то ставки на деньги и подарки значительно возрастали.

У татар существовала ямская служба. Это своеобразные станции, где путники могли сменить лошадей до четырех раз в день и проходить довольно длинный путь почти до 80 километров. Там они могли передохнуть, укрыться от непогоды, получить ночлег. Но на этих станциях нужно было обязательно ублажать станционного начальника и татарских воинов, которые ведали охраной станции.

Посольство Александра Невского уже к вечеру добралось до ставки Батые Сарая. Это было необычное поселение. Оно состояло в основном из юрт на колесах, только разного размера. Этот город растянулся до нескольких километров, окруженный стоянками и поселениями русских, болгар, половцев и

других иноземцев.

Солнце садилось быстро, вскоре стало смеркаться, и когда почти совсем стемнело, русский караван добрался до юрточного города.

Уже на подступах к Орде Александра Невского с его людьми встретил большой отряд татарских воинов во главе со знатным военачальником. Он был одет в яркий полосатый халат, из-под которого виднелись латы, поблескивающие холодным цветом от лучей заходящего солнца.

Отряд преградил дорогу русскому посольству. Караван остановился. Уставшие путники, проклиная докучливых татар, сердито ругались.

К закрытому возку, в котором ехали братья Александр и Андрей, подбежал Михаил и взволнованно заговорил:

– Александр Ярославич! Тут знатный татарский начальник велит тебе выйти из возка и подойти к нему. Иначе, говорит, не пропустит нас в Сарай.

Князь недовольно проворчал:

– Черт бы их побрал, этих кровососов! Уже надоели, просят и просят то денег, то подарков.

Александр пошарил рукой в специально приготовленном мешке, где находились подарки для назойливых татарских старшин и начальников. Достал оттуда кожаный мешочек, набитый серебряными и золотыми монетами, подал сотнику со словами:

– Дай ему, Михаил Романович, этот кошелек, и пусть от нас отстанет.

– Нет, Александр Ярославич, он требует, чтобы ты сам к нему подошел.

Князь медленно вылез из возка, размял ноги, затем, обратившись к Михаилу, сказал:

– Ладно, пойдём, показывай, где этот кровосос.

Князь и сотник, не торопясь, пошли навстречу к знатному монгольскому воину. Тот по-хозяйски восседал на низкорослой лошадке, масляно улыбаясь, наблюдал сквозь щелки глаз за подходящими русскими.

Подойдя вплотную к верховому воину, князь спросил:

– Кто тут хотел меня видеть?

Татарин нагло улынулся и с вызовом ответил:

– Это ты, великий воин Искандер?

– Да, это я князь Александр, прибыл в Сарай по приглашению великого хана Батыея.

– Я об этом, Искандер, знаю. Поэтому мне велено тебя проводить до твоей юрты в русском поселении.

– Передайте великому хану мою благодарность, что он про нас не забыл и послал вас, непобедимых воинов, встретить. А то мы бы тут долго плутали, пока нашли бы свое пристанище, – ответил князь.

Татарин даже не сдвинулся с места на своей лошадке, продолжая нагло улыбаться.

Александр сделал знак Михаилу. Тот с поклоном преподнес туго набитый кошелек монголу.

Монгольский воин, взяв кожаный мешочек с деньгами, взвесил его на руке и со знанием дела вытащил из него золотую монету, попробовал ее на зуб и, удовлетворенный своей проверкой, зацокал языком, выражая свою радость преподнесенному подарку. Внимательно взглядевшись в лицо Михаила, спросил:

– Где ж я тебя видел? Ты кто и кем служишь у князя Искандера?

Михаил на какое-то время смутился, но тут же ответил:

– Я служу у нашего князя сотником в дружине.

Татарин вновь продолжительно, испытующе посмотрел на воина и спросил еще раз:

– В Сарае ты никогда раньше не бывал?

– Нет, не бывал.

Знатный воин, покачав головой, пробормотал:

– Вах, вах, как похож!

Затем, повернувшись к своему отряду, что-то крикнул по-татарски, развернул коня и не спеша поехал впереди каравана. Монгольские воины рассредоточились по обеим сторонам возков, сопровождая княжеское посольство.

От расспросов знатного монгола у Михаила в душу закралась тревога. Он стал задавать себе вопрос: «А вдруг его узнают? Хотя уж и времени прошло порядочно, как он отсюда сбежал. Все может быть. Нужно быть начеку», – решил для себя сотник.

Михаил сразу же в знатном воине узнал своего бывшего хозяина Бурунтая. Тот очень гордился своим рабом, который искусно изготовлял булатное оружие. Продавая его, он брал немалую цену золотом со

знатных воинов и ханов. И поэтому, наверно, до сих пор не может забыть своего оружейного мастера. Теперь Михаилу грозило новое рабство. Он решил рассказать об этом князю Александру.

Утро следующего дня выдалось хмурое, дул холодный ветер. Мелкие колючие снежинки впивались в лицо, поэтому из юрт никому не хотелось выходить.

В новое жилье князя татарские воины принесли хворост и стали разводить огонь. Слуги князя с удивлением наблюдали, как монголы разводили костер прямо посреди юрты. Они опасались, что задохнутся от дыма, но ничего подобного не случилось. Дым свободно поднимался вверх и выходил в круглое отверстие.

Монголы внесли вино, кумыс, просо, котлы с водой, чтобы варить мясо. Увидев это, Невский стал отказываться от принесенной пищи.

Один из татар ему ответил:

– Это великий хан велел вас одарить нашей пищей, и отказываться от нее нельзя.

Невский поморщился, но ничего не сказал.

Вскоре в юрте запахло вареным мясом и все почувствовали, как проголодались.

Переводчик Борислав и слуга князя Еремей вытащили мясо на большое блюдо, порезали на кусочки и посыпали солью. Затем установили походный стол. Анастасия застелила скатерть и расставила блюда. И вот уже в тарелках появились порезанное мясо, хлеб, сладости, а в кувшинах вино.

Когда все было готово, женщина пригласила проголодавшихся путников откусать.

Андрей и Александр сели рядом во главе стола, а кругом расположились ближние люди князей.

Князь Александр перекрестился на образа, взял ложку, попробовал кусок мяса и удовлетворенно молвил:

– А мясо-то вкусное!

– Мясо оно и есть мясо, – заметил Борислав.

– Говорят, они лошадей едят, – бросил ему в ответ князь Андрей.

– Едят, но это телятина, а не конина.

– Князь Андрей, брезгливо поморщившись, возразил:

– Нет, я все-таки не буду есть, а вдруг правда конина.

– Ты, что, заржать боишься? – с улыбкой подковырнул Александр.

Все за столом заулыбались. Андрей вспыхнул, встал и хотел выйти из-за стола.

Александр миролюбиво обратился к брату:

– Я же пошутил. Садись, ешь, а то у нас сегодня немало дел. Будешь голодным. Когда еще придется поесть. А мясо действительно вкусное, из свежей телятины. Теперь нам надо привыкать к их обычаям. Знай, мы здесь гости, а в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Так что, мой брат, учти это. А то, что нам принесли еду, это уже неплохо – значит, Батый радушно расположен к нашему посольству и желает встретиться. Будем теперь ждать, когда великий хан пригласит к себе.

* * *

С тех пор, когда Алан, ученый писарь, встречался с посланником ханши Туракины Наратом, который вручил ему яд, чтобы отравить князя Александра, прошло немало времени. Выполнять злую волю

сумасбродной женщины он не спешил, понимая, что прежде всего находится у русских, а до великой ханши надо проехать полмира. Кроме того, как мудрый человек, знал, что правители огромной империи постоянно меняются. Так оно и произошло: вскоре Туракина была отравлена своими соперниками и ее сменила другая ханша Огул-Гамиш, а от нее пока никаких указаний не было. К тому же Невский оставил его служить при своем дворе, ценил его знания и осведомленность происходящего в монголо-татарской империи. Часто с ним беседовал, узнавал о приближенных людях при дворе у Батыя и теперь уже об Огул-Гамиш. Он не подвергался унижению и насилию, ему ничего не угрожало, хотя при дворе у Батыя было жить и служить ох как непросто. Там нельзя было ручаться, что завтра ты будешь жив и здоров. Зато у русских ему было покойно и радостно, здесь его ценили и уважали.

Алан уже давно успокоился и решил для себя, что про него забыли, и теперь он освободился от этого коварного дела. Но новый виток его судьбы снова вернул его в прежнее состояние чувства опасности и неуверенности в себе.

Уже когда их посольство находилось на последней ямской станции, к нему подошел монгольский воин, в котором он узнал Нарата. Тот улыбнулся ему как старому знакомому и тихо заговорил:

– Великая ханша Огул-Гамиш помнит тебя, и в Орде ее сторонники с тобой встретятся.

От этих слов Алан побледнел и понял, что снова началась его беспокойная жизнь, но, взяв себя в руки, так же тихо спросил:

- Где эти люди и как их найти?
- Их искать не нужно, они сами тебя найдут, когда будет необходимо.

После этих слов они молча разошлись, делая вид, что не знают друг друга.

В это время Алан почувствовал чей-то пристальный взгляд и обернулся. Он увидел переводчика Борислава, который, по-видимому, наблюдал за ним, подумал: «Что-то уж часто я вижу, как он следит за мной. Или князь ему поручил это делать, будучи неуверенным в его преданности. Только мне от этого не легче. А может, случайно», – успокаивал себя Алан.

Смутное беспокойство овладело ученым лекарем, он понимал, что с возвращением в татарские владения для него наступают опять беспокойные времена, что теперь ханы не оставят его в покое, будут требовать исполнения всяких дел.

Прибыв с посольством князя в Орду, он ожидал появления посланника, который принесет весть предстать перед хозяевами, и действительно они не заставили его долго ждать. Уже на другой день в юрту, где жил Алан со слугами князя, явился татарский воин, привез кумыс, просо, мясо и вино, попросил ученого лекаря помочь все это внести в юрту.

Когда они вышли, он сообщил:

- Ты знаешь, где юрта Бурунтая?
- Знаю.
- Вечером, как только начнет темнеть, он ждет тебя.
- Ты не знаешь, зачем я ему нужен? – в тревоге спросил Алан.

– Мне велено только это передать, а зачем тебя он зовет, я не знаю, – и добавил: – Еще сказано, что пусть только не явится, – сломают хребет при первой же возможности.

От сказанного ученый писарь сник и, опустив голову, пошел в юрту. Тут же заметил, что у входа стоит Борислав и пристально наблюдает за ним.

Проходя мимо переводчика, Алан остановился и заговорил:

- Старого знакомого встретил. Интересовался, как я поживаю.
- А больше он у тебя ни о чем не спрашивал? – многозначительно свернул Борислав.

– А что он у меня должен спросить? – с деланным удивлением ответил Алан. Затем, потоптавшись на месте, обратился к своему собеседнику:

– Ты, Борислав, будто меня в измене подозреваешь. Мне татары такие же враги, как и вам, только я понял одно, чтобы выжить, я должен с ними ладить. Другого не дано. Мою родину, как и вашу, они захватили, растоптали на своих маленьких лошаденках, пожгли и разрушили многие города и селения, а я попал к ним в плен и стал рабом. Но мне просто повезло. Хан Батый отдал меня в услужение князю Ярославу. Я долгие годы прожил в Орде, неоднократно бывал в Каракоруме, Самарканде, Багдаде, выполняя различные поручения ханов. Мне поручено быть проводником сперва у великого князя Ярослава, а теперь и у его сына, великого полководца Александра.

- Нам татары не враги, мы с ними, наоборот, мира и дружбы ищем.

И почему ты решил, что я тебя в чем-то подозреваю? И о какой ты измене говоришь? Ты служишь хану Батю, а может, еще и ханше в Каракоруме. Мне до этого дела нет. Только не вреди, – ответил Борислав и отправился к князю Александру, а сам подумал: «Ишь ты каков! Недаром говорят: на воре и шапка горит. Поглядим, как дальше будет».

9

Начало смеркаться. Фиолетовая шаль ночи закрыла степь, постепенно обволакивая город Сарай. Из-за горизонта нехотя выползла круглая луна. Она сияла на темно-синем небосклоне, освещая все кругом холодным светом. Выпавший к вечеру пушистый снежок искрился, переливаясь алмазами в падающих редких снежинках. Юртовый городок затих, постепенно погружаясь в сон. Уже изредка лаяли собаки, примолкли голоса жителей города.

Алан, откинув полу своей юрты, выглянул наружу, взглянул на луну, поцокал языком, явно радуясь тому, что на улице светло. Затем вышел, приняхался. Пахло горьковатым дымом от кизяков, которыми татары поддерживали огонь в своих очагах.

Изредка между юртами проезжал отряд воинов, они несли службу, охраняя покой города, а потом долго был слышен в наступившей тишине стук копыт по мерзлой земле.

Алан укутался в полушубок, натянул меховую шапку почти на самые глаза и отправился к Бурунтаю.

У входа в жилище военачальника стояли два могучих воина со скрещенными пиками, и как только ученый писарь сделал шаг, чтобы войти, воины преградили ему путь.

Алан попятился и обратился к воинам:

– Скажите Бурунтаю, что пришел Алан.

Один из воинов вошел в юрту и тут же появился, пропуская гостя.

Ученый писарь несмело вошел в жилище, остановился у входа и огляделся. На помосте, застланном персидским ковром, сидели знатные монголы, пили кумыс, разговаривая о чем-то вполголоса. Бурунтай, завидев Алана, расплылся в улыбке, произнес:

– Вот и наш гость дорогой пришел. Потеснитесь, багатуры, пусть знатный и мудрейший писарь сядет с нами и выпьет свежего кумыса.

Присутствующие освободили место гостю. Тот уселся рядом с Бурунтаем и сразу же из его рук принял серебряную чашу с напитком. Стал пить, побрякивая от удовольствия. А когда выпил до дна, молвил:

– Давно уж я не пивал такого кумыса.

– А что ж ты пил у русских? – с издевкой спросил хозяин.

– А у русских я пивал квас и меды, тоже резкие и пьянящие и неплохо взбадривающие.

Все с интересом слушали разговор между гостем и хозяином.

– Там случайно тебя не женили на русской бабе? – хохотнув, спросил Бурунтай.

– Нет, не женили. Может, и женился бы, будь я помоложе, а сейчас мне это ни к чему. И потом я на одном месте долго не живу. Меня ханы посылают то туда, то сюда, а женщине нужен дом, дети, хозяйство. Так что о женитьбе я и не помышлял.

Сидящие за трапезой Нарат и Азат, улыбаясь, переглянулись, поедая жирную баранину. Они с аппетитом ели мясо, и жир тек по рукам, капая на яркие халаты.

– А теперь расскажи нам, Алан, как там поживают русские, готовятся ли к войне с нами?

– Да, да, расскажи нам обо всем про русских, – закивал головой присутствующий хан Мункэ, попивая маленькими глоточками кумыс и благодушно улыбаясь.

– Русским сейчас не до войны с нами, на них с запада налегают то литовцы, то немцы. Все хотят от новгородской земли отхватить хотя бы кусочек. Но князь им постоянно дает хороший отпор, – ответил Алан.

– Правду ли говорят, что Искандер искусный воин? Что ни одного поражения не потерпел от своих противников? – спросил Мункэ.

– Это верно говорят, что Александр не только хороший багатур, но и полководец. Он водит свою дружину в походы и зимой и летом, вместе с воинами делит еду и ночлег. Он не боится малым числом идти на врага и всегда побеждает, рассчитывая свои силы и умея разгадать планы врага, – приложив руку к сердцу и склонив голову в поклоне, пояснил гость.

Хитровато улыбаясь и испытующе вглядываясь в лицо Алана, с ехидцей спросил Бурунтай:

– Может, ты специально хвалишь нам русского князя, чтобы запугать нас по его наущению? Наверно, ты ему продался?

Ученый писарь обиженно поджал губы и, глядя в глаза собеседнику, заявил:

– Зачем меня обижаешь такими речами. Неужели долгой службой великому хану я заслужил недоверие.

Хозяин спокойно выслушал Алана и тут же спросил:

– А как зовут сотника у князя, и как он у него появился? Ты можешь мне сказать?

– Его зовут Михаил, и он появился у князя Александра, сбежав из Сарая, где был рабом.

– Мишка зовут! – радостно воскликнул Бурунтай. – Это же тот человек, который в кузнице ковал очень хорошее булатное оружие. Надо его немедленно вернуть.

– Как же ты его вернешь? Теперь невозможно. Он же первый человек у князя, да и воин он хороший, как его возьмешь.

Хозяин зачесал затылок, сощурился, так что они превратились в узкие щелки, но, видимо, никакой удачной мысли в это время ему не пришло, тогда он обратил свой взор на ученого писаря, спросил:

– Может, ты что-нибудь, Алан, придумашь?

Ученый писарь на некоторое время задумался, затем заявил:

– Есть у меня одна мыслишка, но ее надо хорошо обдумать.

– Что за мысль, давай говори! – в нетерпении торопил Бурунтай.

– У Михаила есть жена, и она тоже здесь и распоряжается хозяйством у князя. Он ей очень дорожит. Если бы ее как-нибудь заманить в ловушку, тогда мы могли бы заполучить и твоего Михаила.

– Как же ты ее заманишь? Это ведь не так просто, – засомневался Бурунтай.

– Я подумаю, как это сделать незаметно, чтобы хан Бату с нас потом шкуру не снял на сапоги для своих воинов.

Бурунтай, похлопав по спине ученого писаря, пообещал:

– Если ты сможешь мне вернуть моего раба, озолочу.

* * *

Хан Батый наконец-то пригласил Александра Невского для встречи, после полудня.

Русское посольство подвели к ханскому двору, который охраняли суровые крупного телосложения уланы. Кругом стояли красивые шатры из льняной ткани, а самый крупный и просторный из них принадлежал великому хану.

Когда Александр и Андрей в сопровождении переводчика Борислава, ученого писаря Алана и дружинников во главе с сотником Михаилом подошли к входу во двор, знатный татарин-привратник приблизился к ним и осведомился:

– Зачем пожаловал, князь Искандер, к великому и непобедимому хану Бату?

– Мы прибыли по приглашению великого хана, – ответил ученый писарь Алан.

– Какие дары вы приготовили великому хану? – спросил управляющий, жадно шаря узкими черными глазами по сундукам, которые несли дружинники.

Борислав перечислил список принесенных подарков хану Батыю.

Знатный монгол, прослушав список о подарках, удовлетворенно кивнул головой, давая согласие на проход русских к шатру хана, но предупредил:

– Знают ли русские, что им нужно пройти меж огней и бросить в него часть своих подарков и ни в коем случае не касаться за веревочный полог шатра, а, войдя в шатер к хану, нужно преклонить перед ним колени. В противном случае Бату-хан разгневется и не будет с вами разговаривать, даже может отдать всех вас собакам на съедение.

Князь Александр, специально учившийся у Алана татарскому языку, понимал речь управляющего. После услышанного у него в душе стало нарастать возмущение, он думал про себя: «С чего это он, новгородский князь, должен ползать на четвереньках перед ханом, идти меж огней и бросать в костер драгоценности, которые он сюда с таким трудом доставил. В душе поднималось все больше и больше недовольство и зло, кровь ударила в лицо, голубые глаза потемнели, желваки на скулах заходили ходуном. Князь повернулся к своим сопровождающим и грозно произнес:

– Если хоть один из вас пойдет меж огней и станет на карачки перед ханом, того отдам в рабство татарам, здесь вы настоитесь на коленях вдосталь!

У князя Андрея от страха округлились глаза, он прошептал на ухо брату:

– Ты что, братец, умом тронулся? Да они нас за такие дела тут же казнят! И такое уже с русскими князьями было не раз. Опомнись!

Александр Невский махнул рукой и двинулся к входу ханского шатра, минуя костры, сказав:

– Я православный, и мне не подобает справлять языческие обычаи.

Во дворе наступила гнетущая тишина. Все поняли, что русскому посольству наверняка грозит беда.

Управляющий прошмыгнул вперед Невского в шатер к хану.

Охраняющие вход уланы скрестили копья, не пропуская русское посольство.

По всему было видно, что русские обречены, их ждала немилость хана, а может быть, даже неминуемая смерть.

К немалому удивлению окружающих управляющий вышел из шатра и приказал уланам пропустить русское посольство.

В шатер вошли князь Александр и Андрей, Борислав и Алан.

Перед входом располагался стол, искусно отделанный резьбой, на котором стояли золотые, серебряные чаши и бурдюк с кумысом.

Хан небольшого роста, скуластый, с хитрыми, узкими, как щелки глазами, восседал на троне, отделанном золотом и слоновой костью. Трон стоял на возвышенном месте и создавал впечатление величия и власти. Рядом сидела любимая жена, а ниже на скамейках находились братья, сестра, сыновья, а иные приглашенные люди сидели на земле, причем мужчины находились на правой стороне, а женщины на левой.

В это время хану Батыю в золотой чаше подали кумыс, сразу же под гитару запели певцы, стоявшие неподалеку от трона. Он медленно под песнопение и музыку выпил кумыс, сладко сощурился и только после этого обратил свой взор на вошедших русских. Проницательно долго вглядывался в лицо Александра. Кругом стояла гнетущая тишина. Никто не знал, что произойдет. Или хан велит своих гостей наказать за дерзость, или милостиво их выслушает и примет подарки.

Александр и Андрей подошли поближе к трону, поклонились и преклонили колени. Александр смело, глядя в лицо хана, торжественно произнес:

– Мы проделали большой и трудный путь, чтобы встретиться с великим и непобедимым ханом Бату. Мы пришли с миром и привезли тебе и твоим женам подарки. – Александр подал знак, и дружинники внесли сундуки с подарками.

Лицо хана было непроницаемым. Глаза стали как две узенькие щелочки. Это говорило о том, что сейчас может произойти все что угодно. В шатре наступила гнетущая тишина. Андрей от напряжения побледнел, и по лицу покатались капельки пота.

– Ну наделал ты делов, князь Александр, – в тревоге прошептал Алан.

Наконец Бату поднял голову, пристально, пронизывающе всмотрелся в лицо Невского. В глазах его ходили огоньки, губы скривились наподобие улыбки. Князь не мог понять: или хан был в гневе, или простил его неповиновение, так как лицо его вновь стало непроницаемым. Хан Бату продолжал молчать, по-видимому, решая, как ему поступить в этом случае. Ведь их законы были незыблемы, и отступить от них он не мог. Видимо, у него не было желания чинить расправу над русским посольством. Но и такой смелый и дерзкий поступок его восхитил. Многие князья, знатные послы валялись у его ног, прося пощады, а этот был смел, и хан таких людей уважал, потому как сам был таким.

Хотя многие ждали от правителя Сарая гнева, а затем трагической развязки, но он спокойно произнес:

– Почему, Искандер, не выполнил наш обычай, не прошел меж костров для очищения и не бросил дорогие подарки духам в костер? Неужели ты не знаешь, что за нарушение наших обычаев мы казним даже своих людей, а чужих тем более.

– Можешь казнить меня, великий хан, но все это я сделал не по злему умыслу, не из желания нарушить ваши обычаи. Мы поклоняемся своему Богу и веруем в него, а духи – это ваша вера, и поклонение им нам греховно. А для того чтобы очиститься от скверны, мы творим молитву Господу, которая нас очищает от всего греховного. Мы молимся своему Господу каждый день. А то, что я не стал бросать дорогие подарки в костер, это только потому, что они предназначены тебе, великий хан, и твоим родственникам. Каждый подарок подбирался для того, чтобы угодить великому хану и его женам. Мы везли их долгим путем, охраняли, берегли и теперь желаем все это подарить тебе, великий хан.

Батый едва заметно улыбнулся и произнес:

– Это достойный ответ русского багатура и полководца. Я знал, ты неспроста так поступил, и поэтому велю дарить подарки.

В шатре сразу же спало напряжение, сопровождающие князя облегченно вздохнули.

* * *

За несоблюдение обычаев монголов и дерзкий поступок Невского хан Батый мог бы просто уничтожить русское посольство, но не сделал этого, потому что не хотел портить отношения, а может, даже воевать с русскими, тем более с северо-западными княжествами. У него на это время было совсем небольшое войско, и руководило им несколько преданных ему темников. Еще когда хан Гюк засобирался войной на его улус, он не на шутку забеспокоился и не был уверен, что может победить огромное войско молодого хана. Но благодаря его сторонникам эта опасность миновала.

Многие его советники в начале его завоеваний советовали ему уничтожать людей и их поселения, для того чтобы освободить место для свободного кочевья, чтобы разводить и выращивать скот. Но Батый не поддавался на эти уговоры и решил для себя сделать так, чтобы покоренные народы кормили его и его армию. Он как дальновидный и довольно хитрый политик просчитал, что гораздо выгоднее, если он будет с покоренных государств собирать дань. А чтобы все было гладко, ему нужны сторонники, которые бы пользовались у этих народов уважением и славой. Вот таким для него и был Невский. Батый намеревался привлечь на свою сторону князя Александра. Пусть не сразу, но он решил добиться своего. Для начала татарский хан велел пригласить к себе в шатер князей Александра и Андрея, чтобы поговорить с ними и прощупать их намерения. То, что они приехали к нему за ярлыками, для разрешения правления своими

княжествами, это было понятно. Но хану хотелось узнать, будут ли они ему помощниками или врагами.

В обед следующего дня хан принимал у себя русских князей. На помосте был застлан яркий персидский ковер, с разложенными подушечками по краям. Посреди ковра на серебряных и золотых подносах стояли сладости, вино и бурдюк с резким кумысом.

Батый был одет просто, в ярком полосатом халате, сидел, подобрав под себя ноги, пил кумыс, причмокивая от удовольствия.

Он с улыбкой пригласил гостей сесть с ним рядом. Князья никак не могли усесться так, как сидел хан, и в конце концов подобрали под себя ноги, страдая от неловкого положения.

Наблюдая, как усаживаются его гости, хан чуть заметно улыбался, затем произнес:

– Учитесь, князья, сидеть и говорить по-нашему. Я думаю, нам еще много раз придется встречаться за переговорами и выпить не одну чашку кумыса.

Гостям тут же подали в серебряных чашах кумыс. Князья переглянулись. Андрей брезгливо сморщился и хотел отказаться от напитка, но Александр, строго на него посмотрев, отпил несколько глотков. Кумыс был резкий и прохладный. Невский медленно выпил чашу и почувствовал, как тепло побежало по всему телу, стало легко и комфортно, несмотря на то, что в шатре царила роскошь, а дорогие украшения соседствовали с застойными кислыми запахами и неухоженностью и грязью. Александр по-татарски произнес:

– Великий хан, это великолепный напиток! Он радует и греет душу!

То, что князь заговорил с ним по-татарски, похвалил напиток, очень понравилось Бату. Он заулыбался, сказал:

– Теперь, после чаши кумыса, поговорим о вашем деле. Все русские князья приезжают ко мне за ярлыками для разрешения править в своих княжествах. Поэтому я знаю, что и вы тоже хотите получить такой ярлык. Если ваши земли были бы завоеваны мной, то я сам выдал бы вам ярлык здесь, но по договору с Каракорумом, великой ханшей Огул-Гамиш, за получением ярлыка вам придется ехать к ней. Она особо меня предупредила, послав ко мне гонца. Чтобы я вас послал к ней, – и, повернувшись к Невскому, улыбаясь, сообщил: – А с тобой, Искандер, особо хочет встретиться. Она любит таких багатуров, как ты, и ждет тебя с нетерпением. Езжайте к ханше и ничего не бойтесь. Вас не постигнет такая же участь, как вашего отца. С Огул у меня договоренность не вредить друг другу.

Пока хан говорил, Андрей выпил свою чашу с кумысом и размяк под действием напитка, перестал обращать внимание на запахи и неухоженность шатра.

Александр же, услышав о предстоящем новом путешествии, не на шутку забеспокоился, разочарованно произнес:

– Уж больно долог путь к вашей великой ханше.

Бату внимательно посмотрел своими узкими щелочками глаз на Александра, сурово сказал, поджав губы:

– Я не думал, что такой воин, как ты, Искандер, который привык водить свою дружину в походы на врагов, испугается длинного пути. – Затем на какое-то время задумался и мудро добавил: – Любая дорога когда-нибудь кончается.

Продолжение следует.

Игорь ХОМЕЧКО

Ну что же вы, ну дайте побыть Богом

Из окна пятого этажа кишиневского общежития на Дойне, куда я приезжаю уже не первый раз, открывался бы великолепный вид на центр Кишинева, если бы не надоедливые кроны старых ив, закрывавшие своей непроницаемой стеной листвы большую часть этого вида. И если днем, выходя на балкон, сей печальный факт еще не будоражит воображение, то вечерний Кишинев, приветливо манящий своими ласковыми разноцветными огнями, полускрытый за зарослями лиан этих ив выглядит совсем по-другому.

Я невольно размышлял все время пребывания, почему их не спят, то ли – из-за тенистой прохлады, немного смягчающей пылающий жар раскаленной крыши в летние дни, то ли – из почтения к их возрасту, наверняка не меньшему, чем возраст самого здания общежития, то ли – еще в силу какой-нибудь неведомой мне причины.

Факт остается фактом – эти почтенные ивы стали уже неотъемлемым элементом внешнего декора, и еще издали, когда я в очередной раз посещаю Дойну, они, как старинные закадычные друзья, узнавая меня, кивают своими роскошными гривами в знак приветствия. И я уже не могу удержаться от искушения провести рукой по их пышной шевелюре, погладить их с эдакой рассеянной нежностью, с которой гладишь по головке ребенка, с некой долей пиетета и учтивости, без которых не обходится общение с почтенными старушками, с какой-то просветленной мудростью доживающими свой век.

И вот однажды мне приснился прелюбопытный сон, когда я в очередной вечер, после обязательной вечерней сигареты на балконе, устроился наконец в своей койке и задремал. Во сне я видел те же манящие меня своим ласковым светом огни вечернего Кишинева. Я во сне передвигался по воздуху, почему-то ставшему плотным и почти осязаемым, как апостол Андрей по воде. Я шагал по этой ночной темноте, как по бульвару, неторопливым шагом прогуливающегося от нечего делать празднующегося зеваки. Но огни, как заколдованные, ничуть не приближались ко мне, оставаясь на прежнем расстоянии. Я в нетерпеливом раздражении ускорил шаг – и с прежним результатом. Казалось, огни двигаются в унисон со мной, словно играя в салочки. Уже в состоянии полного отчаяния я перешел на бег, помчался что есть силы, судорожно глотая воздух и сипя на все лады своими прокуренными легкими. И опять огни ни на йоту не приблизились ко мне, дразнясь и подмигивая, мол, «нас не догонишь».

И тогда я догадался посмотреть себе под ноги: оказалось, они плотно и невесомо обвиты лианами ив. Они, несмотря на неосязаемость и неуловимость этих объятий, крепко держали меня, ни в какую не желая отпускать от себя, а легкие порывы ветра в их шевелюре словно шептали: «Ну куда же ты, родной, зачем?»

Я с досадой начал выдираться из их объятий, говоря: «Ну что же вы, отпустите меня на волю, ну дайте мне хоть немножечко побыть Богом, слившись с этими распрекрасными огнями! Подите же вы прочь, приставучие, не мешайте мне!»

Но ивы, отрицательно покачивая кронами на ветру, отвечали невнятным бормотанием своих листочков: «Какой же ты дурачок еще! Ну куда ты рвешься? В какую свободу? Ты купился на роскошную обманку, словно на одно из искушений беса в пустыне Синайской. Не твое это, вовсе не нужное тебе и не важное, это – лишь твой каприз. Ну удовлетворишь ты его, насытишься и пресытишься, и что дальше? Что изменит для тебя исполнение твоего каприза? А мы – здесь, мы – рядом, мы заботимся о тебе, стараюсь оградить от тех глупостей, которые ты собираешься натворить. Научись ценить то, что имеешь, но не замечаешь, может, в этом твое простое человеческое счастье, которое ты столько лет ищешь, но никак не находишь?»

Всю ночь они уговаривали меня, никак не желая отпускать. А наутро я уже совершенно другими глазами посмотрел на стыдливо опущенные вниз гривы ив, словно извиняющиеся за столь жаркое и откровенное ночное свое поведение. Спасибо вам, родные!

Куда приводят мечты

Олег уютно и вольготно развалился на своем велюровом сидении новенькой сверкающей «Хонды». Серую, в черных крапинках змею дороги, казалось, слишком медленно глотали ее колеса.

Олег с досадой вздохнул и переключился на четвертую, но эта злая бесконечная змея так и не уско-

рила свой бег. Он торопился сегодня: в семь утра, когда он еще досматривал последний сумбурный сон, утробным ревом гимна давно канувшей в прошлое страны, таким неуместным в это хмурое заспанное утро заревел лежащий рядом мобильник. И нежно-воркующий голос Той Одной, – еще один резкий контраст после тяжеловато-торжественного трубного рыка, – мигом согнал с него остатки сна. В трубке раздалось короткое: «Приезжай, милый, ты мне так нужен», но именно этих слов Олег ждал все последние десять лет, ждал безнадежно и отчаянно, давным-давно уже утратив всякую веру в то, что они когда-нибудь будут произнесены вообще.

Олег бережно положил мобильник, обычно всегда ненавистный ему, но ставший вдруг таким нужным и прекрасным. Он вскочил с холодной одинокой постели и рывком накинул на нее покрывало с каким-то молниеносно нахлынувшим ожесточением, подобно тому, как американская военщина накидывает черные мешки на головы своих жертв, и лихорадочно засобирался в дорогу.

И вот теперь – эта бесконечная анаконда дороги, ничуть не сдувающаяся под шинами, извивающаяся бесчисленными изгибами, неминуемо грозя задушить любого несчастного в своих равнодушных ледяных объятьях.

Но, впрочем, Олег не замечал всего этого, его мысли, со сверхсветовой скоростью мигом опередив несовершенный симбиоз человеческого тела и железной машины, уже находились рядом с Ней, мгновенно телепортируясь сквозь добрые сотни безликих километров.

Как Она тогда танцевала вальс в роскошном сиреневом платье, ниспадающем фалдами до самой земли, и Ее нежные ножки стремительно, словно ласточки в свободном полете, едва касались пола, Олег мечтательно улыбнулся и даже зажмурил глаза, – вся похожая на скромную институтку Смольного, с каким благородным достоинством Она несла свою нежную головку, с каким изяществом делала реверанс... Олег тогда сразу понял, что пропал, ненароком заглянув в коричневую бездну Ее глаз, навсегда потонув в них, захлебнувшись этой манящей бездной.

Он привычным движением нащупал кнопку магнитолы, включив ставшую любимой мелодию «Tombe la neige» Сальватора Адамо, под тоскующие из открытого окна местного клуба звуки которой они единственный раз, обнявшись, гуляли по набережной, и Ее каряя бездна ритмично вспыхивала таинственными искорками, в которых так трогательно перемешивались огни дискотеки с огнями реки и набережной. Он тогда держал Ее за талию и что-то шептал Ей на ушко сквозь вьющийся завиток ниспадающего локона, а в Ее веселом заливистом смехе слышался благовест дивно-чистых колокольчиков. Казалось, этот волшебный вечер никогда не кончится, будет длиться вечность, чаруя и волнуя своей прелестью.

Эх, как случилось так, что этот тоскующе-таинственный вечер стал последним в их истории! Потом были бесконечные бессонные ночи, бесчисленные письма Ей, мириады неотвеченных звонков. Все бесполезно: Она канула в бездну, которой сама же и манила, казалось, навсегда. Ее портреты со временем стали частью интерьера его жилища, слившись с остальным декором, и все реже Олег заглядывал в эту манящую бездну в своих коротких бессвязных и обрывочных снах, в которые он проваливался, точно в черную дыру, каждый раз умирая очередной ночью и вновь воскрешаясь утром, как любил шутить он про себя. И вот теперь – звонок из далекого прошлого, казавшийся звонком из вчера, как будто и не было этих бесконечных десяти лет одиночества, словно они приснились Олегу в кошмарном сне. Сейчас, уже совсем скоро он крепко сожмет Ее в своих объятьях и наконец скажет Ей то, что миллионы раз говорил про себя все эти годы! Так вперед же, японский ты доходяга, вперед!

Но змеи очень не любят, когда ими пренебрегают, анаконда внезапно немислимо извилнулась, скинув с себя надоедливую, деловито урчащую машину, которая, будто самолет, идущий на взлет, которому не хватило тяги, протаранила бордюр ограждения и опрометью полетела под откос, переворачиваясь, как мяч для американской игры регби. Ее сверкающие некогда части давились и плющились, словно повинуясь какому-то гротескно-вычурному замыслу новомодного архитектора.

И когда это чудовищное сплетение переломанных человеческих костей вперемешку с окрасившимися в красно-дымный оттенок, ставшими причудливо-ажурными железными конструкциями, наконец, остановилось на дне оврага, в нем уже не было ни капельки Любви, – того, что двигало ими. Только вечный покой и застывшее в гримасе равнодушие окутывало их, медленно выстуживая и высасывая остатки жизни.

А Та, которая спросонья набрала не тот номер, сладко зевнула, потянулась, перевернулась на другой бок и продолжила свой прекрасный сон.

Почему деревья растут корнями вверх

Всем нам в детстве приходилось наблюдать пугающий и одновременно притягивающий своей таинственной бездной провал колодца, из которого даже в самое жаркое лето тянуло манящей свежестью и прохладой. Ребенком я опасливо опирался на сруб колодца и, от детского ужаса зажмурив глаза, вдыхал этот запах и, одним глазком заглянув в бездну, грохочущую от брошенного мной туда камушка, тотчас же отпрыгивал от нее обратно, в наш мир, обыденный и совсем не страшный.

Детское воображение рисовало мне тоскующих духов, томящихся на дне этой бездны, то – добрых и грустных из-за невозможности выбраться на волю, похожих на брошенных собак, то – бешеных и ужасно злых, специально забравшихся туда в ожидании своей жертвы. И не дай Бог попасть к ним в лапы – эти вечно голодные бесенята алчно и торопливо набросятся на тебя со всех сторон, мигом высосав всю жизнь и душу до последней капельки.

Осторожно я крутил ворот, вытягивая наверх ведро с долгожданной влагой: цепь с таким лязгом и грохотом, многократно усиливающимися в замкнутом пространстве пустых стенок колодца, наматывалась на барабан, что казалось – сами эти бесенята отчаянно пытаются выбраться по ней наружу, лязгая прожорливыми острозаточенными зубами, срываясь и падая обратно в бездну.

Прошли годы, и вот я однажды встретил твои бездонные карие глаза-колодцы и, позабыв все детские страхи и предубеждения, тотчас провалился в их ласковую бездну. Оказалось, здесь, на дне этой таинственной бездны, все совсем иначе, чем представлялось раньше.

Во-первых, хоть бездна и поглотила меня, я слился с ней, растворившись в ней без остатка, как шипучая таблетка аспирина УПСА, брошенная в воду, я научился дышать бездной, став ее частью. Я не только не умер: у меня появилось некое подобие жабр, как у рыб, и теперь, будучи исторгнут из этой бездны в обычный мир, где мои новые жабры окажутся бесполезны, я мучительно задохнусь от удушья, как рыба, выброшенная на берег, довольно долго еще корчится и извивается в тяжелой агонии удушья.

Во-вторых, очень оригинально представляется мир, который перевернулся с ног на голову. Это ничего, что обзор из глубины бездны ограничен, зато изумительный мир, открывающийся из этого окошка, с лихвой компенсирует это маленькое неудобство. Весьма интересно выглядит прозрачная земля небесно-голубого цвета, освещенная ритмичными и циклическими выбросами лавы вулкана, продолжающимися весь тот период, что обычные смертные зовут днем. Облака-травы на ней в иные моменты бывают более яркими и разноцветными, чем в обычном мире. Ну а когда приходит ночь, на плодородном черноземе земли, как по мановению волшебной палочки, внезапно расцветают мириады светлячков, рассаженных по строго определенному кем-то плану, как овощи на грядке.

И кажется, все прекрасно и правильно в этом новом безмятежном мире. Вот только одного не могу понять: почему деревья в нем растут корнями вверх?

Старик

Старик который уже год молил о смерти, но она все не приходила к нему, точно панически боялась его бескровных уст, произвольно подрагивающих, периодически обнажающих искалеченные беспощадным временем беззубые десны.

Мир, некогда необъятно-просторный и бескрайний, сузился для него до удушающе-тесных размеров крохотной комнатенки, от такого же старенького, как и он сам, скрипучего диванчика с основательно поистертой до прорех обивкой неопределенно серого цвета до жесткого и весьма неудобного инвалидного кресла, в которое он каждое утро старательно переваливал свое щедрое тело, чтобы мирно продремать в нем до сумерек. Старик уже и сам не мог разобраться, чем эта затхлая комнатенка с вечным полумраком из-за тщательно задернутых штор (яркий свет солнца немедленно вызывал у него дикую головную боль) отличается от того последнего пристанища, которое он обретет в будущем. Да он и дремал-то, в общем, только для того, чтобы ненужные ему надоедливые мысли, подобно писклявому комариному визгу, не роились в его голове.

– Ну вот, опять приперлась, да не сдох еще, – привычно проворчал он свою дежурную фразу, которой старик по обыкновению встречал свою соседку – дворничиху Викентьевну, регулярно забегавшую к нему, чтобы принести продуктов, сам-то он уже и забыл, когда в последний раз переступал порог своей комнатенки.

– Я тоже рада тебя видеть, – в ответ так же дежурно отвечала ему Викентьевна. – Я вот тебе пожрать принесла.

Старик обидчиво поджал губы и брезгливо замолчал. И неизвестно, кого он в этот момент ненавидел больше – эту вечно поддатую грубоватую дворничиху, которую он всегда терпеть не мог, или свою собственную немощь, поневоле заставлявшую его прибегать к услугам Викентьевны. Этот ритуал взаимного обмена «любезностями» у них повторялся каждый день. Викентьевна знала, что больше до конца своего визита от старика слова не добьешься, поэтому, погромыхав пакетами и кастрюлями и для порядку поворчав вполголоса себе под нос, она молча удалилась, осторожно прикрыв за собой дверь.

Старик с облегчением перевел дух и впал в свою привычную полудрему. Это сонное оцепенение приносило долгожданное забвение – то, к чему он стремился весь остаток жизни. Ему почти удалось благополучно забыть практически все, он уж не помнил, как его зовут, почти не вспоминал свою занудную, надоедливую работу, которой он в своей далекой молодости отдавался с таким энтузиазмом и упоением и которую физически возненавидел под старость.

Лишь одно воспоминание ему забыть никак не удавалось, как он ни пытался: магически притягивающий к себе взгляд чьих-то бездонных карих глаз, укоризненный и зовущий за собой. Старик уже давно забыл ее имя, не помнил даже год, когда она встретилась на его пути, как, впрочем, не знал, какой год за окном сейчас. Для него время остановилось и застыло, словно закапсулировавшись вместе с ним в этой сонной комнате. Даже ее портреты и те пылились в дальнем углу в нижнем ящике старого комода, соседствуя с целой кучей многочисленного хлама некогда дорогих и памятных, а теперь – таких бесполезных и ненужных вещей: давно не пишущих уже авторучек, огрызков карандашей, старых запонок, основательно потертых портмоне, календарей, каких-то старых рукописей без начала и конца с беспорядочно перемешанными страницами, поздравительных открыток и писем. Он прекрасно знал, что как только умрет, все это барахло выбросят на ближайшую помойку, даже не разбирая его. Да, впрочем, если бы он только мог встать на ноги, отряхнувшись от своего паралича, он бы и сам все это выбросил, настолько оно для него стало чужим и угнетающе-унылым.

Вот и сейчас, едва он отряхнулся от сонной дремы, взгляд этих глаз вновь возник в виде отчетливого воспоминания. Старик вздохнул, досадливо поморщился и поспешил отогнать его другим привычным способом – даваясь и откашливаясь, стал доедать остатки манной каши, что сварила ему Викентьевна. Да только сегодня видение все не проходило, и он все с большим ожесточением запихивал это варево, заедая его хлебом.

С недовольным ворчанием покончив с этим занятием, он опять было погрузился в свою полудрему, но, как-то странно икнув, вытянулся и затих в своем кресле.

– Вот ведь оно как, отмучился, болезный, – привычно перекрестилась Викентьевна, зайдя к нему на следующее утро.

Вид старика поразил ее: он как-то странно помолодел на добрый десяток лет, морщины несколько разгладились, а на губах, самое удивительное, впервые за последние четверть века застыла какая-то растерянная и умиротворенная улыбка, словно он перед самой смертью наконец избавился от того, что так угнетало и мучило его.

Таран

Таран из последних сил медленно рысил по лесу, до крови царапая бока буйными зарослями враждебной и негостеприимной растительности.

Весь мир вокруг перевернулся: еще вчера ему казалось все навеки прочным и стабильным, незыблемым до самой смерти, наподобие огромного валуна на окраине деревни, что он частенько огибал, степенно волоча за собой казавшуюся неподъемной огромную телегу с навозом. А теперь такой до боли привычный и родной ему мир внезапно исчез, и Таран затравленно косил по сторонам в поисках человека.

Был Таран тридцатидвухлетним мерином и за свою долгую и неспешную лошадиную жизнь повидал многое. Еще жеребенком он при прыжке зацепился об изгородь и на полном ходу протаранил ее, сломав ноги, отчего и получил свою кличку. Ноги криво срослись, и ему всегда доставалась самая черная и неблагодарная работа. Большую часть жизни он провозил навоз, но не обижался, справедливо считая, что ему еще повезло и он вытянул тот единственный счастливый билет, обеспечивший ему рай земной. Жил он по принципу «тише едешь – дальше будешь» и потому важно и степенно вышагивал со своей повозкой, несмотря на безжалостные удары плетью вечно пьяного одноногого старика Степаныча, безбожно матерящегося на ленивый шаг Тарана.

Другие лошади резвились, мечтали о воле, но Таран лишь презрительно фыркал и отворачивал морду, завидев их. Он полагал, что мудрее и опытнее других, научившись ценить тихие радости жизни

– ласковые лучи весеннего солнышка, так приятно согревающие свалывшуюся холку, пригоршню овса в вечно отдающем помоями ветхом ведре, возможность неподвижно стоять часами, подремывая и меланхолично размышляя о жизни, лишь изредка лениво помахивая хвостом, разгоняя вконец обнаглевших оводов, привлеченных запахом навоза. И даже злодей Степаныч казался ему органичной и даже незаменимой частью его лошадиной жизни. Он понимал, старик, потеряв ногу еще на фронте и так не заведя семью, так же одинок, как и сам Таран, и великодушно прощал ему слабости – матерщину, побои, даже резкие и очень неприятные для Тарана, намертво въевшиеся в Степаныча запахи буречанки и самосада.

Он уж и не помнил, когда бегал в табуне. Даже жил Таран в хлеву у Степаныча, отдельно от колхозной конюшни, чему был безмерно рад, ибо давно сторонился других лошадей. Только вот тогда он не знал, что этот рай для него обернется трагедией.

Степаныч жил на окраине деревни в ветхой, покосившейся избе с полусгнившими и почерневшими бревнами, украшенной потрескавшимися стеклами, небрежно заклеенными скотчем. По своему обыкновению он каждый вечер надирался вдрибодан, часто не допозая до своей постели, падая в первый попавшийся угол избы, чтобы забыться мертвецким сном до рассвета. Степаныч даже не запирали ни калитку, ни двери: в деревне все знали, что брать у старика нечего, кроме его протеза. Он так ничего и не нажил за свою беспросветную жизнь, да, впрочем, никогда и не стремился к этому.

Когда Таран в ту злосчастную растреклятую ночь увидел прокравшегося в хлев заросшего и изможденного неизвестного в полосатой одежде, протянувшего ему горбушку, посыпанную солью, он даже и не предполагал, что прежняя жизнь стремительно разрушится, точно прорванная мощным потоком разбушевавшейся воды плотина. И тем не менее Таран заржал, хотя и знал, что этим все равно не сможет разбудить Степаныча.

Незнакомец вывел Тарана из стойла, что-то ласково и успокаивающе шепча ему и при этом весь дрожа, то ли от холода, то ли от болезни. Таран даже на миг пожалел незнакомца, в чем сейчас горько раскаивался. Они вышли за околицу, и незнакомец без седла взгромоздился на Тарана, цепко ухватившись за холку, ногами крепко сдавив ему бока, всем своим телом прижимаясь к мерину. Таран попытался стряхнуть с себя седока, но не тут-то было – незнакомец сидел на нем, как влитой, и мерину ничего не оставалось, как подчиниться железной воле этого с виду тщедушного и щуплого человека. Но бегать галопом Таран давно уже разучился, поэтому послушно поплелся в ночь своим обычным неспешным и размеренным шагом.

Так они волочились всю ночь и раннее утро. Что было потом, Таран помнил плохо. То утро представлялось ему хаотичным нагромождением ярких и пугающих образов: чьи-то резкие крики, странные, бьющие по ушам звуки, похожие на хлопки мухобойки, которой Степаныч изо всех сил гвоздил жирных и сонных мух, как-то вмиг огрузневшее тело его седока, что-то липкое, пролившееся на спину мерина. Вдруг позади Тарана с леденящим грохотом вздыбилась земля, он свечой взмыл вверх, незнакомец свалился с него, а мерин в неопишемом ужасе помчался, не разбирая дороги. Так быстро Таран, наверно, не бегал ни разу в жизни. Будто огонь разлился по его дряблым мышцам, пена клочьями слетала с его морды, а он все неся и неся вперед, подальше от этого чудовищного места.

Когда ноги его подкосились от усталости, он вдруг понял, что заблудился. Таран за всю свою жизнь не отходил от села настолько, чтобы его не было видно. А тут мало того, что он не мог вспомнить свой путь, так еще и оказался в глухой чаще леса, потеряв всякую дорогу к любому человеческому жилью.

Таран запаниковал, начал шарахаться из стороны в сторону, до крови обдирая себе шкуру, пока снова не свалился без сил. И тут он понял, что всю свою жизнь предчувствовал это. Вот она, столь желанная для других и столь пугающая для него свобода! Вот только он никогда не мечтал о ней, она не нужна ему, Тарану очень плохо с этой свободой! Не зря он всю свою жизнь осуждал стремление к ней! Все, чего он сейчас так страстно и неистово желает, так это оказаться в привычном и уютном стойле, среди родных стен. И нет ему на свете человека роднее и ближе, чем Степаныч. Только бы добраться туда, а уж там он готов постоянно носить побои, он даже желает их, но только бы домой! Он ведь просто пропадет без хозяина, даром, что старик без царя в голове, но без него невозможно. И он во что бы то ни стало обязательно должен добраться туда, пусть даже если этот путь будет стоить ему жизни.

Таран поднялся на ноги, отряхнулся и целеустремленно побрел сквозь дебри. Домой! К хозяину!

Когда я вернусь...

Я миллионы раз представляю себе этот сладостный миг возвращения. Как я вступлю на русскую землю, как упаду на колени, перекрестившись, рухну навзничь, неистово прильнув к такой родной и драго-

ценной стерне, крепко, до боли прижмусь к ней каждой клеточкой своего изможденного разлукой тела, широко раскидывая руки, стараясь объять ее всю, милую, долгожданную. Как я с разбегу, по-медвежьей разлаписто обхватываю всю в белом, как невеста, березку, судорожно стиснув ее в своих объятьях. Как долго я буду молча стоять перед первой же русской церквушкой, вбирая в себя расплавленное приветливым солнцем золото ее куполов, и радостное, спокойное блаженство будет переполнять мою душу. Как всего меня с головой захватит это светлое чувство узнавания давно забытого, спрятанного в самые потаенные уголки подсознания, дремлющее годами в ожидании этого часа.

Вот я дома. Как волна, сильнейшим штормом выброшенная на берег, схлынув с прибрежного песка, стремглав мчится обратно, домой, в пучину морскую, успокоенно растворяясь в ней без остатка, так и я, неудержимо влекомый заложенным сотнями поколений предков голосом крови, покорно повинуюсь ему, целиком погружаясь в небесную синеву, так уютно и празднично разукрасившую разноцветный сарафан русского леса, придавая ему поистине феерический колорит. Невдалеке спокойно и размеренно, как могучий былинный богатырь, сознающий свою силу и мощь, умиряющий себя, чтоб ненароком не причинить зла окружающим, несет свои обильные воды Волга-матушка. Чистый воздух, наполненный пряным ароматом трав, вобравших в себя ласковость русского солнца, легонько кружит голову, словно дорогое шампанское. Эта ласка, щедро разлитая повсюду, эта доброжелательность и приветливость каждой веточки, каждой травинки, все это – для меня, блудного сына, вернувшегося домой после долгих лет разлуки.

Я бреду по тропинке, неся лукошко, доверху наполненное отборными белыми грибами, счастливый, умиротворенный, растроганный, и на душе так светло и радостно, что хочется шагать вот так еще как можно дольше, раствориться в окружающей меня красоте и гармонии полностью, насовсем, без возврата. Но город уже издали радостно приветствует меня разлившимся по золотым куполам многочисленных церквей солнечным светом: ему не терпится принять меня в свои объятья, пригласить своим расписным совершенством, убаюкать мой слух певучим русским говором, столь милым и дорогим после жуткого акцента чужбины.

Он меня признал, родной! И потому так трогательно, по-отечески встречает меня, при полном параде, во всей своей красоте, стыдливо спрятав от моего взора весь хлам, не соответствующий празднику возвращения.

Впервые за долгие годы мое сердце бьется в унисон с ритмами леса, реки, города, мы связаны какой-то прочной, неразрывной нитью в одно целое. Я – неделимая часть всего этого, так же, как капля – лишь частица моря. Я растворился в этом. Я – свой. Я – дома. И я понимаю, что все долгие годы чужбины я был как рыба, выброшенная на берег, судорожно задыхаясь в агонии, стремясь назад, в море. И только теперь начинается моя жизнь после долгих лет комы...

Не знаю, когда это будет. Но я твердо знаю, что этот день обязательно наступит!

Никита НИКОЛАЕНКО

Родился в 1960 году. Окончил МИСИ, аспирантуру МИСИ, кандидат технических наук. Переводчик с венгерского языка. Публиковался в журналах «Южная звезда», «Сибирские огни», «Нива». Член МГО СП России. Живет в Москве.

Возвращение в прошлое

Рассказ

Давно я не был в своем спортзале. Прошло почти три года, как не по своей воле, а в силу обстоятельств, я бросил регулярные тренировки. Наслушавшись за последнее время восхваления всякого рода жулья в средствах массовой информации, да и сталкиваясь с нечистоплотными дельцами в обыденной жизни, мне захотелось стряхнуть с себя это впечатление. Я ведь прекрасно понимал, что не на них держится мир. Поэтому мне захотелось пообщаться с людьми, которых я уважал, ценил за их человеческие качества, за мастерство, а отнюдь не за умение набивать карманы. Там, в спортзале, таким человеком был мой тренер.

Заниматься боксом я начал поздно, в девятнадцать лет, зато продолжал, без перерыва, до недавнего времени. Несмотря на свои сорок пять, я еще усиленно тренировался и, хотя в парах уже почти не стоял, но нагрузки выдерживал большие, отрабатывая удары на лапах, которые держал тренер.

Идя к нему, я вспоминал о том, как попал в эту спортшколу. Рядом со мной один за другим разломали два зала, где я когда-то занимался. Один из них переделали в сауну, благо, там работала хорошая баня, а в другом открыли магазин по продаже велосипедов. Из залов, расположенных рядом, остался только этот. Сначала я ходил к другому, старшему тренеру, Ерохину. Ерошка – как мы звали его между собой, помогал мне отрабатывать удары – в те годы я мог себе позволить индивидуальные тренировки. Но скоро ему стало тяжело держать мои удары, и он рекомендовал меня своему помощнику. Надо сказать, мне сильно повезло. Его помощник был опытный тренер, а главное – очень сильный боец в прошлом – призер Мюнхенской Олимпиады во втором среднем весе, многократный чемпион Союза и Спартакиады, мастер спорта международного класса, Анатолий Хохлов. Сейчас ему пятьдесят четыре года, но это был еще крепкий, подтянутый мужчина, весом под девяносто килограммов.

Конечно, пришел я к нему не новичком. Первым моим тренером был Виктор Чувилкин. Когда он показывал упражнения и подносил свой кулак к моей перчатке, то казалось, что это не кулак, а свинцовая гиря дотрагивается до меня. За десять лет непрерывных тренировок Чувилкин выработал во мне технику, которую потом шлифовал Хохлов. Вообще, за годы тренировок я сменил много тренеров и залов. Одно время тренировался и в Торпедо, за команду которого выступал когда-то Хохлов. Поскольку разница в возрасте у нас была небольшая – всего-то восемь лет, то многих ребят из сборной мы знали, обсуждали, кто сейчас, где, чем занимается, и это, безусловно, способствовало установлению доверительных отношений. Сказать проще – мы приятельствовали.

Из тех ребят, с которыми я когда-то тренировался, один стал полковником милиции и уже ушел в отставку, другой – бизнесменом, а вернее, бандитом, и иногда приезжал на дорогом джипе, третий – тяжеловес, став директором спортзала, ввязался в какие-то разборки и был застрелен в середине девяностых. Тогда это был громкий случай в Москве.

«Только, ты же понимаешь, дядя Толя, – просил я тренера, – обучение должно быть специфическое. Во-первых, в возрасте я уже, а во-вторых, ты же не для ринга меня будешь готовить, мне баллы набирать ни к чему. Я должен быть готов для улицы – один-два удара, но так, чтобы наверняка! – мой вес под восемьдесят килограммов позволял рассчитывать на один удар. Времени может быть всего чуть, – говорил

я Хохлову свои пожелания, – особенно если несколько противников. И еще, не обучай ударам по корпусу – под одеждой может быть пистолет или бутылка за пазухой, только руку разобью! Удары должны быть только в голову, и только на поражение».

Он молча выслушал, но все-таки по одному удару в корпус, и слева и справа, заставил меня потом отработать из положения с опущенными руками, не принимая боевой стойки. Из этого же положения пару ударов в голову тоже, с броском вперед. Хорошие были упражнения, опасные для соперника своей неожиданностью. Мастер он был великолепный!

«Но главное, что от тебя требуется, дядя Толя, – попросил я тренера, – воспитай из меня умельца не только наносить удары, а сделай бойцом по духу, таким, каким когда-то ты был сам!» Хохлов молча кивнул в ответ – конечно, это было самое главное!

Тренировал он меня непрерывно три года, натаскивал так, что старые бойцы, заходившие в спортзал, одобрительно кивали головой. «Ну и лупишь же ты!» – говорили они мне в парилке после тренировки. Я хорошо набил кулаки и работал по лапам в маленьких снаряжных перчатках, а мог бы и голыми кулаками.

Конечно, я был неплохо подготовлен – многие годы тренировок, сотни спаррингов с сильными партнерами, хотя тренировался я в основном для себя и выступать на соревнованиях не рвался, но опыт приобрел большой. Однако у меня всегда не хватало точности ударов, умения подгадать тот момент, когда его нужно нанести. Мастер и отличается от неподготовленного человека тем, что помимо физической подготовки владеет этими приемами. Вот это умение он и передал мне. «Никакой силы, – учил тренер, – силы у тебя достаточно, только скорость и точность, а попадешь...» – и он делал характерный жест рукой.

Посещение спортзала произвело на меня удручающее впечатление. Как уже упоминал, минуло почти три года с того момента, как я переступал порог зала в последний раз. При подходе к зданию, где была спортшкола, никаких изменений я не заметил, у входа так же стояли два дюжих охранника. Я ожидал увидеть знакомые лица, но этих ребят я не знал.

– Здравствуйте, мне на тренировку, – объяснил я.

– Проходите! – кивнули охранники.

Я направился в то крыло здания, где располагался зал, и, подойдя, остановился перед закрытой дверью. Как и раньше, дверь была увешана теми же самыми поздравительными листками, напечатанными на цветном принтере, что и три года назад, те же фамилии были в победителях, ничего нового не добавилось. Это немного озадачило меня, – неужели за все это время не было победителей на крупных турнирах, на чемпионатах Москвы, в честь которых можно было бы вывесить поздравления? Медленно открыв дверь, вошел внутрь. Я ожидал увидеть, как и раньше, битком набитый зал, человек сорок тренирующихся, шум, непрерывный гул, четкие команды тренера, свистки, отмеряющие время. Против моего ожидания в зале было всего человек восемь, стоя посередине, они монотонно отработывали упражнения. Уклон – удар, уклон – удар. Делали они это как-то вяло, без задора. На гимнастической скамейке, у стены, сидели тренер и его молодой помощник – старший сын, многократный чемпион Москвы в среднем весе, крепкий парень двадцати пяти лет. И отец и сын внимательно наблюдали за спортсменами.

В небольшой нише при входе располагались несколько старых кресел, в одном из которых сидел молодой парень, наблюдающий за тренировкой, и я сел рядом с ним. До того как подойти к тренеру, мне хотелось спокойно осмотреть зал, в котором я тренировался столько лет, понаблюдать за тренировкой, оценить уровень подготовки спортсменов, понять, смогу ли я сейчас работать с ними на равных. Но посмотреть на тренировку я не успел, Хохлов повернулся ко мне, разглядывая – кто это там пришел? Узнав, он широко улыбнулся, встал и направился ко мне. Я тоже поднялся, мы обменялись крепким рукопожатием и молча, крепко обнялись.

– Ну, проходи, проходи! – предложил Хохлов, приглашая в тренерскую – небольшую комнату при входе в зал. – В баньку попариться пойдешь?

– Да нет, я так, проведать тебя пришел, посмотреть, как тут у вас, узнать, что нового. Париться сегодня не пойду, спасибо, – ответил я.

Мы зашли в комнату, сели за стол, у стены. Над столом висело несколько фотографий тренирующихся спортсменов, на одной из которых, со стороны спины, в красных трусах, был изображен я. Улыбнувшись, – не сняли еще! – показал на фотографию. Он вопросительно смотрел на меня, почему так долго пропадаю, не приходил на тренировки, не давал о себе знать, чем занимался все это время?

– На момент, когда прекратил тренироваться, я был директором небольшой фирмы. В то время я сцепился с одним толстосумом, и против меня было возбуждено уголовное дело, от которого я с трудом

отбился с помощью хорошего адвоката.

От тюрьмы ушел я тогда, бывший прокурор помог, – рассказывал я внимательно слушавшему меня тренеру, – но никаких особых успехов за это время не добился. За границу уезжал, хотел там остаться, убежище попросить, да не решился, вернулся, пока вернулся. Сейчас зарабатываю на жизнь переводами и учеников веду, за это время хорошо освоил тот редкий язык, который учил. Ты помнишь, я рассказывал тебе об этом раньше? – Он кивнул в ответ. – И еще писать начал, публикую свои произведения в Интернете, да пара электронных журналов стала печатать меня. Тебя, кстати, тоже упомянул в своем романе.

– Подожди, подожди, дай запишу, как называется, – и Хохлов старческим движением принялся искать очки и, найдя, записал название романа на клочке бумаги.

Рассказывая о себе, я внимательно наблюдал за тренером. «Постарел дядька, постарел, осунулся как-то!» – отметил я про себя. И без того некоторая боксерская сутулость Хохлова с годами стала еще заметнее, его короткая стрижка не скрывала седины.

– По тренировкам скучаю очень, – продолжал я, – но стараюсь поддерживать форму – в последний год стал регулярно делать гимнастику по утрам, двигаюсь много, гуляю.

– Да ты приходи на тренировки, разминаться с ребятами будешь, в баскетбол поиграете! – воскликнул тренер и добавил, похвалив меня: – Внешне ты совсем не изменился, так же подтянут, спортивен.

– Да нет, спасибо, – ответил я, – двигаюсь и так много, а на индивидуальные тренировки сейчас возможности нет, если появится, так приду сразу, без напоминаний, не ты, так сын твой тренировать меня будет. – Парень и раньше иногда подменял Хохлова, когда тот был занят. –

Ты-то как? – перевел я тему. – Я боялся, что ты сдал, постарел, а ты все такой же молодец!

Хохлов, скромно улыбнувшись, развел руки в сторону и, немного сжав кулаки, посмотрел на них. Я тоже посмотрел на его руки – перебитые, многократно травмированные кулаки боксера, похожие на узловатые корни – бойцом он оставался и сейчас! И мне передал частицу своего бойцовского духа, за что я ему был очень благодарен. Тренеры ведь обучали не только спортивному мастерству, за многие часы, проведенные в спортзале, их образ мышления, манера поведения оказывали существенное влияние на спортсменов.

– Держись! – ответил он, – главное – не пить, а то как посмотрю на брата, так подумаю – неужели и я таким стану!

Его младший брат, мой ровесник, был тоже боксером, мастером спорта. Когда-то мы вместе учились в техникуме, и он был образцом для подражания для всех ребят, но с годами стал пить.

– Почему мало ребят у тебя тренируется? – спросил я Хохлова. – Я думал, зал битком набит будет!

– Да сам удивляюсь, чего не ходят ребята!

«Да откуда же им взяться! – подумал я. – Смену надо готовить, с молодыми заниматься, тогда из них и вырастут бойцы!»

– Старший твой молодец, я видел его, когда зашел, а как твой младший? – поинтересовался я. Младший сын Хохлова тоже был сильным боксером, много выступал.

– Уехал он от нас, живет где-то, не звонит, не знаю, что с ним, – задумчиво ответил Хохлов. –

А как твоя жена? – спросил он у меня.

– Неважно, – ответил я, – она развелась со мной, но продолжаем вместе растить дочь.

– И у меня примерно то же самое, – вздохнув, сказал тренер. Мы немного помолчали, думая каждый о своем.

– Ерошка-то жив? – поинтересовался я.

– Да, постарел только сильно, – ответил Хохлов, – хотя официально он уволился, но продолжает приходить, тренирует ребят, правда, зарплату за это не получает. И он принялся объяснять про пенсию Ерохина, про то, как тот думал, что если уволится, то будет получать на тысячу рублей больше, а в итоге не выгадал старик ничего, но мне не хотелось вникать в эти тонкости.

– Ты хоть в баню-то приходи, – предложил тренер, – мы сейчас по четвергам и субботам затапливаем, каждую неделю.

– Спасибо, – ответил я, думая про себя, что не приду, не хочу превращаться в пенсионера от спорта, каких много видел, приходящих в зал уже только затем, чтобы попариться, выпить пива да поболтать о былом. – Пойду я, рад был тебя увидеть!

Со смешанными чувствами я вышел из спортзала на широкий проспект и медленно направился к центру города. С одной стороны, мне было радостно увидеть моего старого тренера, узнать, что с ним все в порядке, а с другой стороны, огорчало, что он так заметно постарел. «Пожалуй, – размышлял я, – он не

смог бы сейчас работать со мной так, как раньше, держать на лапах мои тяжелые удары! Впрочем, какие там сейчас тяжелые удары у меня, надо много времени, чтобы опять набить кулаки, войти в форму!» Еще на меня удручающе подействовал обшарпанный вид зала, где давно не проводился ремонт – те места на стенах, куда я когда-то с силой бросал теннисный мяч с обеих рук – это было одно из упражнений – так и остались с тех пор с обсыпанной штукатуркой. Расстраивало малое количество занимающихся спортсменов – это у такого-то тренера, мастера бокса! Было обидно за Ерохина, заслуженного тренера, живущего на копеечную пенсию, приходящего в зал тренировать, но не получающего за это зарплаты. Нет-нет, да и проскальзывала мысль, – а что меня ждет в дальнейшем, неужели так же, на старости, придется заботиться о куске хлеба?

Отсюда, с проспекта, с высокого холма, где располагалось здание спортшколы, хорошо было видно, как дорога спускалась вниз. Перепад высот был приличный, метров тридцать, не меньше, и, идя по проспекту, я смотрел на потоки машин, на окружающие дома, на ярко освещенные рекламные щиты, создающие иллюзию праздничного настроения. «Интересно, – подумалось мне, – если бы их не было, как бы выглядел город?» Да, невеселый был бы вид, невеселый! – отметил я с некоторым удивлением. Идя, я внимательно читал надписи на щитах. «Открывайте свой бизнес!» «Командировка – прекрасная страна!» «Диваны – тут!» – призывно выделялось на них. Ценная информация, очень ценная! – усмехнулся я, а главное, деньги налогоплательщиков на них же и тратятся – одни поздравления от префектуры чего стоят!

По дороге мне встретился одиноко стоящий киоск. Человек пять мужчин толпились перед ним, выбирая, какое бы пиво взять – что же еще, кроме пива, могли они выбрать!

Медленно бредя, я с тоской вспоминал свои бывшие тренировки, спортзалы, тренеров. Что сейчас предлагается взамен тех залов, где я когда-то тренировался и которые сейчас уже сломаны? Фитнес-клубы для весьма ограниченного круга посетителей из-за своей дороговизны? Да какой это спорт, так, подобие зала для качков, чистый только, с тренажерами да с обслугой! Конечно, ни о каком воспитании мастеров в таких заведениях и речи быть не может – покачался немного, и ладно!

Я отошел уже довольно далеко от спортзала, но неожиданно еще один плакат привлек мое внимание – на нем был изображен маленький боксер с поднятыми в перчатках руками на фоне маленького ринга. «Расту со спортом!» – гласила надпись. Для кого это? – удивился я. – Для детей, что ли? Так для них условия создавать надо, а не призывать!

Снова я вернулся в мыслях к своему тренеру, – для меня это был пример человека, который в наше трудное время одержим не жадной наживы, хотя легко мог бы брать деньги с учеников – иметь в качестве личного тренера призера Олимпиады согласились бы многие, а своим делом – подготовкой спортсменов, развитием бокса. При нем зал уж точно не перепрофилируется в фитнес-клуб или сауну! Сколько раз на моей памяти он отбивал подобные попытки! По моему мнению, такие люди, как Хохлов, должны пользоваться уважением в обществе, а не махинаторы, чьи имена сейчас у всех на слуху. Впрочем, уважением учеников он пользуется точно! Спасибо тебе, дядя Толя, – говорил я про себя, – за тот бойцовский дух, который воспитан во мне, в том числе, и с твоей помощью, он очень помогает в сегодняшней ситуации, дает силы бороться с жизненными неурядицами. «Главное, ты сам тренируй, дядя Толя, – подумал я, – а я, если дела и здоровье позволят, буду заходить, разминаться, может быть, работать в парах и знать, что у тебя все в порядке – зал работает!

5 мая 2007 г.

Владислав КОЖУХАРЬ

Родился 14 июня 1978 года в г. Актюбинске (Казахстан). С 1995 года работал актером в Актюбинском русском драматическом театре. Там же стал писать скетчи, сценарии, стихи и песни для спектаклей. В 2008 году в театре была поставлена пьеса-сказка «Приключения Коровы». После 15 лет работы в театре пробует свои силы в журналистике. Печатается в актюбинской газете «Эврика» и республиканском издании «Экспресс К». В свободное время пишет рассказы. Рассказы публиковались в журналах «Сезон» (Алма-Ата) и «Магия ПК» (Санкт-Петербург). В настоящее время живет в Кишинёве.

Мастер и Маргарита

Нельзя сказать, что Петрович уж очень сторонился детей. Даже наоборот, ковыряясь у заказчика под мойкой, он частенько показывал любопытному карапузу тонкости нелегкого мастерства водопроводчика.

– Это, пацан, ключ на 12 называется, – отчески приговаривал он, обдавая маленького ученика водочными парами. – Я вот так... вот эту... фигню оп... Учись, вырастешь – поблагодаришь. Ребенок обычно морщился от спиртового запаха, но смотрел зачарованно.

С девочками было сложнее. Особенно после того случая, когда юное создание спросило прямо, честно глядя в глаза: «Дяденька, а вы правда алкаш?»

Но и с честной девочкой через пару минут смущение удалось погасить, поговорив о куклах и «кем хочешь стать, когда вырастешь?»

И только одна шестилетняя Маргарита вселяла в сердце мастера Петровича дикий, прямо-таки суеверный ужас.

Что-то не так было с этой девочкой. Слишком аккуратна, слишком серьезна, и смотрела она на Петровича снисходительно. Со смесью жалости и презрения. Как на блохастого помоечного пса. «Всыпать бы ей хорошего ремня!» Но и этого бы Петрович не посмел сделать. Даже если б была такая возможность. Уж что-то было в девочке неестественное, пугающее, от чего бежали не то что мурашки, а целое стадо жирных тараканов, вроде тех, которые жили в мойке у художника с пятого этажа. Не наши скромненькие прусаки, а вальяжные кубинские твари, купленные в качестве натурщиков для очередного ненаписанного шедевра, да сбежавшие из банки то ли во время поэтического вдохновения, то ли прозаического запоя.

Но самое страшное было, когда Маргарита начинала говорить. Петровичу хотелось удрать, бросив портфель с инструментами в протекающее биде. Пусть даже буржуйская замена пролетарского куска газеты затопит весь дом!

Таких речей Петрович не слышал и от взрослых.

– Будьте любезны, – говорила Маргарита, деликатно прокашлявшись в невыносимо кружевной платочек, – не повредите паркет вашей, с позволения сказать, обувью. Вы даже не представляете, как его трудно было достать. Папа отменил все дела, чтобы съездить за ним в Милан.

Петрович с ужасом представлял, что вырастет из этого чудовища.

Как-то в каптерке во время теплого застолья с дворником Зафаром он видел странный фильм, больше похожий на бред белой горячки, о простой женщине, ставшей ведьмой. Там мертвецы выходили из могил, ведущим отрывали головы, огромный кот трескал мандарины в универмаге, обливая продавцов бензином из примуса. А ведь женщину там звали точно так же, как эту маленькую бестию! Маргарита. Это намертво врезалось Петровичу в память, и пятидесятидолларовые бумажки, щедро предлагаемые отцом девочки, не могли подавить в памяти этот ужас.

Тот день выдался обычным. Петрович уже успел обойти шесть квартир. Визит в «нехорошую квартиру» он оставил на потом. Хотел было вообще переложить эту ответственность на кореша Коляна, но жадность взяла свое. Тихонько молясь, чтобы маленького бесенка не было дома, Петрович поднялся на

этаж, и... сердце его оборвалось, упав прямо в резиновые калоши.

Маргарита, свесившись через перила, громко отчитывала чем-то обидевшего ее соседского мальчишку.

– Я тебе глаз на жопу натяну, если поймаю. Ты – ошметок рода человеческого!

Увидев Петровича, она совсем по-детски засмушалась.

– Здравсте! – вместо жуткого «добрый вечер», вытерев нос рукавом, буркнула она.

И, скосив глаза на удирающего мальчишку, добавила: – Видите ли, он просто... Козел он, вот чего! Что удумал! Подбежал сзади! Уставился! А потом обнял! – на слове «обнял» голос ее потеплел. Но глаза по-прежнему возмущенно сияли.

Петрович помнил, что в том кино ведьмой женщину сделала любовь. Тут же, по всей видимости, любовь устроила иную, как говорил художник с тараканами, «медь-мать-форсу».

У Петровича поднялось настроение, и сердце из калош вернулось на место.

– Ты, это... Когда вырастешь, кем стать хочешь? – спросил он, стараясь быть как можно ласковее.

Реквием

А, смерть курносыя!.. Смеешься надо мною?..

Ты смотришь на мой нос!.. Тебя я прочу!..

Эдмон Ростан «Сирано де Бержерак»

Старик спал на спине, дыша ровно и глубоко, только веки его слегка подрагивали. Никто, глядя на его умиротворенное лицо, не мог сказать, что ему снился кошмар. Страшное сновидение, может быть, и не было и сном вовсе. Может быть, чувства, утомленные за день, сейчас отдохнув, фиксировали то, чего нельзя было увидеть при дневном свете.

Кто-то с белым бескровным лицом бродил по комнате, разбрасывая полотна невидимой паутины. Этот кто-то беззвучно звал Старика. Потолок рухнул, и в зияющую дыру бесстыдно заглядывали кроваво-красные облака. В дверном проеме был виден длинный мост, уходящий в клубящуюся темноту. Дом рушился, зарастал паутиной. Облака уже проливали алые капли дождя. Кто-то влек Старика пройти по мосту, противиться ему не было сил, хотя Старик точно знал, что вернуться с этого моста невозможно.

Утро ворвалось в распахнутые окна, изгоняя ночную тоску. Щебетание птиц, сытое урчание автомобилей, счастливый лай собак, ошалевших в квартирной духоте и наконец-то ощутивших пряный аромат городской пыли.

Старик, потянувшись, встал с кровати. Включил телевизор. Привычно заварил стакан темного, как гуашь, чая, закурил кисло щипающую язык беломорину.

Так он делал несколько десятков лет подряд. Механически, не задумываясь, будто совершая какой-то ритуал. Но сейчас что-то внутри говорило, что это утро – последнее.

Старик выкатил гантели из-под кровати. Сделал зарядку, как обычно, завел часы. Хотя ни то ни другое уже не было нужным.

Смерть пришла за ним и стоит на пороге, деликатно предупредив о своем визите во сне. Старик не боялся Смерти. Он прожил полную и яркую жизнь, чтоб страшиться небытия. Слишком порочный для рая, чересчур праведный для ада, он не тешил себя спасительной в таких случаях мыслью о загробном мире. Если пришло время, то от этого никуда не деться. Но упрямый бесенок не позволял Старика сдаться без боя. Не в его характере было покорно следовать за кем бы то ни было, пусть это даже сама Смерть.

Никогда не бунтуя явно, не играя в Че Гевару, Старик в любой ситуации оказывался победителем благодаря ироничному отношению не только к окружающим, но и к себе самому. Ор начальства всегда воспринимал с таким горячим покаянием, что никто из сослуживцев не мог удержаться от истеричного смеха. Враги боялись его острого словца, потому что невинная вроде бы шуточка прилипала навсегда. А друзья всегда спешили за поддержкой. Они знали наверняка, что Старик любую трагедию ловко обратит в фарс, от которого не только грустить, но и воспринимать беду всерьез будет невозможно.

Впрочем, не факт скорой собственной смерти угнетал Старика. Не хотелось тяжелой атмосферы на похоронах с кислыми физиономиями, тошнотворно хлюпающими носами, фальшивыми выражениями скорби, унылыми поминками, тоскливой вонью валидола, безликой мозаикой черных платков. Всего этого мерзкого шлейфа Смерти, без которого она слаба и совсем не страшна, и почти незаметна.

Триумфа Смерти допустить было нельзя. Если надо, пусть придет и исполнит свой долг. Но в этом доме не быть ей хозяйкой!

Старик долго рылся на антресолях, перебирая горы пыльного барахла. Кто бы мог подумать, что этот хлам пригодится, да еще в такой ответственный момент?

Для начала Старик напялил драную тельняшку и семейные трусы с живописным рисунком из огурцов, затем соорудил из алой ленточки пышный бант, словно у первоклассницы, но, за неимением волос, просто приляпал его к лысине скотчем.

– Ага, Костлявая! Не ожидала! – приговаривал Старик, улыбаясь. – Твои клиенты во всем белом норовят. Но не на того ты напала. Не будет соплей, не надейся! Всю жизнь нитья не любил, а для тебя тем более не изменюсь.

Старик водрузил на физиономию неизвестно откуда взявшуюся у него на антресолях маску – нос-усы-очки, но произведенным эффектом остался не совсем доволен, и, в довершение ко всему, красиво написал зеленкой на лбу слово «ЖОПА». Пусть лучше сочтут маразматиком, чем занудой.

Доковыляв до кресла в этом чудесном облачении, Старик напялил коньки. Последний штрих к работе гения.

– Не нравится?! Ничего, потерпишь. Не властна ты надо мной, ох, не властна!

Старик хотел еще что-то сказать, но боль пронзила грудь, и он замер в кресле. Устало прикрыл глаза, чтобы отдохнуть на минутку. И больше не раскрыл их никогда.

А утро все так же стучалось в раскрытые окна.

Старик добился своего. Ни врачи, вызванные на освидетельствование, ни соседи, помогающие с похоронами, ни даже сын с дочерью не могли скрыть бессовестно пробивающуюся улыбку. Даже вечно унылые старушки-соседки и то частенько прятали уголки губ в узел линялых платков.

Тельняшка, коньки и маска с бантиком исчезли в мусорных баках, изрядно повеселив персонал. Но перед надписью даже гример оказался бессилён. Четыре буквы пробивались сквозь слой грима вопреки всем законам физики.

Позже старушки, обмывавшие по обычаю тело, шепотом рассказывали, что пальцы Старика были сложены в кукиш, да так, что разогнуть их было невозможно, а уж кому эта фига была адресована, они могли только догадываться.

Атилла

Лет тридцать назад этот парк был гордостью маленького городка. Могучие столетние дубы роняли ажурные листья на дорожки, выложенные брусчаткой. Голуби уютно ворковали, оставляя белые кляксы своего восторга на охряных спинках скамеек. Шустрые белочки осмелели настолько, что брали еду из рук, иногда по дорожке деловито пробежал ежик. Разбрасывая радужные брызги, задорно журчал фонтан, посреди которого стояла гипсовая, крашенная под бронзу, пасторальная колхозница со снопом колосьев. Днем на тенистых аллеях царил умиротворяющая тишина, и только по вечерам из дальнего угла парка, где красовалась летняя танцплощадка, ветер доносил обрывки мелодий.

Время стерло былой лоск. Белочки с ежиками ушли куда-то, их сменили тощие бродячие псы, а вместо музыки из кустов доносился пьяный мат. Гипсовая колхозница разлетелась на сотни кусков, изнасилованная неприличными надписями. Фонтан превратился в огромную урну. И только дубы по-прежнему отрешенно роняли свою листву.

Так было пару десятков лет. Уже выросло поколение, считающее, что парк всегда был именно таким. Уродливым фурункулом на лице города. Но пришел человек, чья память еще цепко хранила воспоминание о былом величии парка. О первом робком поцелуе в кустах жимолости, о горячих словах любви, произнесенных впервые на лавочке у фонтана. Человек не мог допустить увядания красоты и тут же взялся за дело.

Серые кабинеты чиновников, лощеные, но неуютные офисы спонсоров, пестрые, в масляной краске, мастерские художников, спартанские плотницкие мастерские. Человек ходил туда как на работу. Слышал четкие отказы, размазанные обещания. Ему крутили пальцем у виска, суетливо жали руку, мягко подталкивая к выходу. Человек не сдавался, несмотря ни на что. И чудо случилось. Парк ожил. И не просто ожил, а стал жить новой, более яркой и насыщенной жизнью. Частые визиты гостей заставили его подтянуться и стать опрятнее.

Ствол дуба обвила бронзовая, за неимением золота, цепь. На ней поселился гипсовый Кот Ученый. На хрупкой ветке с невинной бесстыдностью демонстрировала пышную грудь деревянная русалка. В кроне ясеня запуталась вместе со ступой кудлатая Баба Яга, а на полянке за тополем бились не на жизнь, а на смерть желязная рыцарь с драконом из автомобильных покрышек.

Но гордостью парка стал дурашливый, пародийный, но безумно красивый Сад Камней на месте прежнего фонтана. По камням ползали керамические улитки и черепашки с иероглифами на панцирях, а в центре, скрестив ноги по-турецки, сидел фарфоровый самурай, то ли медитируя с тарелкой суши в руке, то ли вдохновение застало его за трапезой, и он придумывал последнюю строчку хокку, замурив глаза и откинув голову.

Именно самурай привлек внимание некоего существа в спортивном костюме и стоптанных кроссовках. Существо уже давно потеряло имя и отзывалось на кличку Лысый. Где-то в протоколах и засаленном паспорте жил чернильный призрак имени-фамилии, и если фамилия еще иногда произносилась вслух, то имя давно стерлось. Мать-алкоголичка звала его Сволочь, а многочисленные отцы вообще не утруждали свою пропитую память такими мелочами.

Лысый тупо пялился на самурая, потом зачем-то сфотографировал его на мобильник, отнятый у какого-то лоха, и еще не обмененный на пару бутылок водки.

Красота парка не укладывалась в проспиртованном мозге. Преображенный парк пугал своей непонятностью, странностью, непрактичностью. Тот, прежний, усыпанный горами мусора, был прост и бесстыдно откровенен. Лысый, напрягшись, прислушался к своим чувствам и с ужасом осознал, что перемена его восхищает, но восхищает не так, как, к примеру, тачка, баба, жратва, шмотки. То – были понятные вещи, ими можно было пользоваться или, по крайней мере, хотеть. А что делать с этим? Можно было бы приходиться и пялиться хоть каждый день. Но зачем? Все пялятся. Значит, есть в этом какой-то непонятный для него смысл. Лысый почувствовал себя ущербным. Чтобы избавиться от неприятного чувства, он присмотрелся тщательней: заметил кота, русалочку и рыцаря с драконом.

Переполняющие эмоции скудно выливались сквозь ухмылку квакающим смешком. Чувства душили, еще немного – и они разорвали бы изнутри. Хуже всего была холодная щемящая змейка, подымающаяся к горлу, от нее хотелось зареветь, как девка, и даже непонятно почему.

Надо что-то делать. Надо вылить из себя эту светлую жижу, как пойло, которое становится лишним.

Лысый еще раз сфотографировал Сад Камней на телефон и вдруг с удивлением отметил для себя, что этот мобильник он не отдаст никому.

Это уже было последней каплей. В кустах лежал обрезок трубы. Очень кстати.

Самурай отлетел далеко, потеряв тарелку с суши. Рыцарь, как и полагается воину, держался дольше, но в конце концов ослабел и гулко рухнул.

Дракон отделался легче, потеряв только глаза и клыки. Кот, как подобает интеллигенту, сдался сразу и развалился на три части. Баба Яга напрасно ехидно ухмылялась, чувствуя себя в безопасности на такой высоте. Камушек из японского садика согнал с ее лица ухмылку и лишил волшебной силы, превратив в груды соломы и мешковины.

Русалке повезло больше всех. Она всего-навсего лишилась макияжа и одной груди, став из легкомысленной кокетки суровой амазонкой.

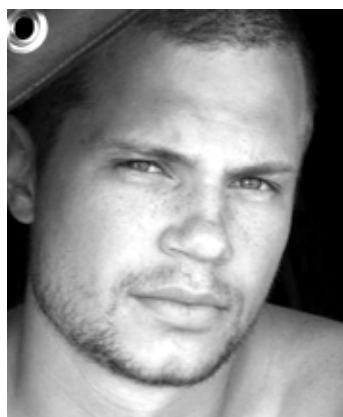
Дома Лысый рухнул на продавленный диван, но, несмотря на усталость и две бутылки портвейна, вылаканные с друзьями, уснуть не получалось.

На душе, наверное, первый раз в жизни почему-то было очень гадко.

Лысый долго ворочался, комкая и без того мятое покрывало, пока сон, больше похожий на обморок, не обрушился на него.

Евгений ТАТАРСКИЙ

Однажды ты проснёшься

«Церковь. Почему я в церкви? И как я здесь оказалась?» Она огляделась по сторонам и попробовала вспомнить, но это не принесло никакого результата.

Ее муж, одной рукой крепко прижимая к себе их маленькую дочку, второй старался удержаться за камень.

«Камни. Торчащие прямо из воды. Нет, ну что же это за церковь такая, и откуда здесь вода?» Набежала очередная волна, и ей пришлось присесть, чтобы ее не смыло с камня, как и мужа. Тонкими пальцами она ощутила склизкую поверхность той сомнительной опоры, на которой стояла, и в очередной раз пожалела, что решила взобраться именно на этот камушек, а не на соседний, который казался посolidнее.

Ее муж тем временем все-таки смог закинуть руку на свой камень и ухватиться за какую-то щель в нем. Теперь его положение было чуть-чуть устойчивее, чем полминуты назад, и он наконец смог перевести дыхание.

– Почему ты так далеко от нас? Найди себе камень поближе, мне же тяжело с ребенком одному! – крикнул он и крепче прижал дочку к себе. На них шла очередная волна.

– Я только-только обрела почву под ногами, и теперь ты хочешь, чтобы я все бросила?

– Почву? Ты называешь то место, где сейчас сидишь, почвой?!

– Ну... – рассеянно проговорила она, – должен же хоть кто-нибудь из нас двоих держаться на камне. Ведь у нас теперь есть ребенок. Когда ты заберешься, я приплыву к вам.

– Плыви сейчас, – замотал головой муж, – поможешь мне с ребенком, а я заберусь и тогда помогу вам.

Она тяжело вздохнула и посмотрела на маленькое личико своей дочки. Ребенок улыбался и с интересом, сложив губки бантиком, смотрел по сторонам, даже не догадываясь о том трудном положении, в котором находятся сейчас ее родители.

– Ты уверен? А если мы вдруг оба окажемся без опоры? Ведь найти себе камень становится все труднее и труднее. А вернуться на тот, с которого уже спрыгнул, слишком сложно.

– Не волнуйся. Все будет хорошо, – успокаивал ее муж, но в голосе его не чувствовалось той уверенности, которой не помешало бы присутствовать при подобных заявлениях. – Вместе мы справимся. На то мы и семья.

– Ну хорошо. Держитесь крепче, я плыву, – сказала она и соскользнула на копчике с камня прямо в мутную бездонную воду.

Волны набегали на нее одна за другой, и приходилось тратить намного больше сил на борьбу с ними, чем на то, чтобы плыть. Плыла она брасом, как и подобает плавать женщине, по крайней мере, так принято считать. Хотя, конечно, все это условности.

«Может быть, как раз поэтому в последнее время так многие женщины начинают плавать по-мужски кролем или баттерфляем. Так, правда, тратится больше сил, остается меньше времени смотреть за ребенком (приходится постоянно опускать лицо в воду, глядя в беспросветную муть), да и прическа портится. Но ведь плыть-то быстрее. Да и кто сказал, что мужчины должны делать это так, а женщины иначе, что еще за дискриминация?»

Холодная вода окатила ее с головой, и мокрые слипшиеся волосы легли ей на лицо, закрыв глаза. Одной рукой продолжая барахтаться, пятерней свободной она убрала их за уши.

«Теперь понятно, почему женщины, которые плавают много и по-мужски или стригутся «под мальчика», или носят строгие деловые прически. Распущенным волосам здесь не место, их могут себе позволить только те, кто вальяжно купается (для собственного удовольствия) в кристально чистом бассейне или сидит на берегу. А здесь, когда барахтаешься в мутной воде...»

– Как дела? Помощь нужна? – донесли до нее слова мужа.

– Нет. Я в норме, – крикнула она в ответ и продолжила раздвигать перед собой воду обеими руками.

Над головой виднелся обшарпанный купол с остатками фресок. Когда-то это была очень красивая церковь, но теперь представить себе, что ее когда-нибудь отремонтируют, было практически невозможно. Проще уж все снести и на старом фундаменте построить новую. Но кто этим будет заниматься? Не то время сейчас. Да и люди не те.

«Хотя нет, люди наверняка всегда одни и те же. Меняются только декорации. Дикое поле, затем

мирное поселение, затем воронка от разрыва бомбы, которую удачно использовали вместо котлована, залив ее бетоном, чтобы получился фундамент, на нем надстроили великолепную церковь, посещением которой не брезговали даже завзятые атеисты, а теперь вот это... топь и запустение».

Отвернув лицо от очередной набежавшей волны, она вдруг увидела какое-то свечение справа от себя. Присмотревшись, поняла, – свет идет от небольшого участка стены, расположенного высоко над уровнем мутной грязной воды. Что испускало этот свет, было неясно. Единственное, что можно было сказать про источник этого света, так это то, что он был прямоугольной формы, вроде небольшого прохода в стене или крупной иконы. Но свет – теплый, мягкий, неизъяснимо приятный и притягательный – был настолько ярким, что понять, что именно там находится, было нельзя. По крайней мере, с такого расстояния.

Ее необъяснимым образом тянуло к этому свету, как будто это был ответ на давно мучивший ее вопрос. Как будто этот свет был светом фонаря спасателя, ищущего выживших среди обломков кораблекрушения. Как будто этот свет мог подарить им будущее...

Где-то неподалеку от стены отвалился кусок подточенной волнами штукатурки и с плеском рухнул в воду, мгновенно выведя ее из того воодушевленного состояния, в которое погрузил этот теплый свет. Тяжело вздохнув, она поплыла дальше и через минуту уже ухватилась за скользкий выступ того камня, за который держался муж. Дочка радостно округлила глазки и принялась что-то быстро бормотать на своем агукающем языке. Ей было абсолютно не важно, что купол над головой прохудился, что камни скользкие, а вода, в которой они барахтаются, мутная и глубокая. Мама и папа были рядом, и от этого она была счастлива. Абсолютно и безусловно.

– Ну, что будем делать? – отдуваясь после борьбы с водной стихией, спросила жена.

– Я, кажется, кое-что придумал. Кажется, нашел выход отсюда, – сверкнув глазами, поведал ей муж.

– Нашел выход? Серьезно? – радостно воскликнула она.

– Да. Насколько я знаю, многие отсюда ушли именно так.

– Как же?

– Смотри, – он указал кивком головы (руки до сих пор были заняты) куда-то ей за спину.

Она повернулась и увидела в стене напротив дверной проем. Он был довольно большим, находился практически над самой водой, но при этом был каким-то уж слишком темным.

– Что там? – спросила она, снова повернувшись к мужу.

– Точно не знаю, я ведь там не был. Но, если не ошибаюсь, он ведет в лучшее место, чем здесь. Впрочем, я думаю, любое место лучше, чем то, где мы сейчас находимся.

– А если нет? Если ты ошибаешься?

– Не знаю, – задумчиво протянул он, – надеюсь, что не ошибаюсь.

– А почему ты думаешь, что именно так многие отсюда и выбрались?

– Кто-то рассказывал. Говорят, там совсем все по-другому...

В следующий момент очередная волна, окатив их с головой, оторвала его от камня, и он принялся яростно грести, чтобы только удержаться на поверхности. Она протянула к нему руку, приняла ребенка, и тогда он одним огромным гребком вернулся на место.

– Может быть, просто залезем на камень и будем сидеть на нем? – с надеждой спросила она, но он яростно затряс головой.

– Да сколько можно уже здесь барахтаться! Ведь сколько раз уже залезали на камни, понимали, что делать на них нечего, и переплывали к следующему. Ведь здесь все такое! Некоторые камни повыше, другие поудобнее, на некоторых даже есть где учить ребенка ходить, но ведь все они посреди того же самого... болота. Здесь все такое, отсюда нужно выбираться.

– Да я и не спорю. Вопрос только в том – куда и как.

– Нет, главное – это выбраться отсюда. Отсюда, понимаешь? Куда – это уже не так важно. Там разберемся.

– И ты готов так рисковать? Ведь если бы мы только вдвоем были, а так у нас ребенок еще слишком маленький.

– Вот ради нее, ради дочки нашей мы и должны отсюда выбраться. Ты только представь, что она, когда вырастет, тоже точно так же, как и мы сейчас, будет здесь барахтаться в той же самой холодной воде, стараясь взобраться на очередной скользкий камень.

– Нет, только не это. Я согласна, выбираться нужно, но сначала необходимо все тщательно обдумать, подготовиться.

– А как, как готовиться?

– Да не знаю я, чего ты меня допытываешь? – огрызнулась она, прекрасно понимая, что напрасно на него злится. – Ты же у нас глава семьи, вот и скажи, что нам делать дальше!

– Вот я и предлагаю воспользоваться тем выходом, которым пользовались уже до нас. Другого все равно нет.

Она вновь посмотрела на дверной проем, но почему-то абсолютно никакого воодушевления при мысли, что именно там может быть выход, не испытала. Более того, даже тени надежды и то не шевельнулось в ее душе.

– Что-то мне подсказывает... – начала она, но очередная волна смысла конец фразы с ее губ, перемешала слова с мутью и тут же утопила у подножия камня.

– Что ты говоришь? – переспросил муж.

– Ладно, ничего. Давай уже хоть что-нибудь делать.

– Давай, – тоже без тени воодушевления отозвался он и взял у нее ребенка.

Дождавшись перерыва между волнами, они оба оттолкнулись от скользкого камня и поплыли в сторону проема. Он держал одной рукой малышку, второй загребал воду, а она держалась рядом, чтобы в случае необходимости перехватить у него ребенка. Плыли молча, погруженные в тяжелые мысли.

Вскоре дверной проем вырос над их головами, и они с облегчением ухватились за каменный парапет. Отдав ей дочку, он взобрался на парапет первым, затем вновь взял ребенка у нее из рук и помог взобраться ей.

Парапет был узким, стоять на нем было не очень удобно, зато наконец-то они были не в воде. С этого места церковь была видна намного лучше, и каждый из них со щемящим сердцем подумал об одном и том же – как многое мы упускаем из виду и понимания, занятые тем, что просто стараемся удержаться на плаву. И, что самое обидное, сколько мы тратим сил на это выживание! Сколько времени! А ведь жизнь идет дальше. Время никого не ждет. И в этом барахтании проходит жизнь. День за днем. Неделя за неделей.

А волны со временем становятся все выше, все опаснее. И им все равно, кого смыть с камня – взрослого мужчину или младенца. От осыпающихся стен вода все грязнее, а от длительного нахождения в холоде мышцы уже не способны работать в полную силу. Грязное, неудобное место, где не может быть счастливого будущего...

Дверной проем был прямо перед ними, и теперь им стали видны некоторые подробности, которых они не замечали раньше. Покосившаяся из-за широкой трещины в стене дверная коробка несла на себе следы запустения. Двери на ржавых петлях давно уже не было, а высокий порог был со множеством выбоин и следов тлена.

Осторожно подойдя к нему, они выглянули наружу. Оказалось, сразу за порогом начиналась лестница, ведущая вниз.

– Почему лестница ведет вниз? – недоуменно спросил он, но жена лишь пожала плечами.

Лестница была деревянной и, по всей видимости, очень старой. Следы тлена и ветхости так явно чувствовались в этой ненадежной деревянной конструкции, что она непроизвольно поморщилась.

– Ты собираешься нас тащить туда? – спросила она мужа, недоуменно озирающегося по сторонам.

Он пожал плечами:

– А что делать?

– Ты уверен? Что-то не кажется мне эта лестница надежным путем.

– У тебя есть другие предложения? Если есть, говори. Потому как я сам никакого другого выхода отсюда не вижу.

Осторожно держась за стену, чтобы не соскользнуть обратно в воду, плещущуюся прямо у их ног, она развернулась и еще раз окинула взглядом церковный зал. Облупленные стены, дырявый купол, вода вместо пола, камни... Свет! Тот самый исходящий от прямоугольника на стене свет, который она видела раньше!

– Слушай, а что там такое? – тронула она мужа за плечо и указала на источник света.

Он посмотрел туда и пожал плечами:

– Понятия не имею. Думаешь, там выход из этого болота?

– Из болота или нет, не знаю. Но что-то мне подсказывает, что из нашего прозябания мы можем выбраться именно там.

– Думаешь, здесь не выбраться? – Он вновь принялся смотреть на деревянную конструкцию, по которой, как он думал, вылезли на простор уже несколько тысяч человек. По крайней мере, где-то он об этом

слышал. – По-моему, лестница нас выдержит. А там – и твердая почва под ногами. Трава.

– Прислушайся к моей интуиции, не нужно туда лезть, – покачала она головой. – Лучше давай доберемся до этого источника света.

– Ну и что нам это даст? – скептически спросил он. – Свет и свет. Мало ли что там светится. А здесь – выход.

– Куда? Ты знаешь?

– Не куда, а откуда. Эта лестница ведет ОТСЮДА, вот что главное. Сколько можно ждать?! Ведь время-то идет!

Она вздохнула и посмотрела на дочку. Девочка улыбалась миру, в котором жила, и чувствовала себя совершенно счастливой.

– Знаешь что, – сказал вдруг он, – давай сделаем так. Я полезу первым, осмотрюсь там и вернусь за вами.

При этих словах мужа ее сердце неожиданно наполнилось такой невыразимой тоской, что на глаза навернулись слезы.

– Ты не вернешься, – прошептала она еле слышно.

– Что за глупости и упаднические настроения? – удивился муж. – Ну конечно же вернусь. Конечно, вернусь!

– Нет, не вернешься. Не вернешься...

Она заплакала и тут же проснулась.

Вокруг было темно, по щекам текли горячие слезы, мгновенно впитывающиеся подушкой в тот момент, когда они ее достигали, а из груди вырывались сдавленные рыдания. Она рефлекторно, еще не вполне понимая, что это сон, зажала себе рот руками, и рыдания, потеряв выход из лабиринта ее дыхательных путей, оказались запертыми внутри. Несколько секунд она просто лежала, осознавая произошедшее, а затем почувствовала некоторое облегчение. Сон, это был сон.

Дочка спала в полуметре от нее в своей кровати, рядом сопел муж. Он был здесь, вместе с ней и их ребенком, и никакой прогнившей лестницы не было...

Внезапное воспоминание пронзило ее, и слезы на глазах выступили вновь. Муж! Он ведь последнюю ночь спит рядом с ней, а уже завтра утром, завтра утром...

Она тихонько встала с постели, накинула халат и присела рядом с ним. Когда они познакомились, это был веселый и беззаботный студент, мечтающий о счастливом и обеспеченном будущем. Теперь же – а ведь прошло не так много лет – он как будто обветшал. Под глазами пролегли темные круги, скулы заострились, а лоб стал как будто больше, отвоевав часть пространства у шевелюры.

Она вдруг подумала, что ведь этот человек до сих пор мечтает о счастье и финансовой свободе, и в первую очередь, конечно, для своей дочери. Именно поэтому он и решил сделать то, что решил. Несмотря на ее молчаливое несогласие и даже вопреки собственному желанию как можно больше проводить времени с ней и ребенком. Поначалу она еще уговаривала его передумать, даже злилась на его упрямство, но каждый раз натыкалась на один и тот же довод: «У тебя есть другие предложения? Если есть, говори. Потому как я сам никакого другого выхода из нашей ситуации не вижу».

По ее телу пробежала дрожь. Она вспомнила, что слышала эту же самую фразу во сне. Он так часто говорил ей наяву (то ли ее уговаривал, то ли себя, хотя, скорее всего, действительно не видел никакого другого выхода), что теперь она даже ей во сне снится.

Сон. Что-то в этом сне было необычное, что-то такое, что отличало его от большинства остальных снов, посещающих ее по ночам. Что-то в нем было... логичное или, может быть, даже намекающее. «А вдруг это вещий сон, – подумала она, – вдруг это подсказка, один из тех знаков, которые даются людям в переломные моменты их жизни, чтобы они не сбились с пути?» Сложно сказать, ведь что такое вещий сон, на самом деле точно никто не знает.

«Да нет, какой еще вещий сон, что за ерунда. Просто я так много за последние дни думала на эту тему, боялась, сомневалась, что это теперь даже во сне не отпускает».

Она вздохнула, погладила спящего мужа по руке, поцеловала дочь и вышла в коридор. По пути на кухню она мельком заглянула в гостиную, где на разложенном диване спали ее родители, к которым они приехали не некоторое время, да так и остались. Они мечтали об отдельном жилье, но пока возможности его приобрести не было. Это, кстати, был один из основных (если не самый главный) факторов, почему муж так яростно хочет выбраться ОТСЮДА. Он хочет свободы. В первую очередь свободы жить в СВОЕМ доме только СВОЕЙ семьей. Хочет свободы финансовой, свободы перемещения. «А для этого, – говорил

он, – сначала нужно выбраться ОТСЮДА, а там уже разберемся. Главное – уехать за границу».

Но это еще полбеды. Куда уезжать, ладно уж, может быть, действительно не так и важно. Хотя, конечно, важно, и даже очень. Хуже другое – уехать кем? Чернорабочим? Каким-нибудь разносчиком чего-нибудь или подсобным помощником в забегаловке? Вот что страшно – национализм вроде бы подвергнут всеобщему порицанию, а все то же. Представителей народа, населяющего Эту часть нашей многострадальной Земли, Там никто ни во что не ставит. Мы для них сброд, согласный делать все, что они скажут, лишь бы остаться Там, стать представителем Того народа и Той страны. Чтобы, если не самих уже, так, по крайней мере, детей, уважали во всем мире как представителей Того народа. Хотя среди них и нищих, и чернорабочих, и асоциальных (хотя и рожденных Там) хватает. Но Здесь все же хуже. Наверное. Хотя, конечно, как это узнать, если нигде, кроме как Здесь, никогда не был? Тот мир, который мы видим в фильмах и различных рекламных роликах туроператоров, скорее всего отличается от того, как Там обстоят дела на самом деле. Случайные сведения, доходящие Сюда от тех, кто когда-то Туда уехал, тоже не могут быть достоверными на сто процентов. Кто же расскажет Все о своей эмиграции, о том, через что ему пришлось пройти? Разве что ближайший родственник, а таких у них за границей не было.

Но муж настаивал. И она, скрипя сердце, согласилась. В конце концов почему бы и не попробовать? Сначала поедет муж (ехать «в никуда» с ребенком слишком опасно), по туристической путевке (чтобы избежать лишних сложностей при получении визы в консульстве и не испортить свой новый – первый и единственный – загранпаспорт отказом, как предостерегают на многочисленных форумах в Интернете), а в последний день пребывания Там уйдет из отеля и не вернется. Станет нелегалом. Найдет себе какую-нибудь работу, зацепится, выучит язык (говорят, в языковой среде язык учится быстро) и вернется за ними...

На нее накатила такая тоска, что она снова чуть было не расплакалась, вспомнив конец своего сна. «Не вернешься. Ты не вернешься...» А вдруг действительно не вернется? Вдруг Там все пойдет не совсем так, как они себе это представляют. Вдруг он еще долго не сможет пересекать границу (ведь нелегал все-таки, нарушитель миграционных законов, а таким надолго закрывают въезд Туда) и вызов для них тоже сделать не сможет (ведь он будет Там не гражданином, то есть НЕГРом)? Что тогда? Придется ждать. И неизвестно, сколько времени ждать. Они его Здесь, а он их Там. Ждать... А время-то идет. Ребенок растет, они не молодеют, жизнь продолжается...

Она заплакала.

Вдруг боковым зрением она увидела на стене в прихожей какое-то свечение. Этот свет очень напоминал тот, который она видела во сне. На какое-то мгновение в ее душе вновь наступило спокойствие, словно она нашла ответ на давно мучавший ее вопрос: «Что же делать?», и теперь не нужно будет расставаться с мужем на солидный кусок молодости, словно есть другой путь и она его видит. Промокнув слезы, она повернула голову и тяжело вздохнула. Это была всего лишь картина на стене. Одна из ее ранних работ. Родители повесили ее в коридоре (кто же упустит возможность похвастаться достижениями своего ребенка?), и теперь каждый, кто приходил к ним в гости впервые, с интересом разглядывал этот прекрасный пейзаж и очень удивлялся (искренне удивлялся!), когда узнавал, что этот пейзаж кисти не профессионального художника, а всего-лишь девушки-сомоучки, образование которой было так далеко от искусства, насколько это только возможно.

«Да у тебя талант! Нужно его развивать» – говорило большинство гостей. «Да-а...» – неопределенно вздыхала она и шла заниматься хозяйскими хлопотами. Развивать талант, конечно, можно, только вот на это нужно много времени. Да и денег (холсты, краски, растворители, не говоря уже о занятиях с репетиторами) на это ушло бы много. А им жить негде, приходится ютиться с родителями. Не до живописи тут. Хотя, конечно, жаль, рисовать ей всегда нравилось. И ведь получалось же! А учительница в школе так вообще была в восторге от ее работ и предсказывала большое будущее в сфере живописи. Но родители были против. «Живописью денег не заработать, а учиться нужно на того, кем всегда сможешь заработать копейку», – говорили они и оказались правы лишь в одном. Она теперь действительно зарабатывала копейки.

Неужели бы тем, в чем она так талантлива, она не зарабатывала бы больше. Да еще с каким удовольствием! Ведь творчество – это прекрасно! Это ее! А теперь...

«Стоп! – сказала она себе. – Ведь это же...»

У нее перехватило дух от внезапно сошедшей на нее догадки. На глазах в очередной раз навернулись слезы, только на этот раз это были слезы счастья.

Тот свет! Тот самый прямоугольный светящийся предмет, к которому ее так тянуло во сне! Ведь это же действительно возможный выход! Да еще какой! Светлый и близкий ей по духу. И с мужем разъезжаться

не нужно! Вот оно! Вот оно!!!

Ни секунды более не сомневаясь, что она верно разгадала подсказку, равно как и в том, что во сне действительно была подсказка, она сама не заметила, как оказалась в чулане. Скинув сверху ворох зимней одежды, не поместившейся в шкафу, она сняла со старой коробки из-под телевизора несколько черных тубусов и открутила все крышки. Это были ее работы. Работы талантливой самоучки. Да, у нее не было художественного образования, но зато был талант. Не способности, не глубокие знания истории и правил живописи, как у десятков тысяч никому не известных выпускников художественных училищ и даже академий. У нее был талант! Божий дар!

«А Бог никому даром свои дары не раздает», – подумала она и улыбнулась своему каламбуру.

На душе стало неопишимо легко и тепло. От этого тепла мгновенно высохли слезы и даже порозовели щеки. Да, она будет писать картины, будет учиться, будет развивать себя в этом направлении. Как же раньше она до этого не додумалась?! Сколько времени потеряно! Так, и только так, она достигнет той свободы, о которой мечтает ее муж. И не нужно никуда уезжать. По крайней мере, так рискованно и бесшабашно, как он собирался это сделать. Они будут вместе, их семья не будет разделена. Она станет известным художником, она сможет им стать! Обязательно сможет! И тогда они обретут желанную свободу! Здесь! И вот тогда они смогут уехать, куда захотят.

Ведь выход внутри нас, а не снаружи. Как и нищета, сковывающая все наши планы и начинания, находится, в первую очередь, у нас в голове. Мы сами себя загоняем в этот угол и оттуда уже не видим ничего, кроме узкого привычного кусочка пространства, где нам не хочется находиться. Мы сами в этом виноваты. Не родители, не система и не наша профессия. А только мы сами!

Она твердым шагом вернулась в прихожую, расстегнула карман большой дорожной сумки, с которой ее муж собирался от них уехать через несколько часов, и достала его старый, потрепанный кошелек. Билет Туда в один конец лежал рядом с небольшой суммой денег (на первое время, пока не найдет работу) в главном отделении.

«Он поймет, – подумала она. – Удивится, может быть, рассердится, но все равно поймет. Он ведь тоже в глубине души знает, что лестница эта гнилая. Даже если он и спустится вниз, то подняться обратно к нам уже скорее всего не сможет. И забрать нас тем более. Да и, пройдя эту гниль, будучи нелегалом, счастья он Там тоже не найдет».

И, нисколько не жалея потраченных на него денег, она разорвала билет на мелкие клочки...

Эта история произошла в одной из постсоветских стран во время очередного экономического кризиса.

Осталось добавить лишь, что через пять лет после описанных событий она организовала свою первую персональную выставку работ. А еще через два года они вместе с мужем и тремя детьми переехали жить к Калифорнию...

Виктор ГРИШИН

Родился в 1952 году на Волге. Образование высшее, кандидат экономических наук, доцент. Финансист-аналитик. Живет на Кипре. Активно печатается в солидных экономических изданиях. Автор нескольких книг: «Детство на окраине», «Записки неизвестного соотечественника».

Площадь Турбьерна Эгнера

«И со взрослыми, стоит им попасть в царство сказки, случаются чудеса», – говорил сказочник, известный миру как норвежский детский писатель и драматург.

Утро ненавязчиво напомнило о себе робкими лучами, пробившимися в неплотности оконных занавесок. Наступало время прогулки. Эгнер любил это время. Еще пусто на улице, сиреневая дымка ночи цеплялась за острый шпиль кирхи, флюгеры домов обывателей.

Турбьерн Эгнер неторопливо поднимался по Норманнсгате. Он жил в красивом каменном доме, но гулять ходил по старому Кампену с древними деревянными домами. Ему хорошо думалось здесь. Турбьерн любил старый Кампен, помнил все дома. Он считал их одушевленными, понимающими его мысли. Приподнял шляпу, здороваясь со старой кирхой, стоящей на площади. Она ответила ему тихим звоном колокола.

Площадь еще не носила имя сказочника Турбьерна Эгнера, но всегда была рада видеть его.

– Что у нас новенького, – спрашивал Турбьерн у белого деревянного здания местной церковной общины. Здесь проводились собрания различных религиозных общин, и здание считало себя умным и осведомленным.

– Все работаете, – это обращение уже к красному зданию фабрики. Здесь производили железные изделия, и фабрика очень гордилась своим пролетарским содержанием. Вот и сейчас она ответила Эгнеру сдержанным машинным гулом: дескать, не мешай работать.

Так рождались сказки, так рождалась к ним музыка. Музыка звучала всюду: в ажурных макраме кованых решеток, кружевах березовых ветвей. Он слышал, как звучит музыка, сопровождающая гулкую поступь столетий уходящего века. А на смену выходили аккорды старой трубы, висящей на стене молодеватого дома-франта. Только Эгнер мог услышать звуки трубы и эти звуки воплотить в одной из своих сказок.

– Приветствую вас, маэстро. – На что дом надул щеки занавесок, и прозвучала волшебная музыка. Гимн начинающемуся утру.

Родившись в рабочем районе, Эгнер помнил Кристианию начала века, помнил, как ей на смену пришел щеголь Осло. Он рос вместе со своим городом. Занятия скульптурой, живописью у знаменитого Пьера Крога влияли на юного Турбьерна. Он видел то, что не мог увидеть обыватель. Еще в студенчестве он начал писать пьесы, ставить постановки, затем повернулся к сказке. Но к сказке не старых собирателей народных сказаний Асбьернсона и Му, а к сказке новой, родившейся на городских улицах Осло.

Ему было немного грустно, что сказочные герои его детства: тролли, ниссены, хюльдры, покинули города вместе с веком минувшим. Ниссенам не нравились многоэтажки и отсутствие каминов, дымоходов. На их месте появились Карисесы и Бактериусы. Но на этом сказка улиц не закончилась. Она из народной превратилась в городскую. С вполне современными героями. Эгнер создаёт целые волшебные миры – такие, как лес Ёлки-на-горке и город Кардамон. В этом городе царит идиллия. Даже самые неприглядные персонажи – разбойники Еспер, Каспер и Юнатан – выглядят не такими уж странными и дурными. Они поддаются перевоспитанию. Закон Кардамона прост: «Не поступай во вред другим, будь порядочным и добрым, а в остальном делай, что хочешь!» Потом в сказку пришла музыка: авторская песня, герои сказок запели. Услышав знакомый голос сказочника, дети бежали с улиц и рассаживались возле радио-

приемников и слушали.

О чем думал этот немолодой человек во время утренней прогулки? Ему выпало нелегкое призвание, призвание сочинять сказки и служить детям. Он шел по улице Кампена и ждал. Ждал необычного. Необычное, которое может возникнуть из ничего. Как у Андерсена. Эгнер помнил слова великого маэстро сказки: «Он находит поэзию там, где другие едва осмеливаются искать ее, в предметах, которые считают некрасивыми, на чердаке, где ель лежит в обществе крыс и мышей, в мусорном ведре, куда служанка выбросила пару старых воротничков и т.д.» Это необычное называется вдохновением. Оно может придти когда и где угодно: в комнате, на кухне, на улице. Нужно только уметь видеть и ждать. Оно обязательно придет.

Так уж устроен мир, что видеть что-то нестандартное, неподдающемуся обычному человеческому взгляду дано не всем. Художник прекрасно понимал, что это удел не каждого человека. Но уж если тебе выпал этот удел, то будь добр отрабатывать его также добросовестно, как и те люди, который сейчас спешат на свои рабочие места. Турбьерн, видя начавшуюся суету на основных улицах, свернул в тихие переулки Кампена. Его внимание привлек маленький дворик. Типичный дворик Кампена, которые он помнил со времен своего детства. Огромные березы, немые свидетели ушедшего века, заботливо прикрыли дома своими ветками, и дворик утонул в сетке дробящихся солнечных зайчиков. Лучи солнца, как туго натянутые гитарные струны, пронзили грифы деревянных лестниц, оплетающих дома, проникали в окна. Вновь в ушах зазвучала музыка. Она звучала в этом тихом дворе неслышная для обывателей, но такая чистая и ясная для музыканта. Художник стоял очарованным этим видением, чудным сплетением света, музыки наступающего утра. В голове рождался новый сценарий.

– Мама, а ты мне считаешь книжку? – раздался детский голос. Это маленькая девочка спрашивала свою маму, закрывающую замок двери. Мама и дочка собирались идти каждая по своим делам. Мама – на работу, девочка – в садик. Мама торопилась, а замок не желал закрываться.

– Мама, ты мне считаешь книжку? – снова переспросила девочка торопящуюся маму.

– Какую? – Мама справилась с непослушным замком и поправила волосы. – О какой книге ты говоришь? – переспросила она дочь, беря ее за руку.

– Про мальчика. У него еще очень смешное имя.

– Какое имя?

– Ой! Я забыла. – Девочка наморщила лобик, но... имя вылетело из ее светлой головки.

– А ты вспомни, что мы читали вчера, и имя выплывет само собой, – подсказала мама. Девочка от усердия даже попрыгала на одной ножке. Не помогло.

– Ула... – подсказала мама.

– Ула-Ула, – радостно закричала девочка. – Вспомнила! Конечно же, Ула-Ула!

– А как называется книга? – задала вопрос мама.

– Книга... про шмелей что-то, – снова напряглась девочка, – и про детей.

– Дети... на... – стала подсказывать мама.

– Знаю! Знаю! – снова запрыгала девочка. – Дети на Шмелиной улице. Она забежала вперед и для убедительности заглянула маме в лицо.

– Правильно, – улынулась мама. – Дети на Шмелиной улице.

– Вот здорово! – радовалась девочка.

Турбьерн вздрогнул. Это же была его книга. Книга «Дети на Шмелиной улице». Он ее давно написал. Очень давно, а она живет. Ее читают. Волнение охватило писателя. Он судорожно проглотил комок в горле. Мама и девочка, оживленно вспоминая события книжки, шли по улице. Турбьерн спохватился, что стоит столбом на улице, вызывая удивление прохожих. Он ускорил шаги и догнал веселую пару. Они продолжали разговаривать.

– Хорошо, – сказала мама, – ты все запомнила. А кто написал эту книгу?

– Не знаю, – просто сказала девочка. Она пришла в прекрасное настроение, и кто написал замечательную книгу «Дети на Шмелиной улице», ее как-то не заинтересовало. Но мама решила проявить педагогический дар.

– Нет, ты привыкай запоминать и авторов, кто написал книги, – сказала она. – В школе это тебе пригодится.

– Мама, я правда не помню, – сдалась, поскучев, девочка.

– Эту книгу написал известный норвежский писатель Турбьерн Эгнер, – поучительно сказала мама. – Он написал много детских книг, сочиняет детские песенки и сам поет их.

– Как интересно! – снова воскликнула девочка и замахала руками.

– А когда мы прочитаем «Дети на Шмелиной улице», – продолжала мама, – мы пойдем в библиотеку и возьмем другие книги, которые написал этот писатель.

– Какие? – последовал вопрос.

– Мы возьмем книгу про двух вредных существ Кариуса и Бактериуса, – сказала мама. – Они живут в зубах и разрушают их, если их не выгнать.

– А как их выгнать? – удивилась девочка.

– Очень просто: нужно чистить зубы. Обязательно два раза в день, – строго сказала мама и посмотрела на дочку.

Та заметно поскуцнела. Реакция девочки развеселила Эгнера. Ему ли, отцу четырех детей, не знать проблемы чистки зубов у детей!

А мама рассказывала девочке, что ей читала эту книгу ее мама, когда она была маленькой девочкой.

– Как я? – спросила дочка.

– Как ты, конечно, – подтвердила мама.

– А твоя мама – это моя бабушка? – уточнила девочка на всякий случай. Мама согласно кивнула головой. Эгнер шел сзади и думал. О чем думал этот уже поживший на белом свете человек, оставивший миру в наследство сказки, постановки, музыкальные пьески. Он любил детей и служил им. И люди его помнили. Что может быть дороже для писателя, как память, любовь к его творчеству.

– Мама, мама! А где живет этот писатель? – задергала за руки мамы девочка. Мама отвлеклась от воспоминаний, когда она была маленькой девочкой, и очень просто сказала:

– Как где? На соседней улице.

Девочка удивленно посмотрела на нее. Как! Так просто! Писатель живет на соседней улице? Мудрая мама поняла, что творится сейчас в голове у ребенка. Она посмотрела на часы, на девочку и сказала, что если они пойдут быстрее, то пройдут по улице, где стоит дом писателя, и, может быть, с ним встретятся. Она слышала, что Кампен – любимое место прогулок известного сказочника, и он часто гуляет утром. Девочка взяла маму за руку, и они быстро пошли.

Турбьерну Эгнеру очень хотелось окликнуть их, поговорить с ними, но он знал, что тогда разрушится сказка, в которой сейчас очутилась девочка.

– Пусть дольше верит в чудеса, – решил сказочник. Он окончательно пришел в отличное расположение духа и бодро пошел на свою Норманнгате завтракать.

Баланка

Мелкий, колючий, как сапожные гвозди, дождь сыпался на Волгу. Вода неприязненно вскипала, покрываясь пузырями. Пузыри лопались, образуя оспенные рытвины. Они тут же пропадали. На их месте возникал новый пузырь, чтобы тоже лопнуть. Волга в это время была похожа на сварливую хозяйку. Все у нее не так: и каша подгорела, и чайник выкипел. Только что тихая и ласковая, река вдруг взбеленится белыми кипенными барашками. Утихнет внезапно, пойдет рябью, как стиральная доска, а то, вспыхнув яростью, ударится о причалы речного вокзала.

Тихо сейчас в порту. Время позднее: автотранспорт уехал на автобазы. Судов по расписанию не ожидалось. Грузчики отбыли в соседний район, где у них были более комфортные условия для ничего не делания. Приемосдатчики ушли на склады побаловать себя чайком. Механизаторы тоже куда-то дематериализовались. В диспетчерской порта я один. Полистал газеты, рассеянно вслушиваясь в монотонно бубнящее радио. Диктор, густо окая, перечислял достижения текстильного края. Наступило время, присущее любому суточному дежурству: работать не работаете и спать не спитесь. Я уже подумывал, нужно найти общий для всех сменных начальников дождевик и пойти на осмотр территории. Попутно заглянуть на склады, где по моим прикидкам должен закипеть чайник.

Я явно представил склад, у которого одна створка ворот приоткрыта, чтобы видеть причалы. Уютно свистит чайник. Дежурные механизаторы в запорожских позах разместились на поддонах с комбикормом и лениво ангажируют дюжих хозяек склада, приемосдатчиц, которые незлобливо огрызаются. Надев стоявший колом брезентовик, я собрался выйти, но захрипел селектор. Голос, в котором с трудом угадывались нотки знакомого диспетчера, призвал меня к вниманию. Суть разговора сводилась к тому, чтобы мы заканчивали бить балду и приготовились принять грузопассажирский пароход. Эти речные труженики, помнящие еще пароходные общества «Меркурий» и «Самолет», подрабатывали на перевозке грузов, чтобы возместить план невыполнения пассажирооборота. Не брезговали любыми нестандартными грузами. Им было без разницы что принимать, так как грузили они вручную. Диспетчер что-то еще хрипел,

сотрясая мембрану, а я уже шел по направлению к складам. Вот совпадение: и делами праздную публику загружу, и чайку попою. Информация диспетчера это так, к сведению: когда еще пароход дошлепает.

Механизаторы и приемосдатчицы выглядели в точь, как я их представлял. Выслушав меня, старшая взяла выдавшую виды папку и вытащила накладные поддонов, на которых размещены нужные грузы:

– Что грузить будем? – поинтересовалась другая, насыпая заварку в чайник.

– Что-то из негабаритных. Запчасти с «Автоагрегата», – пояснила приемосдатчица, листая грузовые документы.

– Сами что ли грузить будут, – раздался голос с поддонов.

– Ну не ты же, – огрызнулась старшая приемосдатчица и добавила: – Поддоны подвезешь, а они перетаскают.

– Сделаем, не впервой, – буркнул голос с комбикорма.

Я взял кружку обжигающего чая и, грея ладони, сел на опрокинутый ящик возле ворот. Волга выглядела как картина в багетном оформлении раскрытых дверей. Погоде надоело юродствовать, и она решила дать передышку всему живому, насквозь вымокшему под серой неприглядностью дождя. Подул ветер, разорвал мутную марлю облаков и открыл невзрачное чахоточное небо. Противоположный берег реки едва просматривался, закрывшись водной мутью. Что и говорить: осень на Волге.

Неожиданно быстро, светя палубными надстройками, появился сверху пароход. Частя плицами, он сделал лихую циркуляцию и аккуратно прижался к причальной стенке. Не дожидаясь берегового матроса, с парохода кто-то спрыгнул и набросил швартовый конец на чугунную глыбу кнехта. Пароход еще пару раз шваркнул плицами по воде и затих.

Колесники. Так любовно называли эти пароходы на Волге. У меня к ним восхищенный трепет. Я не устаю смотреть фильм «Жестокий романс» Никиты Михалкова, в котором передана жизнь этих речных тружеников. Люблю рассказы Николая Минха, в которых он любовно рассказывает о прошлом Волги, о капитанских династиях. На таких пароходах работали мужики. Не сопливые рулевые мотористы после речных «шмонек», ни практиканты речных училищ, а именно мужики, степенные, рассудительные. Они работали на колесниках смолоду и старились вместе со своим пароходом-ветераном. Говорили неторопливо, с растяжкой, налегая на «о». Получив задание на погрузку, они устанавливали сходни, одевали баланки. Все делалось не спеша, основательно. Баланка – уникальное приспособление для переноски груза на спине. Такой шедевр рационализации труда я встречал только на Волге. Прост был предмет до уникальности. На манер рюкзака одевалась широкая доска, обшитая кожей или брезентом. Перпендикулярно доске была закреплена уступом другая. Получался прямой угол. Оставалась только отрегулировать ремни, чтобы инструмент удобно «сидел» на спине. Слегка пригибаешься, и коллеги по ремеслу грузят на тебя мешок или ящик. И все! Охнув, опустив руки и пригнув голову, матрос ретиво движется по трапу на пароход. Там слегка распрямится, и груз сваливается, куда ему положено. Матросы работали уверенно и слаженно. Таким мужикам было все равно где трудиться. Они с одинаковым успехом могли работать на поле, пахать землю. Но у них была своя нива, речная.

Погрузкой руководил небольшого роста человек. Стираная линиялая спецовка ладно сидела на его сухощавой фигуре. Ему было лет за шестьдесят. Он умело управлял своими подопечными, и груз быстро исчезал в прожорливой пасти трюма. Старичок заметил, что я наблюдаю за ними, рассматриваю невиданное приспособление на спинах.

– Что, сменный, интересно? – весело спросил он. Я, честно признался, такое вижу впервые.

– И нигде не увидишь больше. Может, еще на наших пароходах встретишь. Это баланка, старинный инструмент волжских грузчиков.

– Ну да ты молодой, такого не знаешь, – старичок задумался и продолжил: – Да что там в старину. До войны еще баланки были в почете.

Для поддержки разговора я поинтересовался, давно ли он работает на реке.

– На Волге-то? – словоохотливо, окая, откликнулся он, не отрываясь от своих стивидорских обязанностей. – Давно. Этак скоро с полвека будет. Еще до войны пришел мальчонкой. Учеником кочегара взяли. С тех пор на ней, матушке, и роблю. – Он любовно окинул Волгу. Мне показалось, река, почувствовав, что говорят о ней, выгнула спину и потерлась о старенький, державшийся только на краске корпус парохода. – Она, Волга-то, приманчивая, – окал старичок. – Сколько раз зарекался: хватит, сколько можно. Дети выросли, почитай, без меня, старуха ворчит, что дома не бываю, – радуясь внимательному собеседнику, продолжал боцман. – Но как наступает весна, выйду на откос. Посмотрю на нее, красавицу... и иду в затон. Надо мной уже в кадрах смеются. Привыкли, что каждый год ухожу.

Я оцепенел, превратившись в слух. Что говорить, молод был, бестолков, но здесь понял, что передо мной история Волги. Это один из тех речных могикан, на которых держался флот.

Раздался крик, что пошел последний поддон. Матросы неторопливо сбросили свой инструмент, распрямили натруженные спины. Затем, вытирая рукавом испарину со лба, обращались к старичку:

– Ты уж там смотри, Митрич, не обидь. – Имея в виду закрытие наряда.

– Как можно, мужички, все будет честь по чести, – отзывался боцман. Такой обмануть не мог. Да и как их обманешь, этих тружеников Волги, которые стояли, закурив, облокотившись о поручни своего кормильца-парохода.

– Будь здоров, сменный, – эхом раздался стариковский голос. Он мелькнул в надстройках и пропал.

Дрогнули колеса, лениво, нехотя чавкнули гигантские плиты. Паровая машина, неутомимо шевеля стальными шатунами, погнала пар в цилиндры. На мостике показался вахтенный, по возрасту ненамного моложе моего знакомого. Он посмотрел за борт и как-то буднично сказал: «Отдать чалку». Ох уж эти чалки! Эта речная терминология. Она приводила в ярость училищных преподавателей, когда мы, вернувшись с практики, отмачивали что-то на занятиях. Но чалки на реке были. Швартов был сброшен с кнехта. Вахтенный парохода тут же скрутил его сытым удавом на палубе.

Машина, повинувшись команде вахтенного, дала задний ход и погнала колеса в другую сторону. Пароход отошел от причала. Описав полукруг, он встал, дожидаясь реверса паровой машины. Бортовые колеса на мгновение остановились, словно недоумевая, что делать дальше. Высокая труба изрыгнула столб пара, сопровождаемый низким сиплым гудком. Словно нехотя, но затем все чаще, заработали лопасти, и пароход пошел вперед.

Я долго смотрел ему вслед. Скоро его огни скрылись в навалившемся тумане. А вместе с ним, речным тружеником, уходила частичка истории Волги, а с ним и частичка моей души.

P.S. Прошли годы. Я отслужил. И как множество выпускников речных училищ не вернулся работать на реку. Впрочем, как и в свой город. Жизнь свела меня с другим портом: Мурманским морским торговым. В нем я проходил практику по своей новой специальности. Тема диплома была посвящена оптимизации работы транспортного узла на базе морского торгового порта.

Окна портоуправления выходили на пирсы и причалы, исполосованные железнодорожными путями. Они протянулись на многие километры вдоль Кольского залива. Я видел морские суда, стоявшие под погрузкой апатита железорудного концентрата. Общался с выпускниками мореходных училищ, работавших стивидорами, начальниками складских групп. Кокетничал с девицами-тальманами, недавними выпускницами Одесского института инженеров морского флота.

– Что задумался, Волгу вспомнил? – кто-то тронул меня за локоть, выведя из оцепенения. Это был Стриж Василий Сергеевич, заместитель начальника порта по эксплуатации. Он был прав, мой дипломный руководитель. Я стоял у гигантского окна диспетчерской морского порта и видел Волгу. Серую, неприглядную в осенней мороси. Голодных чаек с рвущими душу криками, кидающимися на вспененную воду. И пароход, этого древнего речного труженика с его старичком-боцманом. Их, что олицетворяло прошлое Волги. Мне было грустно. Не хватало чего-то дорогого, ушедшего безвозвратно. Ведь без вчерашнего нет настоящего, как нет и будущего.

Сергей ШИЛКИН

Родился 29 марта 1954 года в г. Салавате. Окончил Ленинградский технологический институт имени Ленсовета. Публиковался в журналах «Бельские просторы», «Воин Росси», «Истоки», «Простор» (г. Алматы), «Литературный Башкортостан», в еженедельниках «Уфимские Епархиальные ведомости», «Истоки», «Провинциальный интеллигент». Проживает в РБ, г. Салават.

Заповедник

Застыл на веки вечные нирванно,
Внимая тишине, гранитный пест.
Сползают по шиханам тучи рвано,
Напоминая вымокший асбест.

Горят холмы – подобье древних скиний –
В лучах зари, как ангел-шестокрыл.
Осенним утром робко первый иней
Хрустальной крошкой всё вокруг покрыл.

Студёный ключ смывает прах в овраги.
Паук кусты укутал в свой виссон.
Сороки, облачённые во фракы,
Сидят на ветках, погружаясь в сон
Безудержным верхушек крон качаньем.

В тени дерев мышкует горностай.
Безмолвье прерывается ячаньем
Летающих вслед за летом птичьих стай.

Клекочет первогодок-ястребёнок –
Просторов неба будущий колосс.
В зелёных иглах пихтовых гребёнок
Застрял туман, как пук седых волос.

Поганый гриб, страшась увидеть лося,
Присел в кустах – иначе шляпка с плеч.
Ползучий гад, в сухой листве елозя,
Спешит скорее на зиму залечь

В сырой земле, во мраке тьмы сурьмяной,
Зарыв себя в своей норе не без
Надежд восстать, когда весной духмяной
Взойдёт светило шанежкой румяной,
Сверкнув на гжели девственных небес.

Осенний марафон

В промозглый день укрылась паром
Низина старого пруда.
За покосившимся амбаром
Бредёт дорога в никуда.

Ждёт снова осени лукошко,
Вися на гвоздике в углу.
И плача, дождь стучит в окошко,
Слезу размазав по стеклу.

Мычит голодная корова,
Засохла во поле трава.
Мы нынче снежного покрова
Не дождались на Покрова.

За тучи солнце укатило,
Повсюду сырость, хмурь и хмарь.
Зажёг своё паникадило
В часовне старый пономарь.

Зябь пашут в поле хлебоборбы.
Мне годы вспять не повернуть.
Молюсь я Богу страстно, чтобы
Мне силы дал на крестный путь.

В постылой жизни мало прока.
Теперь мне больше сорока.
Трещит без умолку сорока
В кустах, где плещется река.

Горит сквозь сучья чернотала
Огонь в рябиновой горсти.
От дней пустых душа устала.
Создатель, Ты меня прости...

Бабье лето

Пролетело лето. Пролетело,
Осыпаясь золотом устало.
Над полями ветром засвистело,
А потом внезапно перестало.

И неумолимо этим свистом
К берегам далеким птичью стаю.
Мне вчера приснилась в поле чистом
Та, с которой встречи ожидаю.

Припозднилась осень, припозднилась...
На пути неверном заплуталась.
Та, что накануне мне приснилась,
Без любви неся в душе усталость,

Голову склонив манером рабьим, –
В жизни нрав хотя её неистов, –
Молит, чтоб позволил летом бабьим
Ей любовь познать небесный Пристав.

Осень не пришла. Ошиблась сроком.
Золотят поля посева гречи.
Та, что мне приснилась ненароком,
С нетерпеньем ждёт со мною встречи.

Осень в роще к дубу прислонилась, –
Чёрный лес торжественен и светел.
Только ту, которая приснилась,
Я нигде пока ещё не встретил.

Сшиты небеса из синих клеток
Паучков серебряным последом.
И судьба, быть может, напоследок
Нам подарит счастье бабьим летом.

Осенняя элегия

Тонкой кромкой ледка
Стынет озера просинь.
Припозднилась слегка
Долгожданная осень.

Неба твердь протекла.
Тени скрылись за хату.
И остатки тепла
Покатились к закату.

Плачет в крик поросля
В тёмном чреве подклета,
У судьбины прося
Продолжения лета.

Камыши на ветру
Серебрят паутиной.
Мужики по – утру
На охоте утиной.

Спит в сарае петух,
Как на печке Емеля.
Кружит голову дух
Золотистого хмеля.

Нет привычных забот
В старом круге общений.
Плакать хочется от
Плноты ощущений.

В сундуке поищу
Шляпу деда из фетра
И пойду погрузу
В струях свежего ветра.

Ветра вздохи крепки
Между холмиков дюнных.
Возле Белой реки
Стайка девушек юных.

Среди милых подруг
Шапкой хочется оземь.
Только вспомнилось вдруг
Что уже сорок восемь...

Преображение

Ушёл куда-то холод жуткий.
Слышны повсюду смех и шутки.
Зацвёл колючий куст алоэ
И повторяется былое.

Душа горит подобно злату.
Нет никакого с нею сладу.
И древней скрипкою Кремоны
В крови солируют гормоны.

Чужак становится мне братом.
Любовь командует парадом.
И карамелью развесною
Сосульки светятся весною.

Всё отмеряется сторицей.
Лягушка сказочной царицей,
Меня надеждою балуя,
Очнётся после поцелуя.

Ирина МЕЛЬНИК

Родилась 12 октября 1987 года в г. Ровно. Окончила общеобразовательную школу Александрии I-Ш ст. Ровенского района (2005), факультет украинской филологии Ровенского государственного гуманитарного университета (2010). В настоящее время – преподаватель Ровенского автотранспортного техникума. Свои произведения публиковала в альманахах и журналах. Пишет верлибры, поэзии-казання и рифмованные стихи. Поэтесса, педагог, член Национального союза писателей Украины (с 2012 г.).

Доченьке Ирине

Ты рождаешься в моих глазах,
Идешь по моим рукам, по щекам,
По садам яблочным с корзиночкой,
По рекам в горсти, собирая рыбки,
Улетаешь в ирей с кленами,
Прорастаешь из меня калиной...
Ты спасаешь от порока сердца,
Варишь липу и прячешь от кашля,
От сухого хриплого голоса,
Наливаешь в меня детства,
Меду, миру и немного отчаяние...
И нет более радости в мире этом,
Чем когда колыбельную напеваешь,
Как из дома меня провожаешь, целуя,
В магазин, как в вечность – навсегда...
Откуда же выросло – из рая или ирия?
Где разлуки вместились мои в тебе?
А где милость нашла в тебе силу,
Чтобы никогда не покинуть меня?
Сколько времен ты знала меня до рождения,
А бюро обзвонила и вокзалы все –
Сколько?
Но вернулась к моей старости,
Чтоб простить за разлуки и расстояния,
За неумелость колыхать возле сердца тебя,
Моя маленькая премаленькая малюточка.

Ночной сироп

– Доброй ноченьки, моя радужная птичка...
Смыкают ангелы на ветвях свои крылья,
шагают клубочно-облачные слоненки
на розовый запад,
затухают медленно налитые соком яблоки,
стучат молча на спину земли в садах,
стихают дома и голоса в травах;
капает темнота из крыш на окна,

всходит луна на ногтях белой буквой «С»
(между нами уже как месяц),
осыпаются звезды, как манна из неба,
я собираю их сегодня – мечты,
завтра из них могут вылупиться змеи.
Я закрываю твои окна ладонями.
Твои пальцы теряются в коридорах
моих волос.
Позволь мне быть ребенком,
потому что если я буду больше, чем твой зрачок,
то не помещусь в твоём взгляде,
мне будет тесно в твоей песне колыбельной,
нам придется быть взрослыми.
Двери всегда открыты.
Корабли в свободном плавании.
Рыбы выплывают из глаз, настоянных слезами.
Ночь законсервированная до рассвета.
– Вам справа болит?
– Нет, – слева, за несколькими километрами,
кардиолог говорит, что у меня «шумы» в сердце –
это ты ко мне отзываешься.
Моя больничная карточка состоит
из имен дорогих людей,
они болят мне разлуками.
До утра еще несколько веков,
ангел заслоняет лицо солнцу,
а оно: «Отпусти, отпусти...»
Одеваюсь в горы и луга, и озера –
ты не исчезаешь,
потому что я вчера видела,
как радуга взлетела из моего темечка,
как будто мост тобой начерчен,
как будто луна буквой «С»,
которая заканчивается в твоём сердце.
Если не прощались – значит, увидимся.
– Доброй ноченьки, мой лунный мальчик...

Сказочная картинка осеннего морозного утра

*Вчера, по дороге в Дерманский монастырь,
остановился, чтобы сфотографировать
пейзаж осеннего морозного утра.
Увидел сказочную картину.*

Е. Х.

Зыбкими пальцами в спину тебе постучусь,
Синими птицами клювом уткнусь в твою спину,
Возле ботинок упрятался маленький гусь,
Герда все пишет кленовые письма уныло.

Прячет кузнечика иней в твоих волосах,
Нагое тело укутала осени прелесть.
– Кто здесь? – прочту по твоих недопитых устах,
Тихим дыханием в спину скажу тебе: – Я здесь...

Кленовый конь

Кленовый конь – в виски тебе ударом,
А мне кленовый конь – в живот,
Моей любви тебе не нужно даром,
Но клен во мне растет, растет.

Я превращусь из бабочки в ту бабу,
Что скифов матерью была,
Но промолчу в осеннюю прохладу,
Что без тебя сто лет жила.

Я леденцы нащупаю зубами,
Ах, в десны режет детства вкус,
Не говоря, в безумстве вспомню маму,
И как ее – тебя дождусь.

Осенняя янтарная собака

– Я думала, подобного тебе возьму на руки,
Но нет тебя, ни рук, ни сына нет.
– Иди, уйди... – сказал, – своей довольно скуки,
Не верь, постой, хоть пару тысяч лет.

И вот осенняя янтарная стоит твоя собака,
И дом хромой, и дворник в доме том,
В глаза смотреть учусь, учусь,
смотря – не плакать.
И я в собаке, в дворнике седом.

Осенняя стужа

А мы спешим куда-то снова,
Идем туда, где день иной.
Так хочется сказать два слова:
«Ну как ты? Что с тобой?».

Но листья засыпают голос,
И, остудив прохладой душу,
Я затаю от куртки пояс
И обернусь осенней стужей.

Париж

С нашим прощанием смешались все яблоки, груши,
Дождями с рябины омыла нам осень тела,
Пью аромат наш бессмертный как с зеркала
– с лужи,
Тебя, как всегда, до весны я в Париж провела.

Паук по моих волосах опускается в лето,
И солнце багряное прячется в черный спорыш,
И пальцы бинтует для поля рожь где-то,
Когда я умру, то поеду весною в Париж.

Юрий МАРТИШИН

Родился 15 октября 1963 года в г. Электросталь Московской области в семье рабочих. Поступил в 7-е медучилище г. Москвы, на фельдшерское отделение. В течение двух лет работал на 21-й подстанции скорой медицинской помощи Москвы. В 1984 г. был принят в печатный цех книжной фабрики г. Электросталь в качестве ученика печатника. До 1987 года работал печатником высокой печати 3-го разряда. Стихи стал писать с 2003 года. Первый сборник под названием «Начало» вышел в 2004 году. Активный член городского литературно-музыкального театра «Озарение».

Вода и человек

Бежит тревожная вода,
Бежит за далью в даль.
Я говорю воде: «Куда?»
В моих глазах печаль.

А дальше, что? Придет беда...
Зачем спешит она.
За тот мосток, за города
Уносится волна.

Река меняет день на ночь
В сомнении большом.
И очень хочет нам помочь
В стремлении своем.

И мы стремимся все успеть.
Недолг жизни век.
Оставить след и умереть.
Так создан человек.

Мы расстались

Осенний холод пробежал по коже.
Качает ветер серо-желтый лист.
Еще вчера ты всех была дороже,
А облик твой так нежен и лучист.

Но мы расстались. Осенью дождливой
На скучном небе, как в душе, темно.
Ты с рук моих голубкой сизокрылой
Взлетела прочь, мне было все равно.

Случилось так, и, может, это верно.
Не длится вечность сладострастный сон.
Любовь к концу приходит непременно.
Поймет меня, кто был хоть раз влюблен.

Дорога в одиночество

Снег покрыл дороги и дома.
Я бреду по белому затишью.
В городе волшебная зима
Носится затравленной мышью.

Замерзаю от твоей любви,
В моем теле буйные метели.
Ты прости и больше не зови,
Мои чувства сильно постарели.

Страшно, что другую не найду,
В свое счастье я уже не верю,
Проходя по снежному пруду,
Одиночеством дорогу мерю.

Сильный ветер нагло валит с ног,
Птицы в сером небе ищут двери.
Я бреду за чередой тревог,
Не жалея о своей потере.

Листок

На асфальте сером осени листок,
Словно вата, от воды размок.
Цвет песочно-грязный, настроенья нет.
На спине ботинок отпечатал след.

На ветвистом клене жил недавно он,
Шумный и зеленый, в жизнь и свет влюблен.
Лето за весною убежало в даль.
Пожелтел, и наземь. Как листочек жаль...

Весь трясется бедный, холод одолел.
А зима настанет, и тогда предел.
Под сугробом белым жизнь растает с ним,
А весной наступит, но уже с другим.

Люди-мыши

В лучах весенних улицы и крыши,
В кустах играет теплый ветерок.
Из нор в домах вылазят люди-мыши,
Их манит запах будничных дорог.

Они садятся в грязные машины
И едут по знакомым адресам.
Пронзают даль колеса из резины,
Шурша: «Привет веселым небесам».

Мышей везет водитель-поросенок,
Он возит их, наверно, тыщу лет.
Ему в кабину солнечный слоненок
Пролил, играя, желтоватый свет.

На остановках двери раскрывает
Автобус ржавый – старый добрый пес.
Он всем удачи и добра желает
И снова продолжает скучный кросс.

В лучах весенних улицы и крыши,
В кустах играет теплый ветерок.
Дома пусты. Придут под вечер мыши,
Чтобы отдохнуть от будничных дорог.

Ее другие руки обнимали

Не вспоминай про бывшую любовь,
Она прошла и больше не вернется.
Не повторятся ваши встречи вновь,
Лишь боль разлуки в сердце отзовется.

Жалеть не надо страстные мечты,
Они умчались к островам печали.
Забудь черты ушедшей красоты,
Ее другие руки обнимали.

Ты веришь чувствам, как болит душа,
Когда она идет, не замечая.
Ты замираешь, смотришь не дыша,
Но приглядишься, она уже чужая.

Не подходи, она ведь не права.
Не продолжай позор пустых страданий.
Пусть вырастет забвения трава
В твоих лугах любовных ожиданий.

От прошлого невысказано устал

Пришла весна в зеленом сарафане.
С листвою играет теплый ветерок.
В разгаре май в сиреновом тумане.
Расцвел, как в сказке, аленький цветочек.

Иду, вдыхая запахи надежды.
От прошлого невысказано устал.
Пропахли ложью модные одежды,
В которых тебя я сильно обнимал.

Теперь уже все это безразлично,
Ведь ты с другим, и это навсегда.
Хохочет в небе солнце неприлично.
Из тучки льется грустная вода.

В разгаре май в сиреновом тумане,
В кустах играет теплый ветерок.
Все отношенья родились в обмане.
Давно бы бросил. Но любил, не мог.

Словно глупый пес

Постучал метелями в окна Дед Мороз,
Жизнь укрылась белым одеялом.
По сугробам бархатным кружит глупый пес,
Разбавляя холод теплым паром.

На деревья голые шепчет тишина.
Воробьи сосульки раскачали.
За окном на улице снежная страна
Сочиняет музыку печали.

Я под звуки музыки в исполнении вьюг
Медленно бреду к скупой разлуке.
О тебе задумавшись, сделал лишний крюк
И попал в объятья прежней муки.

Постучал метелями в окна Дед Мороз,
Белым одеялом жизнь укрылась.
За тобою бегаю, словно глупый пес,
Не желая знать, что ты простилась.

Жене

Спи, мое ранимое создание,
Окупись в озера сладких снов.
В них мне хочется твое сознанье
Отстирать от своих грязных слов.

Ты прости за грубость и упреки,
За желанье жить с другой женой.
Выходки мои были жестоки
И, конечно, тяжки для больной.

Осень наши судьбы изменила,
Ввергнув нас в незримую беду.
Сколько слез, обид, страданий было.
И теперь я без тебя бреду.

Я иду туда, где сильный ветер
Сватает красавицу-зарю.
Но как только наступает вечер,
Мысленно с тобою говорю.

Спи, мое ранимое создание,
Окупись в озера сладких снов.
В них мне хочется твое сознанье
Отстирать от своих грязных слов.

Денис МОГОРЯН

Родился 20 июня 1995 года в г. Кишинёве. Учится в 11-м классе теоретического лицея «ORIZONT». Увлекается чтением и спортом (бокс и баскетбол). Любимый предмет – литература. Стихи пишет, сколько помнит себя, с удовольствием читает их на конкурсах. Печатается впервые.

* * *

Тусклый свет, фонарь, дорога,
Мир, запряганный во мгле.
Два влюбленных у порога,
Слёзы на её щеке.

Миг прощанья, расставанье.
Шёпотом: «Не уходи!»
Фраза, взгляд, его признание,
Нежно, с ропотом: «Прости».

Тишина, слеза, молчанье,
Взгляд, пронзающий до слёз...
Два влюблённых у порога
Погибающих их грёз.

* * *

Нелюбимых нельзя целовать,
Прижимая к себе их в ночи.
Нелюбимых нельзя обнимать,
Если пусто, то лучше молчи.

Если вместо огня – чуть тепло,
Нет восторга, нет радости встречи,
Значит, чувство уже ушло,
Говорить и мечтать вам не о чём.

Если рук сплетенье и тел
Душу больше не пламят,
Значит, этот огонь дотлел,
Больше чувств не вернуть назад.

И не будет огромного счастья,
И не будут глаза пылать,
Поцелуй, прикосанье, участие...
Нет! Любимых нельзя терять!

* * *

На берегу разбитых иллюзий,
У корабля погибшей мечты
Собираются грустные люди
И сжигают свои мосты.

Когда их воздушные замки
С треском падают резко вниз,
Запирают себя они в рамки
И бросают свой путь в парадиз.

Как о скалы разбились грёзы,
И погасли, как звёзды, мечты.
На щеках лишь солёные слёзы,
А глаза их полны пустоты.

Нет, не надо пустых мечтаний,
Пусть ваш парус несут ветра,
И несут на волнах расставаний
В ваше завтра, не в ваше вчера.

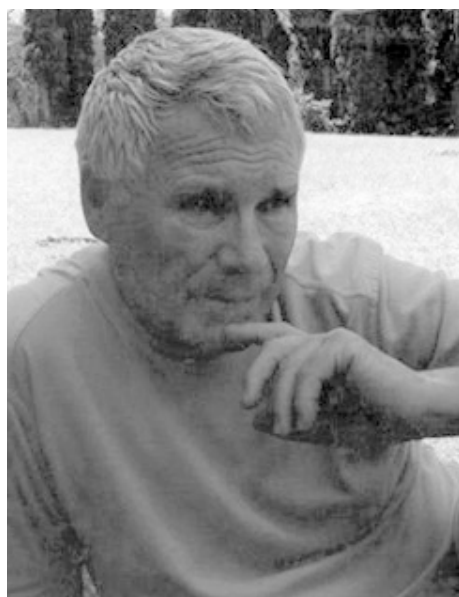
* * *

Серый день, вроде всё как обычно.
По дороге бежит детвора,
Ветер где-то рыдает привычно...
Здравствуй, осень, печали пора!

Здравствуй, мрачная, тихая осень,
Ты печаль нам с собой принесла?
Вновь ты стала непрошеным гостем,
Снова счастье моё унесла.

Серый день, вроде всё как обычно.
Как и раньше, шумит детвора.
Только ветер свистит мне в окошко
И с деревьев опала листва.

Эдуард МАЛАЦИДЗЕ

Родился в 1939 году в г. Каспи, Грузии. В 1957 году окончил каспскую русскую среднюю школу. В 1958-1961 гг. служил в рядах Советской армии. В 1968 году окончил Киевский инженерно-строительный институт (КИСИ). В 1975-1978 гг. – аспирантура КИСИ. В 1983 году защитил кандидатскую диссертацию по специальности «Основания и фундаменты зданий и подземных сооружений». Старший научный сотрудник. Имеет более ста научных публикаций. В настоящее время главный конструктор и начальник Научно-технического управления концерна Укрмонолитспецстрой. Имеет по разработкам строительных конструкций 21 патент.

Федя

*Мелочи жизни, не более того,
но если подумать как следует,
именно с ними мы становимся старше.*

О Феде

Их было три брата: Петя, Федя и Митя.

Федя был средним братом по всем показателям, – и по возрасту, и по развитию, и по весу. Митя был младше своих братьев, но, несмотря на это, в фамильной строке семьи он выступал как бы в роли отца своего Василия. Братьев почему-то звали не по имени-отчеству, как это надлежит в их возрасте, – Петр Васильевич, Федор Васильевич, а просто: Петя – Митин брат, Федя – Петин брат. Митю же звали просто Митяй. Этим он и отличался от Феде, которого с ухмылкой иногда могли назвать и Васей.

– Эх, Вася, Вася, – говорили ему, но он не придавал этому никакого значения и не обижался. Ему было до Фени.

А Фенька, друг Феде, часто спрашивал его:

– Федь, ты меня уважаешь?

– Уважаю, – отвечал Федя.

– И я тебя уважаю, – говорил Феня.

Но это было в те, еще не совсем далекие времена застолья, когда все умели быть счастливыми, не смотря ни на что, потому что смотреть собственно было не на что.

Федя не страдал от недостатков и оставался счастливым по сей день, потому как не страдал он и от своих комплексов, которых у него было достаточно. Он даже, казалось, гордился этим. Федя мог обходиться без всего и при этом прекрасно себя чувствовать. Когда его спрашивали «Федь, без чего ты не можешь обходиться?» Он так и отвечал: «Без ничего». «Спроси меня о чем-нибудь», – просили его. «Оно мне надо?!» – отвечал он.

Таким был Федя, таким его знали все, любили и уважали.

Федя лишен был чувства зависти, ревности и даже тщеславия, но, как и всем, ему были присущи свои качества, – сила воли, терпимость, наблюдательность и другие индивидуальные черты характера. Обладая природной волей, Федя не любил подчиняться воле другого человека. Потому-то он и плакал в детстве, когда ему приходилось делать то, чего от него хотели другие, а он этого не хотел. «Поскорее бы стать мужчиной», – думал он.

А мужчиной Федя стал, познакомившись с Клавкой. Кажется, тогда он заплакал в последний раз.

– Что с тобой, Федя? – спросила Клавка.

– Я стал мужчиной, – ответил он.

Но на самом деле мужчиной Федя стал гораздо позже. Правда, когда и как это случилось, он не знал. Он этого просто не заметил.

С тех пор как он родился, случилось многое: была война отечественная, война холодная, изобилие, период застоя, перестройка, даже криминальная революция с распадом Союза. Чего еще ждать в отпущенный нам короткий срок?

– Чего? – спрашивали его.

– Ничего, – отвечал Федя и ждал еще чего-то, как и все другие.
Вот такой человек был Федя. Как и все другие.

Об остальном

Миниатюры

№1

Федя родился в большой единой стране Советов, которая называлась тогда мощным именем – СССР, и которая однажды, вдруг, неожиданно и на радость ее врагам развалилась на все четыре стороны. Рассыпалась на отдельные куски, которые сейчас называются независимыми, а на самом деле еще более зависимыми государствами.

В тот день, когда это случилось, Федя отдыхал на юге страны по бесплатной путевке, которую ему достала Клавка по большому, одной ей известному счету. Поэтому случилось так, что в тот самый момент, когда его страна развалилась, Федя вдруг оказался как бы за границей. Ощутил себя иностранцем Федя не сразу. Язык, на котором говорили все, он знал. Денежные знаки остались те же, что и вчера, а товары по-прежнему делились на товары наши и не наши. Правда, наши были уже из пока еще едва ощутимого прошлого.

Кроме беспредела в грабежах, насилия и пошлости, все как будто бы оставалось без изменения. Телевидение, которое наконец развязало себе руки, распустилось до неузнаваемости. Даже простые вопросы, на которые политики призывали ответить народ на выборах или на референдуме, выворачивали наизнанку, запутывая всех с ответами «да» или «нет» на заданный вопрос.

- Вы за конституцию, да? – спрашивал бюллетень.
- Нет, – отвечал Федя и в сердцах жирно зачеркивал это слово.
- Федя тоже согласен, – подсчитывала голоса счетная комиссия.

№2

Федя молча стоял и слушал оживленный разговор туристов, таких же иностранцев из ближнего зарубежья, как и он сам.

Был теплый спокойный летний вечер. Разместившись наконец после долгой дороги в гостинице, мужчины, не сговариваясь, собрались в красивом ухоженном гостиничном дворике, курили и вспоминали о разных эпизодах своей жизни. Обсуждались темы выпитого накануне спиртного и проблемы, связанные с женщинами у собравшихся женатых туристов. По очереди рассказывали они о самых интересных моментах праздной жизни вдаль от своих жен. Особенно много говорил низенького роста лысый мужчина, у которого с этим, в отсутствие жены, никогда не было никаких проблем.

- Помню как-то, когда жена уехала к подруге, я пригласил к себе женщину. Красивая... – рассказывал он.
  - А я помню... – рассказывали другие.
  - Я вспомнил, – вдруг сказал Федя, который до этого все время молчал.
- Все приготовились слушать его воспоминания.
- Я вспомнил, – сказал Федя, – я хочу домой.

№3

Клавка, для которой Федя был почти родным человеком, все устроила. Федя приехал домой, как к себе на родину.

Он вошел в свою уютную, не закрепощенную мебелью квартирку и долго, приятно отдыхал от перемен, шумных улиц, курортов, экскурсий, поездов и беспокойных людей.

Назавтра Федя был приглашен к Клавке на день рождения. Собираясь к ней, он вытряхнул из кармана пиджака две грязные пуговицы и мятую сигарету «Pall Mall». Закурил, примерил пуговицы к пиджаку и, поняв, что они не от него, сунул их обратно в карман. «Это ж надо», – мысленно сказал он. Они были ему нужны.

На дне рождения у Клавки Федя пил молча, поддерживая тосты внутри себя. Где-то в глубине души ему тоже хотелось сказать что-то такое, за что пьют с удовольствием, а где-то еще глубже ему было глубоко безразлично.

После тоста за хозяйку ему вдруг захотелось петь. Поя, он думал: «Оно мне надо?!».

Федя уходил с Клавкиного дня рождения в хорошем настроении. На улице, у подъезда своего дома

он увидел стоящую к нему спиной девушку. «Телефонистка», – подумал Федя и незаметно подкрался к девушке.

Посмотрев по сторонам, он наклонился к ней, громко поздоровался, потом засмеялся и крикнул:

– Ждите, ждите...

– Придурок, – сказала напуганная Фединой выходкой девушка.

– Простите, пожалуйста, – повинулся Федя, – я ошибся.

«Почему я решил, что она телефонистка?» – подумал Федя и вошел в подъезд.

№4

Федя вспоминал, как познакомился с Клавкой. Дело было летом. Молодые женщины носили легкие сексуальные платья, а мужчины ходили на свидания хоть бы в чем.

Федя познакомился с Клавкой пятого июня, – в день полочки, и назначил ей первое свидание. Все складывалось хорошо, и настроение было таким же.

– Как дела? – спросили у Феде, который иногда носил шляпу.

– Все хорошо, – ответил он и улыбнулся.

– Хорошо, когда у человека все хорошо, – резюмировала женщина в белых джинсах. Она любила все хорошее, тоже улыбнулась, а потом зевнула.

Но человек в зеленом сказал:

– Когда одному хорошо, другому, который рядом с ним, может стать плохо.

Он не выносил, когда кому-то хорошо, и потому расстроился.

– Везет же людям, – сказала женщина в родинках.

А человек без галстука, в расстегнутой до брюк рубашке, которому все было безразлично, два раза чихнул и произнес:

– Спасибо.

Федя, который на этот раз был в шляпе, перестал улыбаться.

– Будь здоров, – сказал он человеку без галстука, но тот уже сказал «спасибо» и потому молчал.

К Феде, у которого все было хорошо, подошел мужчина в свитере и объяснил, что ничего хорошего нет и быть не может, потому что все относительно, и если кому-то хорошо, как ему кажется, то всегда найдется человек, которому еще лучше:

– Понимаешь, Федя, говорить, что у тебя все хорошо, глупо. Все меняется, как говорится, все течет, и то, что сегодня хорошо, завтра тебе может совсем не понравиться, поэтому не надо говорить, – все хорошо, говори, – все к лучшему.

До завтра было еще далеко, но хорошее настроение уже куда-то пропало. Он пошел на свидание с Клавкой и не понимал, почему вдруг всё стало так плохо. Внезапно разболелся живот, и сильно зачесалась, сдавленная обувью, ступня.

Не зная, куда себя деть, Федя снял шляпу.

– У тебя расстегнулись пуговицы, – заметил человек с газетой в руках, посмотрел на брюки и как-то странно улыбнулся.

Его улыбка не предвещала ничего хорошего. Все складывалось к худшему. Брюки, которые почему-то оказались без ремня и пуговиц, перестали держаться на Феде и поползли вниз, по коленям.

Федя, окончательно расстроенный, растерянно стоял со шляпой под мышкой. Поддерживая брюки двумя руками, он озирался по сторонам и с нескрываемым опасением ожидал свидания с Клавкой. «Только бы она не пришла, – думал он. – Увидеть меня почти без штанов на первом свидании, – было бы сверх самого недостойного позора. Что она подумает обо мне?»

– Как дела? – вдруг услышал он голос Клавки из-за спины.

Она пришла без опоздания, желая обрадовать его своим неожиданным появлением.

Федя обернулся и замер, увидев ее в пяти шагах от себя. Позабыв обо всем, он застыл на месте, представив себя в этой ужасной ситуации.

– Как дела? – снова спросила она и протянула к нему обе руки, приглашая подойти к ней.

Федя выпустил из рук всё, что придерживал на себе, и, оставив позади себя все смущения, нерешительно зашагал к Клавке.

Он взял ее руки в свои и произнес:

– Все к лучшему, Клава, потому что так оно и должно быть, будь оно все неладно.

Шляпа и брюки лежали в стороне целующейся пары, и все было хорошо, и хотелось бы верить, к лучшему.

Клавка не раз потом вспоминала Феде об их первом свидании и о том, как он впервые поцеловал ее без брюк.

– Это было что-то, – говорила она. – Что-то, в чем я до сих пор так и не разобралась, и это к лучшему.

№5

– Свобода! – закричал Федя, женившись на Клавке.

– Я чего-то не поняла, – сказала Клавка.

– Клав, хорошо, наверное, быть свободным, ты бы хотела стать свободной?

– Не знаю, не понимаю, как ты можешь считать себя свободным, когда ты уже женат?

– Ну, свобода вообще-то относительное понятие, – философствовал Федя.

– Ну и?

– Свободным, по-моему, можно быть относительно.

– Относительно жены что ли? – не поняла Клавка.

– И относительно жены тоже, но я не об этом.

– А о чем?

– Вот послушай, допустим, человек свободен, вернее, ему кажется, что он свободен. Что он делает? Он очень дорожит этой свободой и становится от нее зависимым, то есть теряет ее, становится не свободным, понимаешь?

– Понимаю, и как в этом случае быть? – недоуменно спросила Клавка.

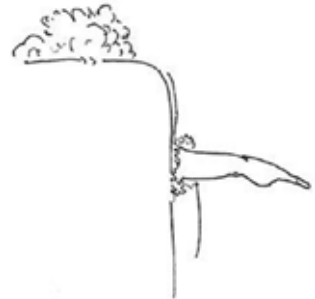
– Плюнь на свободу, освободись от нее, и тогда станешь свободной, – сказал Федя. – Вот такой получается вывод.

– Уточни, какой вывод? – не совсем поняла Клавка.

– Чтобы стать свободным, нужно освободиться, поняла? Сходи, например, в туалет, и ты свободна, – объяснил Федя и пошел в туалет, как бы показывая ей пример.

– Я свободен, – крикнул Федя, выходя из туалета.

– Освободился, – сказала Клавка, – я поняла, очень хорошо, сходи тогда за хлебом.

№6

Федя больше всего любил два времени года: зиму и весну. Зимой он ждал весну, а весной – зиму.

Он не любил лето за суету и ажиотаж вокруг отпусков, жару и запахи варенья на кухне, где все время что-то кипит, во что-то переливают, а ему дают попробовать только пенку. «Ценитель пенки», – прозвала его Клавка.

Осень больше радовала тем, что уже ближе к зиме и можно наконец раскрывать разные банки варенья.

Но он не любил осень за то, что его постоянно посылали на базар чего-то купить, – огурцы, баклажаны, помидоры и разные приправы для соленья, консервирования и всякое такое.

Зато зимой он никуда не отходил от телевизора, у которого проводил все свободное время. За окном валил снег, разыгрывалась метель, а он преспокойно сидел дома с варениями, соленьями и Клавкой.

Плохо только, что весной все запасы заканчивались, и опять скоро лето.

№7

Перестройка в стране шла полным ходом, а мыла и шампуня все не было.

– Вот тебе, Федя, задание от меня, – сказала Клавка. – Поезжай-ка ты за тридевять земель, в тридаватое царство, в тридаватое государство и привези мне мыла, а то ни постирать, ни голову помыть, вдруг стиральный порошок какой увидишь. Возьми купоны в дорогу, и без шампуня не приезжай. Привезешь, озолочу со своего плеча, а не привезешь, пеняй на себя, намылю тебе задницу вот этой шваброй.

Делать нечего, собрался Федя в дорогу за мылом и поехал прямо в Москву.

Денег ему Клавка выделила достаточно, так что он впервые почувствовал себя миллионером в ку-

понах. Правда, в Москве купоны тут же пришлось обменять на рубли и сразу же обеднеть. «На мыло хватит», – пересчитав рубли, подумал Федя.

Москва валила приезжих с ног. Все бегом спешили выполнить важные поручения, с которыми они носились по городу, не видя перед собой ничего другого. Во всей этой беготне люди совершенно не замечали друг друга, разве что старались запомнить лицо последнего в очереди за товаром первой необходимости и того, кто занимал очередь за ним. Но измученные в бегах за покупками люди казались на одно лицо. Запомнить различие в них можно было только по их особым приметам.

– Вот эта рыжая за мной, а я – за платьем в зеленый горошек, – старался запомнить Федя.

Все приезжие, стремясь не упустить необходимое, буквально выдыхались в погоне за продуктами, обувью, косметикой, вычеркивая из списков с трудом приобретенные товары.

В районе Красной площади Федя увидел длинную очередь. «Это в мавзолей», – предположил он и, забыв про мыло, занял очередь за мужчиной в очках. За ним тут же заняла очередь рыжая девушка. «Кажется, эту рыжую я уже где-то видел», – подумал Федя и тут же забыл о ней. Он не перегружал свою память всякой ерундой.

Очередь была очень длинной, но продвигалась относительно быстро.

– Не то чтобы как движение транспорта в плотной тянучке в часы пик, а шаг вперед, два назад, – сказал себе Федя, подумав о Ленине.

– Больше двух в одни руки не дают, – услышал Федя слова из очереди.

«Эта очередь не в мавзолей, их там всего один, – подумал Федя, – и потом, там ничего не дают».

– Куда эта очередь? – спросил он у очкарика.

– За шампунем, – ответил тот.

Это была удача. Давали шампунь «Болгарскую розу» в пластиковых бутылках по 2 руб. 50 коп.

Отпускали две бутылки в одни руки.

– Да, это тебе не мавзолей, – обрадовался Федя, тут же позабыв о Ленине.

Федя терпеливо стоял в очереди и думал, как он обрадует Клавку двумя бутылками болгарской розы.

Простояв час, Федя предупредил рыжую девушку, которая стояла за ним, что хочет разведать, как движется очередь, и пошел туда, где отпускали. Шампунь продавали в киоске, от которого и тянулась эта длинная очередь. Вернувшись в очередь, Федя объявил, что в киоске шампунь отпускают по 2 руб. 50 коп, а там же, за киоском можно купить эту шампунь по 8 рублей без очереди.

Двое сразу же ушли покупать шампунь без очереди, позвав с собой Федю.

– Я лучше постою в очереди, – отказался Федя, – куплю шампунь по 2 руб. 50 коп, а жене скажу, что купил по восемь, и мне как раз на бутылку водки останется.

Очкарик повернулся к Феде и посоветовал.

– Ты скажи жене, что за киоском продавали по восемь, а ты поторговался и купил по семь. Жене будет приятно, и тебе на бутылку тоже останется.

Федя посмотрел на очкарика, подумал и сказал:

– Нет, скажу, что купил по восемь, жену обманывать нельзя.

Дома радости было, как говорится, полные штаны. Клавка приготовила Феде вкусный обед и, как обещала, со щедрого плеча поставила на стол бутылку водки, которую берегла на свой день рождения. «Что ж, – немного смутившись, подумал Федя, – на день рождения куплю ей на сэкономленные деньги в подарок водку – одну бутылку, как и планировал».

№8

Много воды утекло с тех пор. «Если всю ее выжать, потечет еще больше, чем утекло», – подумал Федя. Но у Феде в квартире текло не только из пор. Текло в унитазе, в ванной, текло на кухне из крана и под раковиной. Даже на балконе текло, когда сосед сверху поливал цветы. Глядя на все это, Федя так и сказал:

– Все течет, – и развёл руками, которые дома у него ни к чему не стояли.

– Что ты сказал? – спросила Клавка.

– Эти поры, – сказал Федя, – вода отовсюду просачивается из-за них.

– Если бы только вода, – сказала Клавка, – сквозь твои поры, между прочим, просачивается не со-

всем ароматный пот, который течет из тебя, как из крана на кухне. Нет, скорее, как из бачка в туалете. И ароматизирует, кстати, так же.

- А ты взяла бы и помыла туалет, чтобы не... в общем, как там у тебя?..
- А какой смысл, если ты все равно... как у тебя там...
- По-твоему, и в туалет сходить нельзя?
- А что, разве я его не мою после тебя?
- Почему он тогда?.. - задал Федя, по его мнению, сложный вопрос.
- Потому что, как всегда, и потому что всё течет.
- Ну да, - согласился Федя.
- В общем, так, если завтра не починишь все краны, я приведу сан-

техника, понял?

- Ну да.

Позвонили в дверь. Федя открыл ее и увидел мужчину, с виду худого, носатого, низенького роста.

В руках он держал свежую красную розу.

- Вы кто такой? - удивленно спросил его Федя через порог.
- Я электрик, - ответил мужчина, - меня вызвала ваша жена.

Федя, недоумевая, смотрел то на мужчину, то на розу.

- Что-то с розеткой в спальне, проходите, - сказала Клавка, слегка оттеснив Федю в сторону, и повела электрика в спальню.

Федя не знал, что сказать.

- А цветок куда потащил, в розетку, что ли, воткнешь? - опомнившись, громко крикнул Федя.
- Возьмите, это вам, - произнес электрик, вручая Феде розу.

Феде только и оставалось, что пойти на кухню и поставить цветок в горшок. Он долго смотрел на кран, из которого все текло, и ни о чем не думал. О чем тут можно было думать? Разве что о розе в горшке и розетке в спальне, в которую электрик сейчас, должно быть, совал свою отвертку.

К вечеру розетка была в порядке. В нее легко вставлялась вилка торшера.

- Федя, уже все работает, смотри, - весело сказала Клавка и показала, как вилка мягко входит и выходит.

- Замечательно выходит, - сказал Федя.

Клавка была удовлетворена работой электрика. Уходя, электрик пообещал, что завтра придет чинить пробки. «Обрадовал», - подумал Федя и выбросил розу в окно. Чтоб не торчала.

№9

Наконец пришла весна. Федя сидел под солнцем на скамейке в весеннем парке и любовался нежной живой зеленью природы и молоденькими девушками, которые сбросили с себя тяжелую зимнюю одежду, а вместе с ней и все условности. В глазах светились легкость и желание.

К нему подошли и остановились совсем близко две девушки в коротеньких юбочках чуть ниже бедер, с полосочками открытого тела живота на уровне бедер, и тому подобное, что не могло не волновать представителей сильного пола, особенно весной. В одежде, которой почти не оставалось на теле, мысленно просматривалось все то, что было ею прикрыто.

Они стояли так близко, что еще немного, и Федя, не удержавшись, мог бы прильнуть к открытому животику одной из них, и к тому подобному.

- Как пройти в библиотеку, не подскажете? - обратилась к нему одна из них.

- Девушка, - обратилась Клавка, которая возникла неожиданно, неизвестно откуда, - он не знает, как пройти в библиотеку, и я, кстати, тоже, но я могу показать дорогу в другое место.

- С Новым годом! - сказала она, повернувшись к Феде.

Девушки поспешили исчезнуть, а Федя нехотя встал и молча потянулся за Клавкой. «Ничего, - успокаивал себя Федя, - весна только началась, так что у меня все еще впереди».

№10

Выходя из автобуса, Федя обратил внимание на симпатичную девушку с красивой фигурой. Со вкусом подобранная одежда на ней хорошо подчеркивала ее сексуальную натуру. «Да, хороша, – подумал он, – но, видно, не судьба, а жаль.

– Прощай, красавица, – сказал он самому себе и свернул в магазин за молоком.

В магазине пахло керосином.

– Дайте мне кефир, пожалуйста, – попросил Федя.

– Что вам? – переспросили его.

– Мне кефир, – повторил он.

Ему, как всегда, дали молоко, и он ушел. Выйдя из магазина, он снова увидел ее.

Девушка одиноко шла впереди него, притягивая к себе своей легкой походкой и свежестью. Ее чистые волосы, красиво разбросанные по лицу, нежно заигрывали с легким весенним ветром.

«Это судьба», – подумал он и решил немедленно догнать девушку, познакомиться, поговорить, проводить домой или хотя бы с близкого расстояния посмотреть на ее лицо. Другого случая не представится, это судьба.

Расстояние между ними быстро сокращалось, как, впрочем, и его решительность тоже. Поравнявшись с девушкой, Федя обогнал ее и, даже не

обернувшись, пошел своей дорогой, забыв ее навсегда.

Не судьба.

№11

Утром Федя проснулся, выпил стакан воды, сделал зарядку, умылся, позавтракал, разделся и снова лег спать.

– Что это с тобой, – спросила Клавка, – ты стал делать зарядку по утрам?

– Да, и пить воду вместо кефира. Это, говорят, полезнее.

– А снова ложиться спать после завтрака, – это тоже полезно?

– Не знаю, хочу попробовать.

– А ты не хочешь попробовать сходить в магазин за продуктами?

– Не хочу, – сказал Федя, но потом все же встал, оделся и пошел в магазин, даже не спросив у Клавки, что купить.

– Что купить? – спросил он, позвонив Клавке из магазина по мобилке.

– Яйца и хрен, – отрезала Клавка и выругалась.

Федя купил хрен с лотком яиц и принес домой.

– А где хрен? – спросила Клавка с лотком в руках.

Федя неловко споткнулся, выбил у Клавки лоток, упал на яйца и раздавил их.

– Что ты натворил, растяпа, – развела руками Клавка.

– Хрен с ними, с яйцами, – сказал Федя и показал Клавке, где хрен.

№12

Рождество. Трескучий мороз, на редкость трескучий. Таких морозов Федя не помнил. Деревья в лесу скорчились от холода и, казалось, посинели, покрытые инеем. Порывистый и колючий ветер с морозным снегом, словно иголками кактуса, хлестал по щекам. Холод был лютый, невыносимый, просто свинячий.

Заблудившись, Федя пробирався в магазин за хлебом вот уже второй день. Он не мог себе представить, что дорога в магазин будет так трудна. «Дело дрянь, – подумал Федя, – хватит ли у Клавки ума сообразить, что я заблудился и нужно срочно идти искать меня».

Наконец ему повезло. Он вышел в город и направился в магазин, засыпанный по самую крышу снегом, купил горячий свежий батон и тут же, с удовольствием, стал его есть.

В душе полегчало, глаза открылись, и он увидел Клавку, которая стояла рядом и смеялась, глядя на него, – застывшего с полным ртом батона.

- Как ты сюда попала? – удивился Федя.
- С Новым годом! – произнесла Клавка и купила для него еще три батона.
- Зачем столько? – спросил Федя.
- Чтобы хватило.

Домой они добирались вместе, с вкусными горячими батонами. Снега не стало, вокруг цвели нежные фиалки, и не важно, как это произошло. Важно то, что все это они чувствовали в душе.

№13

Федя уже полдня искал Остапа, расспрашивая о нем на работе у своих слесарей. Тот вчера взял у Феде разводной ключ и не вернул. А без разводного ключа Федя работать не мог.

- Где Остап, не знаете? – спрашивал он у одних.
- Не знаю, – отвечали ему.
- Остапа не видели? – спрашивал он у других.
- Нет, – отвечали ему другие.

Федя забежал к начальнику и спросил, не видел ли он Остапа.

- Не видел, – ответил тот, – у слесарей спроси.

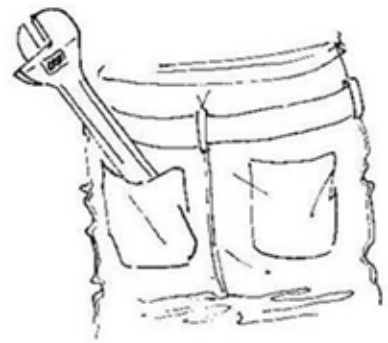
Федя мотался от одного к другому, спрашивая об Остапе, и те уже в который раз отвечали ему одно и то же, что не видели его.

Федя еще раз зашел к начальнику.

- Нигде не могу найти Остапа, вы не знаете, куда он пошел?
- Да пошел он в задницу, – ответил начальник.

Тут как раз на Федин мобильный телефон позвонила Клавка.

- Приходил пару раз какой-то Остап, спрашивал, где ты.
- И что ты ему сказала? Где его искать?
- Достал он меня, твой Остап, я и сказала ему, что ты в заднице. Тебе понятно, где его искать?
- Там они и встретились, Федя и Остап.

№14

Клавке захотелось обнять мужа, и она тихонько подошла к нему сзади. Федя, почувствовав, что сзади кто-то есть, испугался.

- Ты меня напугала.
- Я хотела обнять тебя.
- Ты пугаешь меня, не надо.
- Тогда я до тебя дотронусь, – сказала она, подошла ближе, протянула руку, но Федя отстранился.

- Не надо, не дотрагивайся.
- Что, и дотронуться нельзя?
- Лучше не надо.
- Почему?
- Я боюсь.
- Не бойся, может быть, ничего не случится.
- Может быть? – спросил Федя.
- Никогда не видела тебя таким.
- Что я, не могу быть другим, что ли?
- Может, скажешь, что тебя напугало? – спросила Клавка.
- Нет.
- Тогда обними меня.
- Это совсем другое дело, – сказал Федя и обнял ее.

А на самом деле это было одно и то же. Он обнял ее и почувствовал то же самое, что чувствовал, когда обнимала она. Он ничего не почувствовал. Вернее, почувствовал, но ничего.

«Ничего, – подумал он, – все как всегда. Почувствовал, и ничего».

№15

Однажды, приехав в Одессу, Федя с Клавкой остановились в гостинице, в одноместном номере, где вместо графина с водой стоял пустой сифон.

- Федя, сходи за водичкой, - попросила Клавка.
- Графина же нет.
- Набери у горничной газировки в сифон или хотя бы чай принеси.

Федя взял сифон и пошел к горничной за газированной водой, не надеясь, что выполнит Клавкину просьбу на ночь глядя.

- Сколько стоит набрать сифон газированной воды? - спросил Федя у горничной.

- Тридцать одна копейка, - ответила та и заправила сифон.

Федя дал ей сорок копеек, но сдачу не взял.

- Это вам на чай.

Горничная взяла их и сказала «спасибо», а Федя не уходил с заправленным сифоном и чего-то ждал.

- Чего вы еще ждете? - спросила горничная.

- Как чего, - сказал Федя, - чай.

- Остатки прошлого, а не жильцы, - съязвила горничная, наливая ему холодный чай с мутной заваркой.

Федя молча забрал сифон с чаем и направился в свой номер.

- Гостиница с одной звездой, - крикнул он горничной из коридора.

- Чего ты раскричался ночью, - прошипела Клавка, - гостиниц с одной звездой не бывает, их в них всегда не меньше трех.

№16

Дождь лил как из ведра. Федя раскрыл зонтик, но не тут-то было. Его криво изогнутая оболочка не только не прикрывала от дождя, но и неприлично выглядела с безобразно торчащими из-под нее спицами. «Ничто так не отражает экономический потенциал семьи, как поломанный зонтик», - подумал Федя и опустил его в рядом стоящую урну.

Он стал под навес, где, скрываясь от дождя, стояли две симпатичные девушки, которые подвинулись и уступили ему место.

- Я выхожу замуж! - сообщила девушка своей подруге новость.

- Правда? - радостно воскликнула подруга. - Какой ужас!

- Ваша подруга права, - сказал Федя сам себе под нос, - это кошмар.

Услышав, девушки повернулись к нему.

- Почему кошмар? - спросили они.

- Потому что ужас, - объяснил Федя.

Девушки пожали плечами и ушли.

Дождь закончился. «Из-за дождя и поговорить толком нельзя»,

- подумал Федя и пошел за ними.

- Подождите меня, - окликнул их Федя, - у меня для вас новость.

Девушки остановились, чтобы послушать новость, интересно ведь.

- Девчата, я развожусь, - сказал он.

- Нормально, - сказали они, засмеялись и пошли дальше.

«Нет слов», - подумал Федя и посмотрел вслед уходящим девушкам, которые могли смеяться по любому поводу и без него.

Ну нет слов, что тут можно еще сказать, и сказал:

- Да пошли вы!

№17

Федя с Клавкой были приглашены на банкет к его старшему брату Петру, по случаю защиты им докторской диссертации.

Последние несколько лет Федя редко виделся с братом, который все это время был серьезно занят

работой. Тема диссертации говорила сама за себя – «Теория двойного поля», в которой Петру Васильевичу своими нетрадиционными научными исследованиями удалось открыть новое направление в области физико-математических знаний.

– Смотри, Федя, – сказала Клавка, – твой младший брат Митяй тоже здесь.

– А где ж ему быть сегодня, как не здесь.

Федя с Клавкой подошли к нему. Он одиноко сидел на диване и пил коктейль.

– Митяй, неужели это ты? – удивился Федя. – Здравствуй, братец, сколько лет, сколько зим! Как живешь? Ну, рассказывай, где ты пропадал, что у тебя произошло в последние двадцать лет?

Митяй встал, поздоровался, и они обнялись, похлопав друг друга по спине.

– А Петро-то наш прославился, что скажешь? – с гордостью произнес Митяй.

– Что тут можно сказать, молодец Петро!

Всех пригласили к столу. Банкет открыл проректор физико-математического университета Баклажанов.

– Дорогие товарищи, коллеги и друзья, сегодня мы все были свидетелями блестящей защиты Петром Васильевичем гениального открытия, изложенного в своей докторской диссертации на тему «Теория двойного поля». Должен вам сказать, Ученый Совет нашего университета решил представить открытие Петра Васильевича на соискание Нобелевской премии. Мы с гордостью поднимаем бокалы за ваш талант, Петр Васильевич, неподражаемое трудолюбие и неоспоримые достижения, которые прославят и наш университет.

Все захлопали и присоединились к сказанному тосту.

Петр Васильевич весь вечер скромно принимал поздравления и пил, смешивая коньяк с шампанским и пивом. Опьянев окончательно, он подошел к своим братьям, с которыми выпил просто за здоровье, и разоткровенничался.

– Слышь, Федь, не слушай их, я их всех уделал своей диссертацией, а они ни хрена не поняли, потому что тупые как валенки, понял?

– Не понял.

– Эта моя теория – муть, теории вообще никакой нет, Федя, только ты не проболтайся, понял?

– Понял, выпьем?

– Выпьем, за вас.

Три брата выпили и молча смотрели друг на друга. Петро не мог вспомнить, о чем он хотел сказать.

– Петь, ты лучше скажи, как ты додумался до своей теории двойного поля? – спросил Федя.

– А, очень просто, Федь, я взял готовую теорию поля и умножил ее на два. Теория двойного поля, сечешь? Вот что я хотел сказать.

– Ну ты даешь, – похвалил Федя, – это ж гениально!

– В том-то и дело, братцы, все простое... все гениальное просто, – резюмировал Петро.

Федя и Митяй переглянулись.

– Петь, а я бы смог так же, как ты, написать и защитить диссертацию? – спросил охмелевший Федя.

– Без проблем, я и тему диссертации могу тебе подобрать, и твоим научным руководителем быть.

– Какую тему, Петро? Давай сделаем это.

– Тему назовем так: «Теория тройного поля»! Ну как?

– Гениально! – сказал Федя, с трудом ворочая языком, – только у меня нет для этого теории поля, которую, как я понимаю, надо будет умножить на три, так?

– Так.

– Подтверди.

– Правильно, профессор, на три, – подтвердил Петро, – а для этого тебе надо будет просто взять что? Мою теорию двойного поля, разделить всю ее на два...

– А потом умножить на три, – подхватил гениальную идею брата Федя.

– Совершенно верно, академик, – сказал Петро, – считай, докторская диссертация у тебя в кармане.

Федя разволновался, неужели все так просто? Он встал, сунул руки в карманы и обнаружил, что они были насквозь худыми. «Эх, Клавка, Клавка, – подумал огорченный Федя, – и тут ты умудрилась все испортить. Не удержать мне свою докторскую диссертацию в твоих худых карманах, не удержать».

x2x3x4...!!!

Клавка посмотрела на Федю, все поняла и покраснела. Ей впервые было так стыдно за Федю и за себя. Сегодня же зашью.

– Митяй, и тебе что-нибудь придумаем, – продолжил Петро, устало глядя себе под ноги.

– Я уже придумал, братцы, – сказал оживленный диссертациями братьев Митяй, – я твою теорию умножу два раза на пи...

– Переведи.

– Умножу на 3,14... и еще раз на 3, 14... – объяснил Митяй.

Петя тупо уставился на Митяя. Соображая, он думал и, подумав, сообразил.

– Диссертация на тему: «Теория пи-пи». Митяй, такого еще не было, – констатировал ученый Петро, – у нас все получится! Считай, и у тебя диссертация в кармане.

Митяй проверил свои карманы, они были без дыр. «Три академика на одну семью, – подумал он, – ни себе чего». А чего себе? С кем не бывает.

№18

Федя принес Клавке заработок и, похлопав по карману, объяснил, что сорвал в этом месяце большой куш.

– Можешь пользоваться, – сказал он, выкладывая на стол свои гроши.

Клавка пересчитала его скудный заработок и произнесла:

– Не знаю, что и куда ты совал, но здесь большим кушем и не пахнет.

– Никуда ничего я не совал.

– Не пахнет, – повторила Клавка, – не спорь.

– А чем здесь может пахнуть? Просто я сорвал большой куш, чего еще надо?

– Кукиш ты сорвал, Федя, а не большой куш.

– Ладно, кукиш так кукиш, я не обидчивый. Не хочешь, не надо, не можешь, заставим, – сказал Федя и загреб всё себе.

– А ну верни назад! – приказала Клавка.

Федя послушался.

Клавка молча взяла и положила весь его кукиш себе в карман. С тех пор Клавка с кукишем в кармане так и ходит.

– И нате вам вот, – как бы говорит она теперь всем своим видом.

№19

Клавка неосторожно наехала на бордюр и прорвала шину правого переднего колеса. Машина остановилась на обочине дороги с беспомощным водителем.

– Этого еще не хватало, – сказала себе Клавка, – как же я поеду дальше без переднего колеса? Это все из-за Феде, говорил же он, чтобы я ездил осторожней. С ним всегда так, – одно расстройство. Помочь было некому. Она второй час «голосовала», но ни одной машины так и не появилось. Ее голоса исчезали в недосягаемой темноте, и заменить колесо на запасное было некому. «Надо отдохнуть», – подумала Клавка и в час ночи крепко уснула в своей машине.

Утром, проснувшись, она увидела, что запасное колесо стояло на месте поврежденного, а вокруг по-прежнему ни души. «Прямо как сон», – подумала она.

– Черте что, – недовольно бросила Клавка и поехала дальше, так и не додумав до конца и не вспомнив, что же она еще хотела сказать Феде после всего этого?!

– Где тебя носило всю ночь? – недовольно встретил ее дома Федя.

Ну что она могла ему сказать, что все ночь ждала его в машине?

№20

В жизни каждого человека бывают моменты, когда его радует всё, даже сорванный листик орехового

дерева с его специфическим резким ароматом, который так же, как его, человека мгновение, сразу же улетучивается, оставив лишь едва уловимую память о себе.

Мелочи жизни, но они так необходимы нам, людям, которым дана способность чувствовать.

Федя сорвал листик орехового дерева, понюхал его и, ничего не почувствовав, задумчиво пошел домой. «Странно, – подумал Федя, – я всегда чувствовал этот запах, и он мне так нравился, а теперь? А теперь я, наверное, просто забыл его, как понемногу стал забывать все то, что так волновало меня раньше. Я сорвал его и почувствовал, что не почувствовал ничего. Вот все, что я почувствовал, и самое печальное то, что это чувство во мне, наверное, уже навсегда останется со мной».

Маргарита СОСНИЦКАЯ

Дневник Светы Белкиной

Рыбам – море, птицам – воздух, людям – земля.

Азбука Л. Н. Толстого

10 августа

Рыжая ветка

Моя мама, тоже Белкина, – настоящая супермама. Она умеет делать всё: шить, ездить на лошади, печь хлеб, рассказывать сказки и водить автомобиль. Себя она называет Белкиной в колесе.

Едем мы сегодня по дороге, лес впереди зелёным туннелем смыкается, солнце собой закрывает. Вдруг ветка жёлтая на дороге.

– Странно, – говорит мама, – на дворе август, а ветка осенняя, – и притормаживает на всякий пожарный.

Вдруг ветка прыгает.

– Белка! Белка! – кричу я.

Автомобиль делает вираж, и белка с воздушным изогнутым хвостом успевает скрыться в лесу.

– Слава Богу, притормозила! – радуется мама. – Не то, чего доброго, задавила бы белку!

19 августа

«Котёнок»

Мы с мамой ехали в электричке, а рядом старушка в белом платочке, её дочка и дочкин сыночек, совсем маленький, чуть выше сиденья, мальчонка с белыми мягкими волосиками. Мальчику скоро надоело сидеть на месте, и он стал хныкать. Мама и бабушка уговаривали его, утешали, пряник давали, а он всё хныкал и хныкал.

Тогда я отвернулась к окну и промяукала котёнком.

Мальчонка затих.

Я мяукнула ещё.

– Киса! – обрадовался он и пошёл по вагону искать котёнка. Заглядывал под ноги пассажиров и звал: – Киса, киса! Кис-кис-кис! – а потом поворачивался к маме, которая следовала за ним, разводил ручонками и удивлялся: – Нет кисы!

25 августа

Беглянка

Вокруг Москвы горят леса. По радио говорят, триста гектаров объаты пламенем. Город затянут дымовой завесой, люди и звери задыхаются.

А на даче небо ясное, пожар сюда не дошёл или обошёл, и мы дышим свежим воздухом. Утром выхожу на веранду, она открыта, – а там белка. Маленькая, рыжая-рыжая, хвост – сказка.

– Белка! Белочка! – захлопала я в ладоши и подпрыгнула от радости.

Белочка мне, однако, не обрадовалась, метнулась с веранды в арку, увитую лимонником, тремя прыжками преодолела участок и скрылась в кустах.

– Белка? – вышла на веранду мама. – Откуда в здешних краях белка?

А белки бегут от пожара, спасаются как могут, вот и до нашей веранды добежали.

2 сентября

Кротёнок

Крохотный, с чёрной блестящей шерстью, он лежал возле норки на траве, с которой ещё не сошла роса. Его загрыз наш кот.

В голове не укладывается, как это мягкое, пушистое существо, которое так уютно спит на кресле и ласково мурлыкает, глазом не моргнув, загрызает братьев своих меньших, таких же четырёхлапых, как он сам? Ещё вчера Рысик залез в пакет и не мог выбраться. Шуршал, катался, искал выход и не находил. Небось, по-кошачьи ругался про себя, как в кино: «Замуровали, бесы!» Мы смеялись: большой кот, а хуже ребёнка – из пакета не вылезет. Я бы сразу вылезла. Пришлось кота вытаскивать.

И вот этот добродушный всеобщий любимец загрыз кротёнка и мирно растянулся на веранде, на той половине, куда падало солнышко.

– Рысик! Подлый! – накинулись мы на кота. – Как ты мог?!

Но кот скрылся под верандой раньше, чем получил от меня совком по спине.

– Он не виноват, – вздохнула мама и взяла лопату. – Он же кот, а не святой; он кротёнка за крысу принял.

Она копнула землю, я сорвала большой лопух – да будет он кроту пухом; мы завернули его и закопали.

Из земли пришёл – в землю ушёл.

Постановление о кротах

Белкина-старшая, она же главная, она же мама, рассказывала, как в некоем городе, Канту, случилось нашествие кротов. И городские власти постановили: поймать всех кротов и живыми закопать в землю...

Так кротам в Канту пришли кранты.

15 сентября

Путешествие кота

В самолёте везли кота в клетке. Он, большой и взрослый, свернулся, как маленький котёночек, и с опаской озирался по сторонам. От еды и воды отказался, всю дорогу так и просидел комочком. Более беззащитного существа нельзя себе представить – бери и делай с ним что хочешь. Теперь у меня есть брат, не тот, которому надо ходить в сад, в школу, затем в армию, а мой личный, чтоб я его гладила и никогда с ним не расставалась. Жаль только, он никогда не станет взрослым. Кот – всегда ребёнок.

15 октября

Кот и ящерица

Было солнце.

Рысик лежал в траве. По стене из грубого камня снизу вверх юркнула серая ящерица, за ней другая. Кот с места прыгнул на стену, будто его катапультировали, сцапал ящерицу и упал в траву. Он ласково держал змеиную головку ящерицы двумя лапами и рассматривал, наклоняя мордочку то в одну, то в другую сторону. Взял в зубы ящерицын хвост, осторожно оторвал и съел. В зубах отнёс обрубок ящерицы на камни и принялся с ним играть: отпустит, ящерица побежит, он – раз, остановит лапой. Снова потреплет в зубах и отпустит. Ящерица бежать – а он опять её лапой накроет.

Внимание кота отвлекла муха. Он поводил за ней глазами, как бы раздумывая, кидаться или нет, но муха улетела, и он снова занялся ящерицей. Легонько покусал её – она уже не пыталась бежать, беспомощно лежала белым брюшком кверху и судорожно дышала. Кот лениво перевернул её на живот. Всем своим видом ящерица показывала: я такая беспомощная, покорная; неужели ты, зверь, растерзаешь меня? А если я подставлю тебе лапку, может, ты сжалишься и отпустишь в траву ловить мошек и букашек? «Ах, – вдруг мелькнуло в глазах ящерицы, – бедные мошки-букашки! Ведь и им было больно, когда я ими завтракала. Бедный, бедный кот, он и не знает, что творит!»

Снова, нахально жужжа, подлетела муха. Кот нацелился в неё лапой и не заметил, как сомкнул зубы и в них что-то хрустнуло.

Ящерица молилась за кота и не сразу сообразила, что хрустнул её позвоночник.

19 октября

Моя мечта –

обзавестись коровой, собакой, козлятами и ещё парой котов попушистее. Совами, белками и змеями я обзаводиться не хочу – они дикие, с человеком не живут, а живут в лесах. Там им лучше, чем с человеком.

Уж как бы я любила мою коровушку! Гладила бы её, мыла, бубенчик на шею повесила – жаль, бантик нельзя повязать: корова всё-таки не кот. Научилась бы её доить. Раз, два, три – и брызнуло в ведёрко парное молоко! А бабушка говорила, это совсем непросто – доить, и надо иметь силу в руках. Всё равно бы научилась и поила бы друзей настоящим молоком. Первые друзья – котята. Козы тоже хорошие, они вполне смыслённые. А собака нужна для преданности и охраны – козу и корову от чужих беречь.

Ещё забыла про лошадь. Лошадь моей мечты должна быть белой (правда, говорят, белых лошадей не бывает), на длинных тонких ногах и с мягкой, тёплой мордой.

25 октября

Гуси-лебеди

В сказках лебедей почему-то называют гуси-лебеди. Когда они плывут по воде, а вместе с ними их отражения, каждый похож на Царевну-лебедь, как в сказке Пушкина. Каждому из них можно надеть золотую корону. Каждый из них волшебный, потому что превращает воду в зеркало.

А так они прожорливы. Люди в парке бросают им хлеб, они жадно его ловят и глотают, и даже дерутся между собой из-за куска. Если людей нет, подплывают к самому берегу и ждут.

Однажды трое лебедей вышли из воды и направились к мальчику лет трёх. Тут я поняла, почему лебеди – гуси. Они так грузно и неуклюже переваливались с лапы на лапу – три таких жирных жарких с широкими перепонками на лапах. Лебеди были велики, выше мальчика, и вытягивали шеи, выпрашивая булки. Булки не было, и мальчик испугался и заплакал. Мама взяла его за руку и повела прочь. Лебеди долго ковыляли за ними следом, пока не кончилась поляна.

1 ноября

Смерть зайца

Это озеро окольцовано дорогами, заборами, загородками, калитками, железными воротами, открывающимися по мановению телепульты. Как подступиться к нему зайцу или косуле, которые ещё не вывелись в здешних лесах? Как попить водицы или искупаться? Или зайцам и парнокопытным не надо умываться? Но у Мойдодыра умываются все, кроме грязнули.

Большие дороги со встречным движением здесь разделены бетонным забором – маме до пояса, мне до подбородка. Мама ворчит:

– Польза от него нулевая. Если тебя выносит на встречную полосу, а она пуста, без забора есть шанс выйти сухим из воды. С забором этого шанса нет, с забором ты становишься мокрым местом. Зато перегородка гарантирует, что и на тебя никто из встречных не налетит, а разобьётся об неё сам. Шансы – ноль: ноль. А сколько народных денег потрачено на этот ноль.

Но деньги потрачены ещё и на ловушку для зайцев. Едем раз, все несутся на бешеной скорости: и наша машинка, и большие фуры. И вдруг вижу – вдоль этой стены-забора зайчишка мечется, серый, хороший. Поскачет вправо, влево, вверх подпрыгнет: везде – спереди, сбоку – стена, а сзади несутся фуры.

– Мама-а-а-а! – кричу. – Заяц! Надо спасать!

– Ка-а-ак?! – кричит мама. – Разворот километров через двадцать, да и как я тебе с той стороны через забор перелезу – машины летят бешеным конвейером?!

Так и остался зайчишка под этой страшной стеной-забором. А ведь, небось, хотел к воде пробиться.

1 декабря

А зверям что?

Пишет Лев Толстой: «Рыбам – море, птицам – воздух, людям – земля», а животным? Про зверей Лев Толстой забыл? Для них желудки и животы тётей и дядей? Потому они и животные, что для животов?

Мама говорит, Лев Толстой мяса не ел. А значит, уважал животных.

28 декабря

Страсти

Смешно дрались раки. Они обитали в большом аквариуме рыбного отдела в магазине. Широкие клешни их были схвачены клейкой лентой, но они всё равно дрались. Один сидел в углу аквариума на песчаном дне, а другой, сколько мог, давал заднего ходу, смешно расставлял на песке ноги и налетал на него сзади. Тот защищался, и клешни их встречались, как мечи – крест-накрест. Было смешно и жалко обоим.

Подошла толстая тётя и рукой в кольцах показала на нападающего. Продавец его поймал сачком и положил на весы.

5 января

Мир рядом

(написано на отдыхе)

Машину надо оставить у подножия, а наверх добираться по канатной дороге или полтора часа пешком. На горе этой живут по особому уставу, диктуемому местоположением. Даже чудно представить, что

в часе езды отсюда kloкочут дороги, вокзалы, станции. А здесь люди свили гнездо на вершине одинокой горы, но в узких улочках их не увидишь. Основные прохожие здесь – чёрные козы, козлы и бараны. Реже кони. На людей они не обращают внимания. Из машин сюда добрался бы вертолёт, да только сесть ему было бы негде.

В зимние месяцы здесь выживает снег, не тает, как внизу, едва успев выпасть. Вот мы и ездим туда в поисках зимы – поиграть в снежки, покататься на санках. Но это мы. А так селение славится рестораном. С дальнего мира сюда приходят подышать горным воздухом, а после набить брюхо кашей с оленьим мясом. Олени живут в лесах дикарями.

Мы пришли, когда принесли свежатину. Ею оказался оленёнок. Он был повешен на палку за ноги, связанные в пучок, вниз головой. Оленёнка положили на землю так, что голова его оказалась на ногах. Он лежал с печально закрытыми глазами, будто глубоко спал и видел грустный-грустный сон – что он уже не олень, а кусок мяса.

12 января

Игра –

Мы играли в собаку и кость. Я была собакой, а братик костью. Собака залаяла, зарычала и схватила кость за ногу. Кость заплакала.

- Я так не играю, – бросила собака добычу. – Кости не плачут.
- Давай теперь я буду собакой, – сказал братик, – а ты костью. И узнаешь, плачут кости или не плачут.

12 февраля

Как на Славика именины

Славику исполнилось три года. На кухне готовили всякую всячину и красиво раскладывали на блюдах. Нас покормили простой овсянкой и велели до прихода гостей всячину не трогать. Но Славик время от времени забегал в кухню, стаскивал с блюда кусок получше, заталкивал себе в рот и убегал. Славик маленький, а рот у него большой – туда и целое пирожное поместится. Наконец Славика одели в костюмчик; на шею – синюю шёлковую бабочку. Пришли гости, принесли подарки. Когда все собрались за столом и запели «Каравай, каравай, кого хочешь, выбирай», внесли торт с тремя свечами.

– Задуй! – закричали Славику. – Задуй свечи!

Он напыжился, будто хотел разреветься, и задул свечи. Все громко захлопали, а он испугался и спрятался под кровать.

1 марта

Кто?

Мария Ивановна вошла в класс, достала белый лист, долго шуршала им в тишине и наконец объявила:

– А сейчас напишем диктант.

Я испугалась и проснулась. Пора было в школу.

Первый урок – русский. Мария Ивановна вошла в класс, достала белый лист, долго шуршала им в тишине и наконец объявила:

– А сейчас напишем диктант «Собака – друг человека».

Они что, сговорились?! Но кто «они»? Марья Ивановна и кто?

Кто?

5 мая

Перепись

Пришёл человек и стал задавать маме вопросы: когда родилась? где? национальность? сколько детей?

- Русская. Трое, – отвечала мама, и человек все её ответы в большую бумагу вписывал.
- Из них остались живы?
- Трое.
- Как? – удивился человек. – Все живы? Никто не умер?
- А что, кто-то должен был умереть? – теперь удивилась мама.

– По среднестатистическим данным, обычно из трёх хоть один умирает.
– У меня не умер, – нахмурилась мама. – Как бы он у ВАС не умер.
– А я-то при чём? – не понял человек.
– А притом, что мой старшенький в армии служит. Пока ещё не... – и тут моя супермама произнесла длинное слово... «дембензиновался», «гдзасеновался»... не поняла я точно. Только брат как ушёл, так ещё не вернулся.

Человек собрал бумаги, пожал маме руку, даже поклонился как-то и, понурившись, вышел.

1 июня

Как пёс спас котёнка

Пёс наш Бублик был как все псы: лаял на чужих, не подпускал к своим и гонял котов.

Соседка баба Маня хотела закопать котят, которых привела её кошка Муська. А мы с девчонками увидели, как она принесла их в узле в огород, положила на землю и стала копать яму. Котята пищали и, хоть и слепые, из узла норовили вылезти. Мы к бабе Мане:

– Отдайте нам котят!

– Да мне, что ль, жаль, чумные, забирайте. Подрастут – бродячие собаки порвут. А мне только легче – яму копать не надо.

И мы с девчонками котят разобрали. Я притащила своего домой, устроила в коробке из-под туфель, поила из пипетки. А котёнок квёлый, лежит и даже не пищит, головёнку уронил на лапы и не поднимает.

– Не жилец, – сказала мама, – и кличку незачем давать.

Бублик тоже подошёл к коробке. Потрогал котёнка лапой, тот не пошевелился. Тогда Бублик осторожно взял доходягу в зубы – котёнок повис, точно дохлый. Я с перепугу язык проглотила: думала, сожрёт Бублик котёнка. А он унёс его к себе на подстилку, свернулся бубликом (это он умел, за это его так и прозвали) и зарыл в своей шерсти где-то под брюхом. Так они и пролежали всю ночь, в тепле и не в обиде.

А утром подхожу, котёнок ползает по Бублику, мурлычет и шерсть ему лижет язычком маленьким, розовеньким. Бублик только щурится.

– Жилец, жилец! – кричу я и бегу докладывать маме.

Так мы котёнка и назвали: Жилец. Вырос он в роскошного котяру и с Бубликом крепко дружил. Собак не боялся; даже к самой злой подходил, по-хозяйски обнюхивал, и собака хвостом виляла. Или собаки только на трусов нападают?

Конец дневника

Роза АБРАМЯН

Гулька

Рассказ

Ура! Наконец-то после долгих скитаний по чужим углам мы получили квартиру – свою, четырёхкомнатную, с балконом и лоджией, на четвёртом этаже нового пятиэтажного дома.

И ничего, что нам пришлось убирать строительный мусор, наваленный прямо за входной дверью так, что она едва открывалась и мы не могли занести вещи, что пришлось отмывать заляпанные известью и краской стёкла окон и линолеум на полу, менять треснутый унитаз, отмывать раковины и ванну, добавлять к батареям отопления секции, так как их было только по две в каждой комнате.

Время было летнее. Я взяла отпуск, у детей были каникулы, в помощь нам приехали моя мама и сестра. Общими силами, возмущаясь и радуясь, за месяц мы привели квартиру в жилой вид. Ещё предстояло оклеить стены обоями, купить мебель в кредит, а также много-много необходимого для нормальной жизни.

А пока наступило время отдыха и блаженства, когда по вечерам мы сидели на лоджии, пили чай, строили планы на будущее, рассчитывая свои силы и возможности для дальнейшего благоустройства. Наговорившись, молча следили за облаками, которые в несколько минут, меняя свои очертания, превращались то в разных зверей, то в горы, то в сказочных великанов.

Однажды поздним вечером, готовясь ко сну, я услышала тихий стук на лоджии, приоткрыла дверь и увидела, что по полу с трудом скачет голубь. Осторожно вышла, чтобы не спугнуть залётного гостя, но он и не пытался улететь, так как не мог. Взяв его в руки, обнаружила, что его ножки крепко связаны вместе красной и чёрной катушечной нитью, которая уже впилась в кожу. В ванной я маникюрными ножницами срезала нитки, вымыла лапки, вытерла, подержала птицу в ладонях, чувствуя, как тревожно бьётся маленькое сердечко.

На ночь на лоджии я установила большую картонную коробку, в одном углу постелила мягкую тряпочку, а в другом – поставила блюдечко с водой и насыпала хлебных крошек. В таком импровизированном гнёздышке провёл голубок двое суток. На третьи сутки, рано утром я услышала: «гуль-гуль-гуль...»

«Это же мой Гулька, – догадалась я, – да, Гулька, теперь у него есть имя». Он выбрался из коробки, скакал по полу, гулил, но летать ещё не мог. Я разговаривала с ним, кормила его, позднее даже с руки. Гулька уже узнавал меня, часто, притихнув, смотрел, как будто всё понимая, но до конца не доверял, потому что его обидел человек.

Прошло две недели. Я очень привязалась к голубочку, но однажды утром я не услышала привычного «гуль-гуль-гуль» и не увидела своего Гульку. Он улетел... Чувства сожаления, досады и радости боролись во мне. Но ведь он снова жил по своим законам, своей птичьей жизнью!

В конце лета мы вынесли на лоджию ящики из под овощей и винограда. Ранним тёплым осенним утром сквозь сон я услышала «гуль-гуль-гуль...». Сон или явь? Да это же мой Гулька, он зовёт меня! Выглянув в окно, увидела его в одном из ящиков. Он скакал и оглядывался, затем улетел.

Приблизительно через час он прилетел снова, да не один, с подругой. В клювах они принесли то ли соломинки, то ли маленькие веточки. «Они хотят свить гнёздышко», – догадалась я. Но это было невозможно, так как мы планировали застеклить лоджию и установить сеточку на среднем окне. Голубки улетели, а отчаянью моему не было предела! Как поступить?

Они прилетели снова и опять с ношей в клювах. Я стала уговаривать Гульку не делать этого, свить гнёздышко где-нибудь в другом месте – как будто он мог понять меня. Но они недослушали и улетели.

Когда голубки прилетели в очередной раз, мне скрепя сердце пришлось прогнать их. У них была ещё одна попытка, но я поступила так же, хотя мне было непросто это сделать. Больше они не появлялись...

Прошла осень, настала снежная зима, и однажды утром я услышала непонятные звуки, будто кто-то стучал в стекло. Быстро выскочив из тёплой постели, вышла на лоджию, уже остеклённую, и увидела, что это Гулька бьётся в морозное стекло. Я пыталась открыть замёрзшее окно, снять сетку, но это было мне не по силам. Гулька ещё несколько раз побился о стекло, а потом улетел. Я с отчаяньем смотрела ему вслед, слёзы сами текли по щекам, было досадно от собственного бессилия.

До сих пор, выходя на лоджию, вспоминаю своего Гульку и думаю: «Ты понял меня? Ты простил меня? Как ты и где ты теперь?» Но ответа нет.

Всё это случилось много лет назад, но чувства сожаления и вины не проходят...

Нерон

Была война. В наш южный город приходили на отдых и переформирование войсковые части, уже побывавшие на фронте, узнавшие цену тогда ещё небольших побед, потерявшие друзей-однополчан.

Однажды утром мы обнаружили, что площадь, которая находилась через дорогу от нашего двора, огорожена высоким забором из крепких широких досок, плохо пригнанных друг к другу. Через щели мы, любопытные дети, увидели лошадей, с которыми занимались люди в штатском. Лошадей гоняли по кругу, заставляли прыгать через препятствия, понимать команды. По-видимому, это был кавалерийский полк.

Через месяц забор исчез, площадь опустела, а за ней появилось новое ограждение с пропускным пунктом. Там располагалась уже другая воинская часть.

Двор наш был большой, с огромными крепкими деревянными воротами и калиткой, которая закрывалась на ночь на железный засов. Вдоль двора по обе стороны располагались квартиры, в которых жили семьи, в основном с детьми. Справа – еврейская семья с двумя сыновьями, две русские семьи с дочками и ещё пожилая бездетная пара. Слева – армянская семья с сыном и двумя девочками, украинская семья с дочкой, эвакуированная молдаванка Мария с тремя девочками и ещё немолодая женщина с больной ногой, передвигающаяся на костылях. Торцовую сторону двора занимала глинобитная стена, отделяющая наш двор от соседнего.

Наша семья вселилась в двухкомнатную квартиру с большой застеклённой галереей, подполом, или погребом, с десятью ступенями, ведущими вниз, чистым, просторным, с электрическим освещением и отдушиной в углу торцовой стены, выходящей на улицу. Из квартиры было два выхода: один парадный, на улицу, второй – во двор. Это была лучшая квартира в нашем дворе. До нас она принадлежала немецкой семье, которую выслали.

Впервые, открыв дверь во двор, я увидела довольно крупную собаку какой-то солнечной масти, с большими ушами, сильными лапами и умными глазами, которыми она с любопытством смотрела на меня, затем подошла, принюхалась и по-хозяйски легла на пол в галерее.

Как потом выяснилось, собака принадлежала прежним хозяевам теперь уже нашей квартиры, и звали её Нерон. В семье был мальчик, и собака была к нему очень привязана. Он кормил её, играл с ней, разговаривал и часто говорил ей: «Нерон, ты мой, ты немец, немец!». И собака запомнила это слово.

Вскоре мы с ней подружились. Мне нравилось говорить ей: «Нерон, улыбнись!» – и она растягивала губы, а концы их поднимались вверх.

Из галереи во двор вели пять ступенек лестницы, справа от которой стоял большой ящик с подстилкой и миской – это была «квартира» Нерона. Когда было жарко, собака подходила к нашей двери, хозяйским ударом сильной лапы открывала её и ложилась в галерее на пол. Все обитатели двора любили её за чудесный добрый нрав, чистоплотность, за дружбу с детьми и за то, что попусту не лаяла ни днём, ни ночью, не нарушая их покой.

В правом незаселённом углу двора, огороженном невысоким забором с калиткой, располагался небольшой сад. В нём были плодовые деревья – абрикос, слива, инжир, а вдоль задней стены – небольшой виноградник. По углам росли две сосны. Дорожки были посыпаны песком, огорожены битым кирпичом.

В центре садика были кусты роз – белая, красная и почти чёрная, а по переднему периметру забора цвёл огромный куст великолепных чайных роз. Всё это ранее принадлежало немецкой семье.

По утрам у калитки раздавалось громкое: «М-а-л-а-к-а», и хозяйки торопились к молочнице, чтобы купить молочные продукты.

Днем приходил старик с мешком и нараспев объявлял: «Старый обув, бутылки, банки пок-па-им!» Забирая то, что ему приносили, платил за товар звенящей мелочью, которую забирали дети на мороженое, или для следующего посетителя, который приходил ранним вечером. Это был пожилой человек, скорее, уже демобилизованный, залечивавший раны. Он молча проходил на середину двора, доставал баян, садился на его футляр, клал перед собою на землю шапку и начинал играть. Это были мелодии фронтовых и русских народных песен. Обитатели двора, кто сколько мог, бросали в шапку деньги. Поиграв с полчаса, он вставал, кланялся молча, собирался и уходил.

Иногда, приходя с работы пораньше, мой папа говорил маме: «Ай, арвад (Эй, жена), где мой парадный костюм?» «Костюм» – это белая майка и старые чесучевые брюки. Затем созывал детей и начиналась уборка двора. Мы подметали, а он из шланга, соединённого с дворовым краном, тоненькой струйкой воды поливал двор.

Работали быстро и весело. Затем, помыв под краном руки и ноги, садились на чистые ступеньки, ведущие в квартиры. Дети пели и танцевали, иногда по одному, а иногда все вместе. Нерон смотрел

внимательно и лишь успевал поворачивать голову (морду) за танцующими.

Родители громко хлопали в ладоши, а после концерта угощали «артистов» кто чем мог. Так старались они оградить детей от мыслей о войне. Все жили дружно, несмотря на возраст, национальность и вероисповедание.

Но однажды случилось непоправимое. Мимо нашей открытой калитки шли двое мужчин. Один из них был штатский, а другой – военный, в форме, с орденами и медалями на груди. Он громко, оживленно что-то рассказывал и вдруг воскликнул: «Немец, немец!» Нерон с весёлым лаем бросился к нему, но перепуганный вояка достал пистолет и выстрелил в собаку, а когда она отбежала, сделал ей вслед несколько выстрелов во двор, полный детей, к счастью, никто не пострадал.

Тут выбежала молдаванка Мария, схватила военного и начала трясти, приговаривая: «Ты что же делаешь, сволочь?! Я своих детей, спасая от немцев, привезла сюда, а ты в них стреляешь? Да я с тебя все награды снимаю, пойду в военную комендатуру и расскажу, как ты воюешь в тылу с собакой и детьми!». Штатский с трудом оторвал её от вояки, который побледнел, уже остыл и осознал свой поступок. Видимо, сдали нервы, после всего, что он пережил на фронте. Пытался объяснить, извинялся, что-то торопливо говорил, но за гневными голосами сбежавшихся родителей ничего уже невозможно было понять.

Дети, опомнившись, стали искать Нерона. Увидев дорожку из капель крови, которая вела через весь двор, они, ориентируясь по ней, бежали через забор в соседний двор, затем на улицу, до самого угла квартала, где ходили трамваи. Следы привели их через дорогу к аптеке, у дверей которой лежал Нерон с кровоточащей раной в лопатке передней лапы.

Старшие дети быстро сбегали за мешком, на который осторожно переложили собаку и понесли, а младшие шли рядом и плакали. Слёзы текли и из глаз Нерона, но он молчал и как будто спрашивал: «За что?».

Во дворе собаку уложили в его «квартиру», взрослые промыли рану и даже пытались её перевязать. В одну миску налили воду, в другую положили еду. Нерон смотрел на всех грустными глазами, полными слёз, и будто хотел понять, за что же его так... Он долго лежал неподвижно, иногда вздрагивая от боли. Позже попил воду, но есть не стал. Дети не отходили от него до самой ночи. Так потянулись тихие грустные дни в нашем дворе.

По долгу службы папу перевели в другой город, и мы уехали. Квартира оставалась за нами. Помню, перед отъездом я долго разговаривала с Нероном, и он будто понимал меня. Я обещала вернуться и просила его побыстрее выздоравливать.

А когда мы вернулись через два года, Нерона уже не было. Мне рассказали, что он долго не мог оправиться от ранения. Дети кормили его, промывали рану, которая потом загноилась. Родители были недовольны, так как боялись гнойной инфекции.

Не знаю, почему взрослые не показали собаку ветеринару и не лечили её по-настоящему. Но шла война, и у каждого были свои заботы.

Нерону стало совсем плохо. Он не вставал, не ел, иногда жалобно скулил, но дети не покидали его. Однажды поздно вечером дядя Армане, отправив своих троих детей домой, подошёл к Нерону. Никто не знает, что он ему говорил, но в конце громко крикнул: «Уходи, чтоб я тебя больше не видел!».

Утром дети пришли навестить больного, но их любимца на месте не было. Он ушёл ночью, и его больше никто не видел. Я плакала, гладила на двери полосы от собачьих лап, тихонько звала по имени. Но Нерон меня уже не слышал...

Ирина КОРОТЧЕНКОВА

проект осуществляется при поддержке компании Orange

Продолжение. Начало в №11.

Прогулки по Шанхаю

Чайная церемония

Моим друзьям, истинным ценителям зеленого чая.

Когда в Корее меня угощают зеленым чаем, я обычно говорю: «Ну, давайте, выпьем ваш типа зеленый чай...» Здесь зеленым чаем (нок ча) называют все, что угодно – какие-то семена неизвестных мне растений, измельченные фрукты и ягоды или просто сушеные травы с оригинальным вкусом. Конечно, если поискать, то в отдельных супермаркетах можно купить настоящий зеленый чай из По-Сонга, например, – района в нашей южной провинции, где его выращивают. В корейских ресторанах, в отличие от китайских, на стол всегда ставят просто холодную воду, так исстари принято в Корее. После еды вам могут подать холодный напиток из корицы. А при выходе из ресторана стоит автомат, где можно налить себе бесплатный кофе, который в наши дни предпочитают пить корейцы. Поэтому, бывая в Китае, Японии, Тайване или Гонконге, я всегда покупаю зеленый чай в невероятных количествах, посылаю его дочерям, которые к нему пристрастились (гены, наверное!), и привожу на родину, чтобы угостить родных и друзей.

В горах Кореи, рядом с Буддийскими монастырями, есть чайные домики, где для вас проведут чайную церемонию по всем правилам и угостят хорошим зеленым чаем. Хотя чай, скорее всего, предложат

только одного сорта. Но ведь это надо ехать в горы... Как-то моя корейская подруга привела меня на выставку зеленого чая в нашем городе Гвангджу. Вот это был рай для истинных ценителей чая! Я встретила там друзей, которые затащили меня на церемонию жарки зеленого чая. Два часа, под руководством опытных учителей, я простояла на коленях возле огромного керамического чана, прогретого до 60 градусов Цельсия, подсушивая свежие листья чая и вдыхая их изумительный аромат. Мы нежно мешали листья, прижимали их к разогретой поверхности чана, собирали в шарики и раскатывали на холсте, а затем снова жарили. Через пару часов чай был готов и разделен между всеми участниками процесса. Когда я заварил его дома, то поняла, что лучшего чая я в жизни не пила. Пока не попала в Шанхай.

В Шанхае я первым делом потащила мужа в огромный супермаркет и накупила

Ромео и Джульетта – в бокалах (Шанхай)

множество видов зеленого чая, самого дорогого, а по корейским меркам дешевого до неприличия. Как-то, обедая с участниками конференции в одном из ресторанов Шанхая, мы попросили подать нам зеленый чай.

– Какой вам чай заварить? – поинтересовалась официантка. – Жасминовый, Оолонг с женьшенем, простой Оолонг или, может, Пуэр?

– Вот это класс! – заметила дама из Германии. – Сразу чувствуется, что мы в Китае. У нас в Европе, если попросишь зеленый чай, тебе принесут кипяток и плюхнут туда пакетик. А что там за чай, никто не знает.

Однажды Дэвид, наш бессменный шанхайский гид, привез нас в район Chenghuang Temple, построенный в настоящем китайском стиле – красные здания, украшенные резьбой по дереву, покатые черепичные крыши-пагоды, драконы, львы и множество иностранцев, скупающих сувениры в этой туристической «Мекке». Дэвид поинтересовался, куда бы мы хотели пойти: на шёлковую фабрику,

в магазин, торгующий нефритом, так популярным в Китае, или на чайную церемонию? К концу дня все были очень уставшие, поэтому небольшая группа единомышленников, любителей зеленого чая, выбрала чайную церемонию. Пока мы поднимались в лифте на крышу одного из зданий, Дэвид рассказывал, что в Шанхае ты можешь зайти в любой чайный дом и продегустировать все виды чая, которыми там торгуют, причем покупать не обязательно. Этим правилом любят пользоваться шанхайские старушки. Они приходят в такой вот домик, сидят там целый день и угощаются хорошим чаем, причем бесплатно.

Чайный домик, в который мы пришли, отличался от всех виденных мною ранее на улицах Шанхая. Он располагался на крыше здания, откуда открывался замечательный вид на город, и представлял собой довольно большой павильон в национальном китайском стиле. Наша небольшая группа жаждущих выпить чая расположилась за длинным столом, к нам подошла молоденькая китайка, представилась и сказала, что проведет для нас чайную церемонию. Она начала с того, что ополоснула два бокала на высоких ножках горячей водой, бросила в один из них чайный кругляшек, а в другой – чай, напоминающий кокон, и наполнила бокалы водой. Уже через минуту и шарик, и кокон раскрылись в виде необычайных цветов.

– Это жасминовый чай, который мы называем Ромео (в виде кокона) и Джульетта (шарик). Этот чай имеет очень тонкий аромат жасмина, – рассказывала девушка, подливая нам в крохотные чашечки ароматный напиток. – Есть еще бэби жасминовый чай, кругляшки там совсем маленькие, но аромат такой же. Для заварки зеленого чая вода должна иметь температуру примерно 85 градусов Цельсия. Если вы зальете чай кипятком, вкус его будет горьковатым, а аромат совсем другим. Заваривать хороший зеленый чай можно до семи раз, при этом ни вкус, ни аромат не теряются. Я, конечно, не имею в виду чай в пакетиках. Это вообще не чай, и пить его вам не рекомендую. Хранить зеленый чай необходимо в холодильнике, а лучше в морозильнике, иначе он через пару месяцев потеряет свои свойства.

На выставке чая – 2 часа непрерывной работы, и чай готов! (Гвангджу, Корея)

– Расскажите о целебных свойствах зеленого чая, – попросил кто-то из нашей группы.

– В Китае в течение многих тысячелетий люди пьют зеленый чай, считая его необычайно полезным напитком. Это не только прекрасный антиоксидант, предотвращающий старение организма и препятствующий возникновению рака и многих других заболеваний, он помогает при болезнях сердца, нормализует кровяное давление и снижает уровень холестерина в крови. Это также освежающий и тонизирующий напиток, дающий жизненную энергию. В жару он охлаждает, а в холод согревает. С помощью зеленого чая древние китайские красавицы сохраняли свою красоту. Он очень полезен для кожи, поэтому его не только пили, но им умывались и ополаскивали волосы, что я рекомендую делать и вам. Лица у древних красавиц были белоснежные, кожа светилась, как жемчуг, а волосы поражали густотой и блеском.

– Мы продолжим пробовать разные сорта чая, а я вам буду о них рассказывать. Итак, наша гордость – женьшеневый чай Оолонг (Ginseng Oolong tea). В Китае есть много видов чая Оолонг. Это – полуферментированный чай, он сложен в обработке и встречается реже. Только не у нас, в Шанхае. Именно здесь мы производим Оолонг и предпочитаем его другим видам чая благодаря его необычайно целебным свойствам. Оолонг с женьшенем – один из лучших напитков. Он обеспечивает детоксикацию организма, нормализует все жизненные процессы, снижает вес и дает энергию, хотя имеет слабое послевкусие. Заваривать его необходимо водой, имеющей температуру 95 градусов Цельсия, в отличие от остальных видов чая, – продолжала рассказ наша ведущая чайной церемонии, подливая нам все новые и новые порции чая.

Следующий чай называется Колодец Дракона (Dragon Well Green Tea). У него есть небольшой привкус дерева, но он также считается одним из лучших. А вот это чай Лиши (Lishi tea), он немного сладковатый. Чай Напсусонг (Napsusong tea) – на любителя. В нем присутствует аромат копченостей.

Мы неспешно дегустировали разные виды чая, с удовольствием выпивая чашечку за чашечкой, и вся усталость этого суматошного дня постепенно исчезала.

– Какие еще сорта чая популярны среди жителей Шанхая? – спросила я.

– Самый знаменитый шанхайский сорт чая – это Оолонг Йинг (Oolong Ying tea), он действительно очень популярен. Его отличают длинные листья, так его можно сразу распознать. Есть Оолонг Йинг зеленый, есть жасминовый, а есть красный. Этот чай очень ценится, так как растет он высоко в горах на чайных кустах, листья которых красного цвета. Истинные ценители чая его хорошо знают и любят. Сейчас мы его продегустируем.

Во время всей церемонии я не только наслаждалась, пробуя различные виды чая, но и вела записи. К этому времени я уже купила несколько сортов чая, и мне очень хотелось знать, был ли правильным мой выбор.

Реклама чая. До чего ж хороша!

– А сейчас вы попробуете наш последний чай – это король всех чаев, Пуэр! – с гордостью представила нам молодая китайка этот знаменитый чай, отковыряла от спрессованной таблетки небольшой кусок и заварила. – Еще с древних времен Пуэр являлся любимым напитком королевских особ и буддийских монахов, которые славились своим долголетием и мудростью. Все свойства Пуэра до сих пор полностью не изучены. Их много, но мы точно знаем, что этот чай уменьшает сонливость, делает глаз зорким, а ум ясным, снимает жар, проясняет сознание, нейтрализует яды и отрезвляет. Это не обычный чай, он изготовлен по специальной технологии. Подсушенный зеленый чай хранят в теплой атмосфере многие годы, в течение которых происходит ферментация. Чем старше Пуэр, тем ценнее его свойства, а уникальным он становится после 10 лет хранения. По сути, Пуэр – ферментированный чай с особым привкусом чуть гниющего дерева. К нему нужно привыкнуть, а если привыкните, не пожалеете. Жить

вы будете долго и пребывать в добром здравии. Первую воду, которой заливают Пуэр, необходимо слить, а затем добавить свежей воды. Этот чай нельзя держать в холодильнике, так как процессы ферментации в нем все еще идут. Его можно хранить хоть сто лет, от этого он только улучшится. У нас в Китае вы можете купить Пуэр разной выдержки – трехлетний, десятилетний и пятнадцатилетний. Есть, конечно, Пуэр и постарше, но он очень дорогой. Три года – минимальный срок для выдержки Пуэра. Если ему нет трех лет, то при заварке он будет светлым. А настоящий цвет Пуэра – насыщенный, темно-коричневый. Чем старше этот чай, тем темнее будет цвет.

Мы долго благодарили ведущую чайной церемонии, купили разных сортов чая, сфотографировались на крыше с видом на небоскребы Шанхая и, очень довольные, отправились дальше. Но после такой красивой, неспешной и познавательной чайной церемонии уже никто не хотел бродить по сувенирным лавкам. Мы приобрели главное – настоящий зеленый чай, вкусный, ароматный и очень полезный. А мой выбор чая, купленного до этого в супермаркете, оказался неожиданно правильным – это были все виды Оолонга, так популярного в Шанхае. Мои родные и друзья будут довольны.

Тудор ПАЛЛАДИ

Непревзойдённая звезда

Формально и хронологически принадлежа к поколению девяностых, Стелиана Грама практически не пересекается с деятельностью своих коллег по цеху. Сферы, в которых она работала, полнее и глубже очерчивают оригинальность и многообразие её творчества. Речь идёт не только о современной поэзии, преобладающей в книгах «Телерана» (подготовлена к печати в 1992 году, а издана лишь в 2011), «Трактат о танатофобии» (1996) и «Резервация метеоритов» (1998), но и о поэзии неоромантической, которую можно найти в рондо-тетралогии, единственной в своём роде и неповторимой на фоне всей европейской лирики, не говоря уже о румынской поэзии, развивавшейся в направлении неизменной современной классичности: «Урна из Млечного пути» (2001), «Суррогат иллюзий» (2003), «Переливание сновидений» (2006), «Престол Любви» (2006).

Многообразный талант Стелианы Грама провёл её за короткий жизненный «срок» по путям прозы (сказки-новеллы или сказки-несказки в сборнике «Надежда умирает последней», 2009) и драматургии («Охалка доминик» и др.), публицистики («Память промокашки»), научных исследований («Драматургия 1960-1970 годов на сцене молдавских театров») и детской поэзии («Радуга снов», 2008), песни («Звёздная рана», 2009) и переводов (на русский язык она перевела несколько фантастических рассказов Лауренция Турку, а на румынский – пьесу На всякого мудреца довольно простоты русского классика А. Островского).

Стелиана писала в основном на румынском языке. Её таланты (проявившиеся также в рисунках, оставшихся на страницах тетрадей, рукописей, часть которых включена в сборники «Радуга снов» и «Телерана»... или в постоянной страсти к песне, в текстах её песен, всякий раз написанных в собственной манере...) всегда вели её по нехоженым тропам муз и истинного, а не суетного, творчества. Отсюда и лирический «привал» в языке А. Пушкина. Творческие люди обладают врождённым чувством ответственности перед написанным и произнесённым словом. Стелиана Грама в этом смысле – пример для подражания.

Один из вдохновенных рондо Стелианы Грама мог бы это блестяще доказать. Поэтические опыты на другом языке естественным образом придали ей стимул к многообразию, хотя диалог оказался фактически с самим собой. Настоящий сборник показывает автора во всей строгости и в то же время в состоянии начала, поскольку эти опыты не полностью выявляют её *ars poetica*. Выразительность её поэзии раскрывается постепенно, исключительно из работ на румынском языке, наполненных особыми образами как метафорического, так и идейного характера.

В большинстве своём монологические стихотворения, выстраивающие поэтический мир сборника Свет любви, открывают характерную искренность, а также идейную и мистическую глубину литературного дара Стелианы Грама, выраженного в рондо («Я знаю только одного Бога – Любовь»).

Обладая трагичной и драматичной судьбой, просвечивающейся сквозь строки её стихов. Стелиана Грама и в этой области поэтического искусства – имя, вокруг которого блещит, как вокруг луны в ночные часы, радуга Возвышенного. Это говорит о том, что её призвание было ниспослано Свыше для того, чтобы выразительной и божественной силой слова и личных переживаний вознести к звёздам души, жаждущие красоты и всего того, что связано с идеалом. Перед нами тот самый исключительный случай, когда поэтессе удалось в течение одного десятилетия дать жизнь и язык творчеству непреходящему, приблизившись к вечным творениям хрестоматийных авторов, иными словами – к творениям гениев. Её творчество – живое выражение современной драмы, заключающей в себе множество вечных идейных и метафорических граней, в основе своей божественное благодаря глубокому пониманию собственного «я».

Выходя за рамки поэзии прозы и прозы / театра жизни и творчества, литературные персонажи Стелианы Грама следуют своему небесному пути, который современники выдающейся поэтессы найдут не только в подтексте её творений, оплаченных ценой мгновений, дыханием и устремлённостью Ронделии к языку Пушкина или Лермонтова ей присущи символизм, аполлоновское начало, близость к искусству рапсодов, неоромантизм, поскольку она сама словно из легенды, в сказочной истине, на вершинах которой всегда будут гореть живые и заветные огни из наших сказаний, стоящих на страже и обрмлённых небесными созвездиями, чтобы уже никогда не проснулись враждебные и скупые драконы, лишённые человеческого облика, но и для того, чтобы вовремя пробудить местный и мировой дух к вечной жизни, ко всему румынскому и божескому, достигнутому через страдание, любовь и самопожертвование.

Стелиана ГРАМА
4.06.1974 – 11.10.2006

Родилась 4 июня 1974 года в г. Кишинэу. Окончила среднюю школу № 23 в Кишинэу (1991), факультет журналистики и общественных наук Государственного университета Молдовы (1996, специальность «Журналистика»); факультет драматических искусств Государственного университета искусств Молдовы (1999, специальность «Театроведение»), докторантура при Институте искусствоведения Академии наук Молдовы (1997-2000). Печата-лась в различных журналах и газетах, на русском языке – в жур-нале Союза писателей Молдовы «Кодры. Молдова Литературная» и в др. Писала тексты для песен. На Национальном фестивале-конкурсе эстрадной музыки *Maluri de Prut 2000*, в номинации «Творчество», за слова к песне *Înger decăzut* («Падший ангел»), вместе с композитором Ливиу Штирбу (исполнительница – Нелли Чобану) заняла второе место (первое место не присуждалось). В 2001 Фирма *Music Master* выпустила авторскую кассету *Fulgerul Iubirii* («Молния Любви»), включающую песни, написанные на её собственные стихи. Кроме стихов, писала также прозу, дра-матические тексты, публицистику и пр. Член Союза писателей Молдовы (1998) и Союза писателей Румынии (2002). Член Союза журналистов Молдовы (2000) и член Ассоциации театральных критиков (1998).

Сказочная любовь

И всё-таки опять встаёт заря,
И всё-таки в любовь ещё я верю,
Её мгновений жду ещё, хотя
Смириться всё труднее мне с потерей.

Ушёл к другой... История обычна!
Смогу ли всё я целомудренно забыть
И обрести себя,
и стать опять самой себе привычной?...
Ведь без тебя не знаю как мне дальше быть...

Лежу в постели, словно в ледяном
И почерневшем от дождей гробу,
И жду, пока весенний грянет гром,
И вновь тебя увижу наяву.

И, словно принц из позабытой сказки,
Ты встанешь предо мною на колени
И по неведомой подсказке,
Ты клятву дашь на том кусте сирени,

Который был и очевидцем наших грёз,
И храмом нашей сказочной любви,
Который был дороже алых роз
И орхидей, возвращённых на крови.

Ты клялся в том, что никогда
Меня не бросишь в мире одиноком,
Что не встречал красивее меня
Нигде от Запада и до Востока...

Не стоит плакать. Счастья не вернуть.
По крайней мере, счастья, что ушло.
И каждый свой уж держит путь,
И ты в созвездии другом, так далеко...

Долой печаль – жить в прошлом мне нельзя!
Ведь не вернуть никак потерю...
И для меня опять встаёт заря,
И всё-таки в любовь ещё я верю.
2 октября 2002 года.

Лучистой перламутра...

Не могут не манить твои глаза
И кожа, что лучистой перламутра,
И кровь моя, вскипая и бурля,
Струится бешено, как Брахмапутра.

Я вдохновляюсь в поисках стиха
Из «Арс Аманди» и из «Камасутры»,
Меня пленяют вновь твои глаза
И кожа, что лучистой перламутра.

Но, к сожаленью, недостоин я
Твоей любви – ведь я всего лишь шудра –
И постараюсь позабыть тебя,
И, может быть, столетие спустя

Мне не приснятся вновь твои глаза
И кожа, что лучистой перламутра...
3 октября 2002 года.

Com.

Tiraj 1000 (3500) ex.

Î.S. Firma editorial-poligrafică «Tipografia Centrală»
MD-2068, Chişinău, str. Florilor, 1
Tel. 43-03-60, 49-31-46